

ПЕТР ВРАНГЕЛЬ

ЗАПИСКИ

Петр Врангель

Записки

«Public Domain»

1923

Врангель П. Н.

Записки / П. Н. Врангель — «Public Domain», 1923

«После кровопролитных боев лета и осени 1916 года, к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период...»

© Врангель П. Н., 1923

© Public Domain, 1923

Содержание

Книга первая	5
Глава I	5
Накануне переворота	5
На Румынском фронте	11
На фронте и в тылу в дни переворота	14
Первые шаги нового правительства	22
Наступление революционной армии	26
Корниловские дни	33
Накануне большевиков	37
Под большевистской пятой	41
На Украине и в Белоруссии	48
Глава II	56
На Кубани	56
В ногайских степях	73
Освобождение Терека	84
Глава III	99
В Задонских степях	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Петр Николаевич Врангель

Записки

Книга первая **(ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.)**

Глава I **Смута и развал армии**

Накануне переворота

После кровопролитных боев лета и осени 1916 года, к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период.

Двухлетний тяжелый опыт войны не прошел даром: мы многому научились, а дорого обошедшиеся нам недочеты были учтены. Значительное число старших начальников, оказавшихся не подготовленными к ведению боя в современных условиях, вынуждены были оставить свои посты: жизнь выдвинула ряд способных военачальников. Однако протекционизм, свивший себе гнездо во всех отраслях русской жизни, по-прежнему сплошь и рядом выдвигал на командные посты лиц далеко не достойных. Шаблон, рутина, боязнь нарушить принцип старшинства все еще царили, особенно в высших штабах.

Состав армии за два года успел существенно измениться, выбыла большая часть кадровых офицеров и солдат, особенно в пехоте.

Новые офицеры ускоренных производств, не получившие воинского воспитания, чуждые военного духа, воспитателями солдат быть не могли. Они умели столь же красиво, как и кадровое офицерство, умирать за честь родины и родных знамен, но, оторванные от своих занятий и интересов, глубоко чуждых духу армии, с трудом перенося неизбежные лишения боевой жизни, ежеминутную опасность, голод, холод и грязь, они быстро падали духом, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать дух своих солдат.

Солдаты после 2-х лет войны, в значительной массе, также были уже не те. Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, те пополнения, которые беспрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой и жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи «самострелов», пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты. Наиболее слабые по составу были третьеочередные дивизии.

Подготовка пополнений в тылу, обучение их в запасных частях стояли в общем весьма низко. Причин этому было много: неправильная постановка дела, теснота и необорудованность казарм, рассчитанных на значительно меньшее количество запасных кадров, а главное, отсутствие достаточного количества опытных и крепких духом офицеров и унтер-офицеров инструкторов. Последние набирались или из инвалидов, или из зеленой молодежи, которой

самой надо было учиться военному делу. Особенно резко все эти недочеты сказывались в пехоте, где потери и убыль кадровых элементов были особенно велики.

Со всем этим армия все еще представляла собой грозную силу, дух ее был все еще силен и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массовых выступлений в самой армии и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено само понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу.

Двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели; чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции – неизбежное следствие каждой войны – поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне.

В этом отношении много старались те многочисленные элементы, которыми за последние месяцы войны обростала армия, особенно в ближайшем тылу; «земгусары», призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности, заполнили собой всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа облекались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии, главным образом, прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из «интеллигенции».

Офицерство и главная масса солдат строевых частей, перед лицом смертельной опасности, поглощенные мелочными заботами повседневной боевой жизни, почти лишенные газет, оставались чуждыми политике. Часть строевого офицерства лишь слабо отражала настроения, слухи и разговоры ближайших крупных штабов. Конечно, высший командный состав не мог оставаться безучастным к той волне общего политического недовольства и тревоги, которая грозно нарастала в тылу, и, несомненно, грозила отразиться на нашем военном положении.

Становилось все более и более ясным, что там, в Петербурге, неблагополучно. Беспреывная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой, все растущее количество петиций и обращений к Государю различных общественных организаций, требовавших общественного контроля, наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших Государя лиц, – все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия.

Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок Государя, видели ту опасность, которая нарастала и, искренне заблуждаясь, верили в возможность «дворцового переворота» и «бескровной революции». Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1-ым Нерчинским казачьим Наследника Цесаревича полком. Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своей и предсмертными словами: «я умираю потому, что слишком люблю родину», – доказал свой патриотизм. В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя «дворцовым переворотом»...

Другие начальники сознавали, что изменить положение вещей необходимо, но признавали вместе с тем, что всякий переворот, всякое насильственное выступление в то время, когда страна ведет кровавую борьбу с внешним врагом, не может иметь места, что такой переворот не пройдет безболезненно и что это будет началом развала армии и гибели России.

Наконец, среди старшего командного состава было не малое число и «приемлющих революцию» в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или другим неугодным начальником. Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить.

* * *

Зима 1916 года застала меня командиром 1-го Нерчинского казачьего Наследника Цесаревича полка, входившего в состав Уссурийской конной дивизии генерала Крымова. Кроме моего в состав дивизии входили Приморский драгунский полк, который только что сдал старый его командир генерал Одинцов, оказавшийся впоследствии одним из видных генералов красной армии. Уссурийский и Амурский казачьи полки. Уссурийская дивизия, составленная из сибирских уроженцев, отличных солдат, одинаково хорошо дерущихся как на коне, так и в пешем строю, под начальством генерала Крымова успела приобрести себе в армии заслуженную славу. Полк, которым я командовал уже более года, только что за блестящую атаку 22 августа в Лесистых Карпатах был награжден высоким отличием – Наследник Цесаревич был назначен шефом полка.

С отходом дивизии в армейский резерв, в Буковину, в район местечка Радауц, я должен был во главе депутации от полка отправиться в Петербург для представления молодому шефу. Депутация вела с собой маленького забайкальского коня, отличных форм, который должен был быть подведен Наследнику, и везла с собой полную форму Нерчинского полка для поднесения Цесаревичу.

В состав депутации входили: старший полковник полка Маковкип – блестящий офицер, потерявший в течении войны глаз, кавалер Георгиевского оружия, отличный спортсмен, дважды бравший Императорский приз на Красносельских скачках; командир 3-ей сотни, наиболее отличившейся в упомянутой атаке, есаул Кудрявцев и полковой адъютант сотник Влесков.

Выбрать офицеров в состав депутации было нелегко, всем хотелось удостоиться этой чести, да и общий состав офицеров был таков, что трудно было наметить наиболее достойных. Нерчинский казачий полк отличался и до войны прекрасным офицерским составом. Полком долго командовал полковник Павлов, б. Лейб-Гусар, оставивший родной полк в начале японской войны и после кампании продолжавший службу на Дальнем Востоке. В описываемое время генерал Павлов стоял во главе кавалерийского корпуса на Северном фронте. Блестящий офицер, выдающийся спортсмен и знаток лошади полковник Павлов сумел, командуя Нерчинским казачьим полком, в суровых условиях и на далекой окраине, поднять полк на исключительную высоту. Горячий сторонник чистокровной лошади, полковник Павлов сумел акклиматизировать чистокровного коня и в суровом климате Сибири. Он посадил всех офицеров полка на чистокровных лошадей, завел офицерскую скаковую конюшню и за последние перед войной годы ряд офицерских скачек на петроградском ипподроме был выигран офицерами полка на лошадях полковой конюшни. Высоко поддерживая уровень строевой службы, полковник Павлов требовал от офицеров и соответствующих моральных качеств, тщательно подбирая состав полка. Ко времени назначения моего командиром полка большинство старых офицеров были офицеры, начавшие службу при полковнике Павлове. Со своей стороны мне, удалось привлечь в полк ряд прекрасных офицеров.

Большинство офицеров Уссурийской дивизии и в частности Нерчинского полка во время гражданской войны оказались в рядах армии адмирала Колчака, собравшись вокруг атамана Семенова и генерала Унгерна. В описываемое мною время оба генерала, коим суж-

дено было впоследствии играть видную роль в гражданской войне, были в рядах Нерчинского полка, командуя 6-ой и 5-ой сотнями; оба в чине подъесаула.

Семенов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он окончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план гражданской войны.

Подъесаул барон Унгерн-Штернберг, или подъесаул «барон», как звали его казаки, был тип несравненно более интересный.

Такие типы, созданные для войны и эпохи потрясений, с трудом могли ужиться в обстановке мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпев крушение, они переводились в пограничную стражу или забрасывались судьбою в какие-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, где обстановка давала удовлетворение их беспокойной натуре.

Из прекрасной дворянской семьи лифляндских помещиков, барон Унгерн с раннего детства оказался предоставленным самому себе. Его мать, овдовев, молодой вышла вторично замуж и, по-видимому, перестала интересоваться своим сыном. С детства мечтая о войне, путешествиях и приключениях, барон Унгерн с возникновением японской войны бросает корпус и зачисляется вольноопределяющимся в армейский пехотный полк, с которым рядовым проходит всю кампанию. Неоднократно раненый и награжденный солдатским Георгием, он возвращается в Россию и, устроенный родственниками в военное училище, с превеликим трудом кончает таковое.

Стремясь к приключениям и избегая обстановки мирной строевой службы, барон Унгерн из училища выходит в Амурский казачий полк, расположенный в Приамурье, но там остается не долго. Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во хмелю, Унгерн затевает ссору с одним из сослуживцев и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову. След от этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнейшие головные боли и, несомненно, периодами отражаясь на его психике. Вследствие ссоры оба офицера вынуждены были оставить полк.

Возвращаясь в Россию, Унгерн решает путь от Владивостока до Харбина проделать верхом. Он оставляет полк верхом, в сопровождении охотничьей собаки и с охотничьим ружьем за плечами. Живя охотой и продажей убитой дичи, Унгерн около года проводит в дебрях и степях Приамурья и Маньчжурии и, наконец, прибывает в Харбин. Возгоревшаяся Монголо-Китайская война застает его там.

Унгерн не может оставаться безучастным зрителем. Он предлагает свои услуги монголам и предводительствуя монгольской конницей, сражается за независимость Монголии. С началом Русско-Германской войны Унгерн поступает в Нерчинский полк, и с места проявляет чудеса храбрости. Четыре раза раненный в течение одного года, он получает орден Св. Георгия, Георгиевское оружие и ко второму году войны представлен уже к чину есаула.

Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины и против воинского воспитания, – это тип партизана-люби-

теля, охотника-следопыта из романов Майн-Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик.

В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум и, рядом с этим, поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и, рядом с этим, безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность, и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта.

Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты. В течение этой смуты он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребень волны и с прекращением смуты он также неизбежно должен был исчезнуть.

* * *

Я выехал в Петербург в середине ноября; несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации.

Последний раз я был в Петербурге около двух месяцев назад, когда приезжал лечиться после раны, полученной при атаке 22 августа. Общее настроение в столице еще ухудшилось со времени последнего моего посещения; во всех слоях общества чувствовались растерянность, сознание неизбежности в ближайшее время чего-то огромного и важного, к чему роковыми шагами шла Россия. В то же время, если в среде кругов, близких к Думе и Государственному Совету, среди так называемой «общественности» и была видимость какой-то напряженной работы, в сущности не шедшей дальше словопрений и политической борьбы, если в рабочей среде и в тыловых воинских частях и велась глухо более планомерная разрушительная работа, конечно, не без участия немецкого золота, то широкие слои населения проявляли обычную инертность, погрязши всецело в мелких заботах повседневной жизни. Также стояли хвосты у лавок, также полны были кинематографы и театры, те же серые бытовые разговоры слышались в толпе.

В верхах, близких к Государю и двору, по-видимому, продолжали не отдавать себе отчета в надвигающейся грозе. Высшее общество и высшая бюрократия были, казалось, всецело поглощены обычными «важными» вопросами, кто куда будет назначен, что говорится в партии Великого Князя или Императрицы... Светская жизнь шла своей обычной чередой, и казалось, что кругом меня не участники грядущей драмы, а посторонние зрители.

Через несколько дней после приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя – прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был

завтрак в дежурную комнату. После завтрака Государь гулял; а затем принял нескольких лиц, сколько я помню, вновь назначенного министром здравоохранения, профессора Рейна и министра финансов Барка.

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языке. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярko выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение ее глаз. Императрица, главным образом, интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов. Великие Княжны и Наследник были веселы, шутили и смеялись. Наследник, недавно назначенный шефом полка, несколько раз задавал мне вопросы – какие в полку лошади, какая форма... После обеда перешли в гостиную Императрицы, где пили кофе и просидели еще часа полтора.

На другой день, в воскресенье, я сопровождал Государя, Императрицу и Великих Княжен в церковь, где Они присутствовали на обедне. Маленькая, расписанная в древне-русском стиле церковь была полна молящихся. Видя, как молится Царская Семья, я невольно сравнивал спокойное, полное глубокого религиозного настроения лицо Государя с напряженным, болезненно экзальтированным выражением Императрицы. По возвращении из церкви я застал уже во дворце прибывшего сменить меня флигель-адъютанта графа Кутайсова.

26 ноября, в день праздника кавалеров ордена Св. Георгия, все кавалеры Георгиевского креста и Георгиевского оружия были приглашены в Народный дом, где должен был быть отслужен в присутствии Государя торжественный молебен и предложен обед всем Георгиевским кавалерам. Имея орден Св. Георгия и Георгиевское оружие, я был среди присутствующих.

Громадное число Георгиевских кавалеров, офицеров и солдат, находившихся в это время в Петрограде, заполнили театральный зал дома. Среди них было много раненых. Доставленные из лазаретов тяжелораненые располагались на сцене на носилках. Свита и приглашенные стояли в партере вплотную к сцене. Вскоре прибыл Государь с Императрицей. По отслужении молебна, генерал-адъютант Принц Александр Петрович Ольденбургский взшел на сцену, поднял чарку и провозгласил здравицу Государю Императору и Августейшей Семье. Государь Император выпил чарку и провозгласил «ура» в честь Георгиевских кавалеров, после чего Он и Императрица обходили раненых, беседуя с ними. Я вновь, наблюдая за Императрицей, беседовавшей, наклонившись над носилками тяжелораненого, обратил внимание на болезненное выражение ее лица. Она, внимательно расспрашивая больного, в то же время, казалось, отсутствовала где-то. Видимо, выполняя что-то обязательное и неизбежное. Она мыслями была далеко.

Наконец, прибыли в Петербург офицеры депутации. Представление было назначено в Царском днем 4-го декабря перед самым, назначенным в этот день, отъездом Государя в ставку.

Отправив утром предназначенную быть подведенной Наследнику лошадь, поседланную маленьким казачьим седлом, я выехал с депутацией по железной дороге, везя заказанную для Наследника форму полка. Поезд наш должен был прибыть в Царское за полчаса до назначенного для представления Государю депутации часа, и я рассчитывал, что успею до представления депутации доложить Государю о моих офицерах, дабы Государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вследствие какой-то неисправности пути поезд наш опоздал, и мы едва успели, сев в высланные за нами кареты, прибыть к назначенному часу во дворец. Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как Государь в сопровождении Наследника вышел к нам. Я представил Государю офицеров, и сверх моего ожидания Государь совершенно свободно, точно давно их знал, каждому задал несколько вопросов; полковника Маковкина Он спросил, в котором году он взял Императорский приз; есаулу Кудрявцеву сказал, что знает, как он во главе сотни 22-го августа первым ворвался в окопы противника... Я лишний раз убедился, какой острой памятью обладал Государь, – во время последнего моего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах и этого было достаточно, чтобы Государь запомнил эти подробности.

После представления Государь с Наследником вышли на крыльцо, где осматривали подведенного депутацией коня. Тут же на крыльце Царскосельского дворца Государь с Наследником снялся в группе с депутацией.

Это, вероятно, одно из последних изображений Государя во время Его царствования и это последний раз, что я видел Русского Царя.

На Румынском фронте

Накануне представления Государю депутации я получил телеграмму от генерала Крымова с сообщением о переброске Уссурийской конной дивизии в Румынию и приказание немедленно прибыть в армию всем офицерам, и солдатам дивизии, находящимся в командировках и отпусках.

На другой день после представления депутации я, собрав моих офицеров и казаков, находившихся в Петербурге по разного рода причинам, выехал на фронт. По дороге к нам присоединилось еще несколько офицеров и казаков, вызванных из отпусков или командировок и следовавших в армию.

До границы Румынии мы ехали беспрепятственно, но уже на самой границе стало ясно, что добраться до дивизии будет не так-то легко. Поспешная и беспорядочная эвакуация забила поездными составами все пути. Румынские войска продолжали на всем фронте отходить и новые и новые поездные составы с ранеными, беженцами и войсковыми грузами непрерывно прибывали, все более и более загромождая тыл. Пассажирское движение было приостановлено, в сутки отправлялся к югу лишь один пассажирский поезд, целыми часами простаивавший на всех станциях. Здесь впервые увидел я ставшее впоследствии столь обыкновенным путешествие на крышах вагонов. Не только крыши вагонов, но и буфера и паровозы были облеплены пассажирами. Со мной было человек шесть офицеров и человек двадцать солдат. Я решил обратиться к румынскому коменданту, оказавшемуся чрезвычайно любезным офицером, отлично говорившим по-французски (вообще французский язык широко распространен в Румынии). После каких-то переговоров по аппарату с Яссами он любезно предоставил в мое распоряжение два вагона, из коих один II класса для офицеров, другой III класса для солдат.

Прицепляясь к следовавшим на юг эшелонам мы, хотя и весьма медленно, стали продвигаться к фронту. Буфеты на станциях оказались совершенно пустыми, все было съедено, в нетопленных вагонах холод был неописуемый и мы считали часы, когда, наконец, окончится наш тяжелый путь. На станции Бырлат мы узнали, что через полчаса в направлении на станцию Текучи (я уже знал, что в этом пункте стоят обозы дивизии) идет пассажирский экспресс. Комендант станции обещал мне прицепить мои вагоны к поезду и пригласил пока к себе обогреться и выпить чаю. Я просил прицепить мои вагоны непосредственно за паровозом, дабы возможно быстро прогреть их, что он и обещал сделать. Однако по какому-то недоразумению вагон, в котором я следовал с офицерами, оказался прицепленным в хвост

поезда. Это спасло нам жизнь. Не доходя 15 верст до станции Текучи экспресс наш на шестидесятиверстной скорости врезался в следовавший на север эшелон. Четырнадцать передних вагонов было разбито в щепы и несколько сот человек было убито и ранено. Наш вагон оказался висевшим над насыпью и все мы попадали с наших мест; однако никто не пострадал. Трудно передать жуткую картину; в полной темноте из-под обломков вагонов неслись крики, стоны и плач. Некоторые вагоны загорелись, и много несчастных раненых погибло в огне.

Оставив при вещах двух казаков, мы пешком дошли до станции Текучи, откуда, розыскав наш обоз, выслали за багажем. В тот же день я на автомобиле с адъютантом выехал на Фокшаны по ужасному, разбитому непрерывным движением обозов и распутицей шоссе.

Мы двигались едва ли со скоростью 4–5 верст в час; шоссе и вся местность по сторонам его были покрыты тянувшимися на север обозами, толпами жителей и оборванных, большей частью без винтовок, солдат. Я увидел характерный отход разбитой и стихийно отступавшей армии. Вперемешку с лазаретными линейками, зарядными ящиками и орудиями следовали коляски, тележки с женщинами и детьми среди гор свертков, коробок и всякого домашнего скарба.

Не могу забыть элегантного ландо с двумя отлично одетыми румынскими офицерами и несколькими нарядными дамами, запряженного уносными артиллерийскими конями в артиллерийском уборе...

Поздней ночью я встретил дивизию, отходившую на линию реки Серета. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредоточивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи-Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: «Наконец-то, подлеца Гришку ухлопали...»

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух – Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф.Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям...

10-го января я получил известие о состоявшемся назначении моем командиром 1-ой бригады Уссурийской конной дивизии, в состав которой входили Приморский драгунский и мой Нерчинский казачьи полки. Грустно было расставаться с полком, которым я командовал более 14-ти месяцев, с которым делил и тягости боевой жизни, и ряд славных побед. Полк принимал старший полковник полка Маковкин, о назначении которого моим заместителем я еще в Петербурге просил Государя и Походного Атамана Великого Князя Бориса Владимировича.

Сдав полк, я, воспользовавшись нахождением дивизии в армейском резерве, поехал на несколько дней в Яссы.

Я остановился в Яссах у посланника нашего А.А. Мосолова, однополчанина моего по Конной Гвардии. Квартиру в Яссах почти невозможно было найти, город был забит массой беженцев и тыловых армейских учреждений. Ожидался приезд Великой Княгини Виктории Федоровны, сестры Королевы.

Не будучи близок к Великой Княгине, я не считал нужным ей представиться. Однако в день ее приезда ко мне заехал заведующий двором Великой Княгини Гартунг и передал приглашение Великой Княгини на другой день в 10 часов утра прибыть к ней во дворец Королевы, где она остановилась.

В Яссах румынский двор не мог найти достаточно большого помещения и Король и Королева с детьми помещались в разных домах. Королева занимала небольшой двухэтажный особняк на главной улице города; у ворот стоял караул в форме, напоминающей наших Кавалергардов.

Я застал у Великой Княгини занимавшего пост русского коменданта города генерала Казакевича, бывшего Преображенца и флигель-адъютанта. Великая Княгиня задержала нас более часа. Она подробно рассказывала нам о всех последних событиях в Петербурге, об аресте и высылке в Персию Великого Князя Дмитрия Павловича, о коллективном письме, обращенном всеми членами Императорской Фамилии Государю с мольбой о помиловании Великого Князя, об отказе в этом Государя, о немилости, постигшей Великого Князя Николая Михайловича за резкое письмо его к Государю, в котором высказывалась горькая и неприкрашенная правда. По ее словам все ближайшие к Государю члены Его Семьи ясно видели, какая опасность грозит династии и самой России, одна Государыня не видела, или не хотела этого видеть. Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Сестра Государыни, сама Великая Княгиня Виктория Федоровна, княгиня Юсупова, мать убийцы Распутина, князя Юсупова, мужа Княжны Ирины Александровны, пытались открыть Императрице глаза, но все было тщетно.

«Я знаю Россию дольше и лучше тебя», – сказала Императрица Великой Княгине Виктории Федоровне, – «ты слышишь только то, что говорится в Петербурге, среди испорченной и далекой от народа аристократии. Ежели бы ты поехала с Государем и со Мной в одну из поездок Наших на фронт, ты бы увидела, как народ и армия обожают Государя».

Императрица, открыв ящик стола, показала Великой Княгине пачку связанных писем: «Вот все это письма офицеров и солдат, простых русских людей. Я получаю много таких писем каждый день, все они обожают Государя и просят об одном, чтобы Он был тверд и не уступал всем пронкам Думы...»

Великая Княгиня давала понять, что большинство членов Императорской Семьи и, главным образом, семья Великой Княгини Марии Павловны, признают необходимость изменить существующий порядок вещей и что в этом отношении с ними единодушен ряд наиболее видных членов Думы... Продолжительный разговор с Великой Княгиней Викторией Федоровной произвел на меня тягостное впечатление. Я, встречая Великую Княгиню постоянно в Петербурге, никогда к ней не был близок и самое желание ее видеть меня и откровенное посвящение Ею во все эти подробности показались мне несколько странными.

Дальнейшие события и выступление Великого Князя Кирилла Владимировича во главе «революционного» морского экипажа в один из первых дней переворота объясняют, быть может, многое.

На следующий день я был приглашен обедать к Королеве. Кроме Королевы с дочерьми и Великой Княгини обедали статс-дама Королевы и дежурный флигель-адъютант, гофмейстерина Великой Княгини С. П. Дурново и я. Я сидел с Королевой, которая была так же мила, как и красива. Глядя на Нее трудно было поверить, что взрослые Великие Княжны Ее дочери. После обеда перешли в гостиную, заваленную привезенными Великой княгиней

подарками для солдат. Я душевно был рад, что разговор не возвращался к тяжелым вопросам, затронутым накануне.

Вернувшись домой, я нашел телеграмму о состоявшемся производстве меня за боевое отличие в генерал-майоры. Генерал Крымов, заболевший за несколько дней до моего отъезда в Яссы, выехал для лечения в Петербург и в командование дивизией временно вступил командир второй бригады старый полковник Железнов, уральский казак. С производством моим в генералы мне надлежало вступить в командование дивизией и я выехал на фронт.

В двадцатых числах января дивизия получила приказание перейти в район г. Кишинева. Здесь сосредоточивалась большая часть русской конницы с Румынского фронта. Богатая местными средствами и, главным образом, фуражем, Бессарабия давала возможность нашей коннице занять широкое квартирное расположение и в течение зимнего затишья на фронте подправиться и подкормиться.

Я повел дивизию крупными переходами. Стояла чрезвычайно снежная зима с обычными в этой части Румынии метелями. Однако привычные к зимнему походу забайкальские кони шли легко и переход наш во вновь назначенный район мы сделали быстро и без особых затруднений.

Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычайно оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны.

Радужное кишиневское общество радо было случаю оказать гостеприимство нашим частям и самому повеселиться. Представители местного дворянства и крупного купечества наперерыв устраивали обеды, ужины и балы и военная молодежь после двух лет тяжелой походной жизни веселилась от души. Через несколько дней после прибытия дивизии кишиневское дворянство устроило для офицеров в Дворянском собрании бал. После танцев перешли в столовую, где на отдельных столах был сервирован ужин, причем дамы сами подавали, присаживаясь к тому или другому столику. Через неделю дивизия давала в том же Дворянском собрании ответный бал кишиневскому обществу. Из окрестных стоянок прибыло два хора трубачей и песенники. Разошлись только с рассветом. Среди беззаботного веселья и повседневных мелочных забот, казалось, отлетели далеко тревоги последних долгих месяцев и ничто не предвещало близкую грозу.

Одиннадцатого февраля прибыл из Петербурга генерал Крымов и дал новый повод местному обществу устроить в честь его ряд обедов и вечеров. Он так же был далек от сознания, что роковой час почти пришел и гроза готова разразиться. Негодуя на ставку и правительство, осуждая «безумную и преступную» политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее, примеров призыва, злоупотреблений и бездарности власти, он все же не отдавал себе отчета, что капля, долженствующая переполнить чашу терпения страны, уже повисла в воздухе.

На фронте и в тылу в дни переворота

Штаб дивизии расположился в 18-ти верстах от Кишинева в господском дворе «Ханки». В самом городе Кишиневе для чинов штаба, приезжавших в город по делам, была отведена небольшая квартира. Части дивизии располагались в окрестных деревнях в 10–12 верстах от города. Первые дни по приезду генерал Крымов жил большей частью в городе, я же помещался при штабе дивизии в господском дворе «Ханки». Первого или второго марта в городе впервые стали передаваться слухи о каких-то беспорядках в Петербурге, о демон-

страциях рабочих, о вооруженных столкновениях на улицах города. Ничего определенного, однако, известно не было и слухам не придавали особого значения.

4-го или 5-го марта, в то время, как я сел ужинать, вернулся из города ординарец штаба дивизии Приморского драгунского полка корнет Квитковский и передал мне о слышанных им в городе слухах о всеобщем восстании в Петербурге и о том, что «из среды Думы выделено будто бы Временное Правительство». Более подробных сведений он дать не мог. Часов в восемь вечера меня вызвал из города к телефону генерал Крымов. По голосу его я понял, что он сильно взволнован:

«В Петербурге восстание, Государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам».

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова манифеста. Генерал Крымов читал, я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение манифеста Государя, генерал Крымов стал читать манифест Великого Князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба:

«Это конец, это анархия».

Конечно, самый факт отречения Царя, хотя и вызванный неудовлетворенностью общества, не мог, тем не менее, не потрясти глубоко народ и армию. Но главное было не в этом. Опасность была в самой идее уничтожения монархии, исчезновении самого Монарха. Последние годы Царствования отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол. Передача Им власти Сыну или Брату была бы принята народом и армией не очень болезненно. Присягнув новому Государю, русские люди, так же как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине и умирать за «Веру, Царя и Отечество».

Но в настоящих условиях, с падением Царя, пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ни чем соответствующим заменены.

Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны...

Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверху психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно должен был произойти целый ряд недоразумений. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные, толкования отречений Государя и Великого Князя (так, один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что «Государь сошел с ума»), еще более спутали и затемнили в понятии войск положение. Я решил сообщить войскам оба манифеста и с полной откровенностью рассказать все то, что было мне известно – тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими Государя и тем затруднявшими проведение в стране мира, необходимого в связи с настоящей грозной войной. Обстоятельства, сопровождавшие отречение Государя, мне неизвестны, но манифест, подписанный Царем, мы, «присягавшие Ему» должны беспрекословно выполнить, так же как и приказ Великого Князя Михаила Александровича, коему Государь доверил Свою власть.

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом – недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей

интеллигенции (технических команд, писарей, состав некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение.

Через день, объехав полки, я проехал к генералу Крымову в Кишинев. Я застал его в настроении приподнятом, он был весьма оптимистически настроен. Несмотря на то, что в городе повсеместно уже шли митинги и по улицам проходили какие-то демонстрировавшие толпы с красными флагами, где уже попадались отдельные солдаты из местного запасного батальона, он не придавал этому никакого значения; он искренне продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Он горячо доказывал, что армия, скованная на фронте, не будет увлечена в политическую борьбу, и «что было бы гораздо хуже, ежели бы все это произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия просто бы разбежалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядки».

От него я узнал впервые список членов Временного Правительства. Из всех них один Гучков был относительно близок к армии, – он находился в составе Красного Креста в Японскую кампанию, а последние годы состоял в Думе представителем комиссии военной обороны, с 1915 же года во главе военно-промышленного комитета. Однако, назначение военным министром человека не военного, да еще во время войны, не могло не вызвать многих сомнений. Генерал Крымов, близко знавший Гучкова, возлагал на него огромные надежды:

«О, Александр Иванович – это государственный человек, он знает армию не хуже нас с вами. Неужели же всякие Шуваевы только потому, что всю жизнь просидели в военном министерстве, лучше его. Да они ему в подметки не годятся...»

Имя князя Львова было известно, как председателя Земского Союза, он имел репутацию честного человека и патриота. Милюков и Шингарев были известны, как главные представители кадетской партии – талантливые ораторы... Были и имена совсем неизвестные – Терещенко, Некрасов... Действенного, сильного человека, способного схватить и удержать в своей руке колеблющуюся власть, среди всех этих имен не было.

Крымов передал мне и первые петербургские газеты. Сведения о всем происходившем там, приведенные речи некоторых членов Думы и самочинно образовавшегося совета рабочих и солдатских депутатов предвещали мало хорошего. С места образовалось двоевластие и Временное Правительство, видимо, не чувствовало в себе силы с ним бороться. В речах даже наиболее правых ораторов чувствовалось желание подделаться под революционную демократию... Больно ударили меня по сердцу впервые прозвучавшие слова о необходимости «примирить» солдат и офицеров, потребовать от офицеров «уважения к личности солдата». Об этом говорил Милюков в своей речи 2-го марта, когда в залах Таврического дворца он впервые упоминал об отречении Государя в пользу Брата...

Последующие дни подтвердили мою тревогу; все яснее становилось, что смута и развал в тылу растут, что чуждые армии и слабые духом люди, ставшие во главе страны, не сумеют уберечь армию от попыток увлечь ее в водоворот. Появился и приказ № 1.

Как-то рано утром генерал Крымов вызвал меня к телефону, он просил меня немедленно прибыть в Кишинев: «Заберите с собой необходимые вещи», – предупредил он, – «я прошу вас сегодня же выехать в Петербург».

Я застал генерала Крымова за письмом. В красных чакчирах, сбросив китель, он сидел за письменным столом, вокруг него на столе, креслах и полу лежал ряд скомканных газет.

«Смотрите», – ткнув пальцем в какую-то газету, заговорил он, – «они с ума сошли, там черт знает, что делается. Я не узнаю Александра Ивановича (Гучкова), как он допускает этих господ залезать в армию. Я пишу ему. Я не могу выехать сам без вызова и оставить в эту минуту дивизию. Прошу вас поехать и повидать Александра Ивановича...»

Он стал читать мне письмо. В горячих, дышащих глубокой болью и негодованием строках, он писал об опасности, которая грозит армии, а с нею и всей России. О том, что армия должна быть вне политики, о том, что те, кто трогают эту армию, творят перед родиной преступление... Среди чтения письма он вдруг, схватив голову обеими руками, разрыдался... Он заканчивал письмо, прося А.И. Гучкова выслушать меня, предупреждая, что все то, что будет сказано мною, он просит считать, как его собственное мнение. В тот же вечер я выехал в Петербург.

На станции Жмеринка мы встретили шедший с севера курьерский поезд. Среди пассажиров оказалось несколько очевидцев последних событий в столице. Между ними начальник 12-ой кавалерийской дивизии свиты генерал барон Маннергейм (командовавший впоследствии в Финляндии белыми войсками). От него первого, как очевидца, узнал я подробности столичных народных волнений, измены правительству воинских частей, имевшие место в первые же дни случаи убийства офицеров. Сам барон Маннергейм должен был в течение трех дней скитаться по городу, меняя квартиры. Среди жертв обезумевшей толпы и солдат оказалось несколько знакомых: престарелый граф Штакельберг, бывший командир Кавалергардского полка граф Менгден, Лейб-Гусар граф Клейнмихель... Последние два были убиты в Луге своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии.

В Киеве между поездами я поехал навестить семью губернского предводителя Безака. По дороге видел сброшенный толпой с пьедестала, в первые дни после переворота, памятник Столыпина. Безаки оставили обедать. За обедом я познакомился с только что прибывшим из Петербурга, членом Думы бароном Штейгером и от него узнал подробности того, что происходило в решительные дни в стенах Таврического дворца. От него впервые услышал я хвалебные отзывы о Керенском. По словам барона Штейгера, это был единственный темпераментный человек в составе правительства, способный владеть толпой. Ему Россия была обязана тем, что кровопролитие первых дней вовремя остановилось.

На станции Бахмач к нам в вагон сел адъютант Великого Князя Николая Николаевича, полковник граф Менгден. Он оставил в Бахмаче поезд Великого Князя, направлявшегося из Тифлиса в Могилев, где Великий Князь должен был принять главное командование. Граф Менгден ехал в Петербург, где у него оставалась семья – жена, дети и брат. Он ничего еще не знал о трагической смерти последнего. Пришлось выполнить тяжелую обязанность сообщить ему об этом. Граф Менгден передал мне, что Великий Князь уже предупрежден о желании Временного Правительства, чтобы Он передал главное командование генералу Алексею и что Великий Князь решил, избегая лишних осложнений, этому желанию подчиниться. Я считал это решение Великого Князя роковым. Великий Князь был чрезвычайно популярен в армии как среди офицеров, так и среди солдат. С Его авторитетом не могли не считаться и все старшие начальники: главнокомандующие фронтов и командующие армиями. Он один еще мог оградить армию от грозившей ей гибели, на открытую с Ним борьбу Временное Правительство не решилось бы.

В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый Финляндский драгун с наглым лицом, папироской в зубах и красным бантом на шинели, бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, и пытался вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением, сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодяя за шиворот, и, протаскив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако, никто не решился заступиться за нахала.

Первое, что поразило меня в Петербурге, это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия, солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенными красными лентами, владельцами экипажей с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезгали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться:

«Что делать, я только одет по форме – это новая форма одежды...» Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за все это время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. С первых же часов опасности Государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детями в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь. Великий Князь Кирилл Владимирович сам привел в Думу гвардейских моряков и поспешил «явиться» М.В. Родзянко. В ряде газет появились «интервью» Великих Князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отречшегося Царя. Без возмущения нельзя было читать эти интервью.

Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась, и Временное Правительство, не находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на пагубный путь компромиссов.

Гучков отсутствовал в Петербурге. Я решил его ждать и, зайдя в военное министерство, оставил свой адрес, прося уведомить, когда военный министр вернется. Через день ко мне на квартиру дали знать по телефону, что министр иностранных дел П.Н. Милюков, осведомившись о приезде моем в Петербург с поручением к А.И. Гучкову, просил меня к себе. На другой день утром я был принят весьма любезно Милюковым:

«Александр Иванович Гучков отсутствует», – сказал мне министр, – «но я имею возможность постоянно с ним сноситься. Я могу переслать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы пожелали бы мне сообщить. Мы с Александром Ивановичем люди разных партий», – прибавил улыбаясь Милюков, – «но теперь, как вы понимаете, разных партий нет, да и быть не может».

Передав письмо генерала Крымова министру, я постарался возможно подробнее высказать ему свой взгляд на опасность для армии создавшегося положения. Я указал ему, что в настоящую минуту, когда особенно необходима твердая дисциплина, надлежит всеми мерами поддерживать престиж начальников, что последние приказы расшатывают дисциплину в армии и сами создают пропасть между офицерским составом и солдатами, что требование дисциплины «лишь только в строю» вредно и бессмысленно.

«Сейчас война и мы все воины, и офицеры и солдаты, где бы мы ни находились: в окопах, в резерве, или в глубоком тылу, – мы все время, в сущности, несем службу и находимся „в строю“. Новые права солдата, требование обращения к солдатам на „вы“, право посещать общественные места, свободно курить, и т. д., хорошему солдату сейчас не нужны. Русский простолудин сызмальства привык к обращению на „ты“ и в таком обращении не видит для себя обиды; в окопах и на привале русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного

котла и закуривают от одной папироски – свободным посещением публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы».

Министр слушал меня весьма внимательно, делая пометки все время в блокнот. «То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передам все это Александру Ивановичу Гучкову. Однако, должен заметить, что те сведения, которыми мы располагаем, то, что мы слышим здесь от представителей армии, освещает вопрос несколько иначе».

«Это возможно», – ответил я, – «но позвольте спросить вас, о каких представителях армии вы изволите говорить. О тех, что заседают в совете рабочих и солдатских депутатов, неизвестно кем выбранные и кем назначенные, или о тех, которых я видел только что на улицах города, разукрашенных красными бантами. Поверьте мне, что из хороших офицеров и солдат в Петербурге сейчас находятся лишь те, что лежат в лазаретах, и едва ли они могут быть вашими осведомителями. Я не сомневаюсь, что все прочие, кто случайно находился здесь, сейчас уже поспешили вернуться в свои родные части».

«Конечно, я не берусь судить, – Александр Иванович Гучков в этом вопросе компетентнее меня. Вероятно, по его возвращении, он пожелает лично вас видеть. Пока будьте уверены, я в точности передам все вами сказанное...»

Вернувшись домой, я нашел телеграмму генерала Крымова, он сообщал мне, что вызван военным министром в Петербург, что я назначен временно командующим дивизией и должен немедленно вернуться в Кишинев. С большим трудом достав билет, я в тот же вечер выехал из Петербурга.

15-го марта я прибыл в Кишинев. Генерал Крымов, не дождавшись меня, накануне выехал, с ним уехал и начальник штаба дивизии полковник Самарин. Полковник Самарин, по приезде в Петербург, был назначен начальником кабинета военного министра; его заместителем оказался генерального штаба подполковник Полковников, донской казак, через несколько дней после моего приезда прибывший к месту службы. Подполковник Полковников, оказавшийся впоследствии, после корниловских дней, во главе Петербургского военного округа и сыгравший в дни падения Временного Правительства столь печальную роль, в должности начальника штаба дивизии оказался способным, толковым и дельным работником.

Мы переживали тяжелое время. Власть из рук Временного Правительства все более и более ускользала. Это правительство оказывалось бессильным противостоять притязаниям самочинного совета рабочих и солдатских депутатов.

В армии ясно чувствовали все грозные последствия этой слабости и колебания, и инстинктивно стремились эту власть подкрепить. Ряд войсковых частей обращался с заявлениями к председателю правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всеми попытками внести анархию в страну. Такого характера заявления вынесли и все полки Уссурийской дивизии.

К сожалению, Временное Правительство не сумело, да, по-видимому, и не решалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь. Александр Иванович Гучков, который в это время объезжал главнокомандующих фронтами, принимая депутации от разного рода частей, неизменно громко заявлял, что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластия нет, что работа правительства и совета рабочих и солдатских депутатов происходит в полном единении.

Не было твердости и единства и в верхах армии. Вместо того, чтобы столкнуться и встать единодушно и решительно на защиту вверенных им войск, старшие военачальники действовали вразброд каждый за себя, не считаясь с пользой общего дела. В то время, как генерал граф Келлер, отказавшись присягнуть Временному Правительству, пропускал мимо себя, прощаясь с ними, свои старые полки под звуки национального гимна, генерала Бруси-

лова несли перед фронтом войск, в разукрашенном красными бантами кресле, революционные солдаты...

17-го марта был день полкового праздника Амурского казачьего полка. Полк этот был включен в состав дивизии сравнительно недавно – весной 1916 года, и по внутреннему порядку своему невыгодно отличался от других полков дивизии. Год тому назад, когда полк находился в Петербурге, неся охрану, в полку была громкая история – убийство казаками своего офицера. Амурские казаки, отличные солдаты, были, в большинстве случаев, народ буйный и строптивый. Полком командовал Амурского казачьего войска полковник Сычев. Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел, вместо сотенных значков, в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали «подручный материал» и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскочил с рапортом, оркестр заиграл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад и услышал неожиданный для меня ответ, – «казаки этого потребовали». Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких «требований» подчиненных, что уставом ясно указано о порядке встречи старших начальников, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздоровавшись с сотнями и поздравив с войсковым праздником, я, став перед фронтом полка, обратился к казакам:

«Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду, и сегодняшний день с вами провести не могу».

Круто повернув коня, я поскакал домой.

В тот же день я отдал приказ по дивизии, где объявил выговор командиру Амурского полка за допущение беспорядков в строю. Полковник Сычев, поддержанный заведующим хозяйством есаулом Гордеевым, пьяницей и плохим офицером, пытался вызвать недовольство полка против меня, стараясь внушить офицерам и казакам, что я оскорбил полк и в лице его все амурское казачество, что я сам не казак, а потому и обижаю казаков – одним словом раздался тот припев, который впоследствии напевали так часто вожди «самостийного» казачества. Как только я узнал о недопустимых действиях командира полка и его помощника, я без лишних слов отдал приказ об отрешении обоих от должности и предписал им в тот же день выехать из пределов дивизии. Приехав в Амурский полк, я собрал офицеров, разъяснил им дело и высказал свой взгляд на вещи. В командование полком я приказал вступить Полковникову (в этой должности он был впоследствии утвержден по ходатайству генерала Крымова), а о действиях полковника Сычева и есаула Гордеева приказал командиру 2-ой бригады, генералу Железнову, произвести расследование для предания их суду.

После этого дня никаких революционных демонстраций в частях дивизии не было, несмотря на то, что в самые ближайшие дни в Нерчинском казачьем полку произошел случай, который, казалось бы мог дать к этому более чем достаточный повод. В числе других офицеров Нерчинского полка состоял прикомандированный к полку, недавно произведенный в офицеры, почти мальчик, корнет Зорин. Чрезвычайно нервный и впечатлительный, он болезненно переживал все происходившее в армии. Как-то ночью, будучи дежурным по полку, он, обходя расположение полка, услышал в одной из изб шум и крики. В ту минуту, как, отворив дверь, он готовился переступить порог, на него из сеней выскочил какой-то казак, и, толкнув его, пытался проскочить в дверь. Ошеломленный неожиданностью, вообразив, что на него нападают, корнет Зорин выхватил револьвер и выстрелил в казака, убив его наповал. Через минуту все разъяснилось. Оказалось, никто нападать на офицера не хотел, казаки пьянствовали в избе и, услышав снаружи шаги и опасаясь быть застигнутыми

в неурочный час, бросились врассыпную, один из них и наткнулся на входящего Зорина. Несчастный Зорин, опомнившись, едва сам не покончил самоубийством. Я узнал о происшествии рано утром и немедленно поехал в полк. Дознание было уже закончено. Из него явствовало, что офицер не имел никаких оснований употребить оружие. Вместе с тем со стороны казаков было явное нарушение внутреннего порядка. Я собрал полк и тут объявил свое решение:

«Корнет Зорин предается суду за употребление оружия без достаточных к тому оснований. Командиру сотни, где был беспорядок, объявляется выговор, вахмистр и взводные разжалуются». Одновременно я откомандировал корнета Зорина в его родной полк, дабы дать возможность разобрать его дело в более беспристрастной обстановке. Тут же я сделал полку горячее конное учение и, поблагодарив казаков, вернулся в штаб. Похороны казака, за гробом которого шли все офицеры во главе с командиром полка, прошли совсем спокойно и случай этот никаких последствий не имел.

30-го марта вернулся генерал Крымов, назначенный командиром 3-го конного корпуса, вместо графа Келлера.

Первые шаги Александра Ивановича Гучкова в роли военного министра ознаменовались массовой сменой старших начальников – одним взмахом пера были вычеркнуты из списков армии 143 старших начальника, взамен которых назначены новые, не считаясь со старшинством. Мера эта была глубоко ошибочна. Правда, среди уволенных было много людей недостойных и малоспособных, сплошь и рядом державшихся лишь оттого, что имели где-то руку, но тем не менее смена такого огромного количества! начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно и замена их людьми чуждыми этим частям, да еще в столь ответственное время, не могли не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии.

От генерала Крымова я узнал подробности кровавых кронштадских дней, стоивших жизни лучшим офицерам балтийского флота, погибшим от руки матросов. Генерал Крымов, повидавши Гучкова, М. В. Родзянко, Терещенко и других своих политических друзей, вернулся значительно подбодренный. По его словам, Временное Правительство, несмотря на кажущуюся слабость, было достаточно сильно, чтобы взять движение в свои руки. Необходимость этого якобы в полной мере учитывалась членами Временного Правительства. Главной поддержкой Временного Правительства, помимо широких кругов общественности и значительной части армии, должны были быть, по мнению генерала Крымова, казаки. На казачество возлагал он огромные надежды, и прямо объявлял, что «теперь надо делать ставку на казаков». Желая сохранить в своем командовании родную дивизию и решив «оставить на казаков», генерал Крымов выхлопотал включение в состав 3-го конного корпуса Уссурийской конной дивизии.

С утверждением генерала Крымова командиром 3-го конного корпуса я назначался на должность начальника Уссурийской конной дивизии.

Надежд, возлагаемых генералом Крымовым на казаков, я не разделял. Прожив детство и юность на Дону, проводя Японскую войну в рядах Забайкальского казачьего полка, командуя в настоящую войну казачьим полком, бригадой и дивизией, в состав коих входили полки трех казачьих войск, – я отлично знал казаков. Я считал, что они легко могут стать орудием в руках известных политических кругов. Свойственное казакам испокон стремление обособиться представляло в настоящую минуту, когда значительная часть армии состояла из не казаков, а казачьи части были вкраплены в целый ряд регулярных дивизий, немалую опасность.

Я считал, что борьба с развалом должна вестись иными путями, не ставкой на какую-либо часть армии, а дружным единением верхов армии и сплоченностью самой армии. Но генерала Крымова трудно было переубедить. Он весь увлечен новой идеей. Это с места учли

некоторые элементы – в полках стало заметно среди офицеров деление на казаков и не казаков. В Нерчинском казачьем полку, где особенно было много офицеров, переведенных из регулярных частей, этот вопрос стал наиболее остро. Несколько офицеров подали рапорта о переводе их в регулярные части.

Я решил откровенно переговорить с генералом Крымовым:

«Я не разделяю, Александр Михайлович, возлагаемой вами надежды на казаков. Дай Бог, чтобы я ошибался. Во всяком случае, раз вы делаете эту ставку, то следует избегать всего, что так или иначе может помешать. Сам я не казак, большую часть службы провел в регулярных частях, едва ли при этих условиях я буду полезен делу, как ваш ближайший помощник...»

Генерал Крымов, видимо, понимал меня и не особенно удерживал. Он предложил написать военному министру и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, ходатайствуя о предоставлении мне в командование регулярной дивизии.

Попрощавшись с Приморским драгунским и родным Нерчинским полком, устроившим мне горячие проводы, я, 5-го апреля, в первый день Пасхи выехал в Петербург.

Первые шаги нового правительства

Я застал Петербург необыкновенно оживленным. С раннего утра и до поздней ночи улицы города были наполнены толпами народа. Большую часть их составляли воинские чины. Занятия в казармах нигде не велись и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. Количество красных бантов, утерев прелесть новизны, по сравнению с первыми днями революции, поуменилось, но зато неряшливость и разнузданность как-будто еще увеличились. Без оружия, большей частью в расстегнутых шинелях, с папиросой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих. Щелканье семечек в эти дни стало почему-то непременно занятием «революционного народа», а так как со времени «свобод» улицы почти не убирались, то тротуары и мостовые были сплошь покрыты шелухой. С большинства аптек и вывесок придворных поставщиков, в стремлении уничтожить «ненавистные признаки самодержавия», толпой в первые дни революции были сорваны орлы, и отсутствие на привычных местах вывесок производило впечатление какого-то разгрома.

В Таврическом дворце, городской думе, во всех общественных местах, на площадях и углах улиц ежедневно во все часы шли митинги. Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом, в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь заняты были речами членов Временного Правительства, членов совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология «бескровной революции», провозглашение «продолжения борьбы до победного конца», (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда еще не договорились), восхваление «завоеваний революции». Спасать Россию уже не собирались, говорили лишь о спасении «завоеваний революции». Формула эта стала наиболее ходячей и в невольном стремлении сделать ее более удобоваримой договорились до «спасения революции», получилось что-то безграмотное и бессмысленное.

Борьба между Временным Правительством и советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась. Надо отдать справедливость левым элементам, они действовали решительно и определенно шли к намеченной цели. Временное Правительство, в правой его части, наоборот, все время явно избегало решительных действий и слов, искало «компро-

мисса» и подыгрывалось под «революционную демократию»... В то время как «широкая амнистия» покрыла не только бывших революционеров, но и явных агентов германского генерального штаба; в то время как прибывшие прямо из Германии во главе с Лениным большевики, среди бела дня захватив дом балерины Кшссинской на Каменноостровском проспекте, обращались с балкона к толпе слушателей, призывая их к позорному миру, и Временное Правительство не смело их арестовать, – в Петропавловскую крепость заключались бывшие сановники, министры и другие лица, лишь потому, что они не угодны революционной демократии. В то время, как левая печать открыто вела разлагающую армию пропаганду, правые газеты конфисковывались и закрывались. В Крыму, по приказанию Временного правительства, распоряжением полковника Верховского производились обыски у членов Императорской Фамилии.

Не избежала обыска и престарелая императрица Мария Федоровна. Агенты вошли к ней в спальню и шарили в ее вещах, невзирая на то, что Императрица находилась в постели. Одновременно с обыском у членов Императорской Семьи подвергся обыскам и ряд частных лиц, проживающих в Ялте, в том числе и моя жена. У нее отобрали мои письма, в которых, конечно, ничего найти не могли.

Те, кто вчера обвинял старое правительство в слабости, произволе и неспособности справиться с разрухой, сегодня, ставши у власти, сами оказались не в силах вести страну. Маниловы или Хлестаковы, они дальше красивых и звучных слов идти были неспособны и, неизбежным ходом событий, должны были уступить власть более действенным силам.

20-го апреля впервые произошло выступление красной гвардии – вооруженных заводских рабочих. Правительство не решилось двинуть против них войска. Отдельные столкновения красной гвардии с толпой на углу Михайловской и Невского стоили нескольких жизней. Во время столкновения я находился как раз в Европейской гостинице. Услышав первые выстрелы, я вышел на улицу. Толпа в панике бежала к Михайловской площади, нахлестывая лошадей, скакали извозчики. Кучки грязных, оборванных фабричных в картузах и мягких шляпах, в большинстве с преступными, озверелыми лицами, вооруженные винтовками, с пением интернационала двигались посреди Невского. В публике кругом слышались негодующие разговоры – ясно было, что в большинстве решительные меры правительства встретили бы только сочувствие.

Я пешком по Мойке прошел в дом военного министра, дабы повидать полковника Самарина, начальника кабинета А.И. Гучкова. У него я застал полковника Барановского (занявшего впоследствии этот пост при Керенском). Я поделился с ними только что виденным и выразил недоумение по поводу бездеятельности военных властей.

«Правительство не может допустить пролития русской крови», – ответил мне Самарин, – «если бы по приказанию Правительства была бы пролита русская кровь, то вся моральная сила правительства была бы утеряна в глазах народа.»

Я понял, что нам больше говорить не о чем...

На другой день совет рабочих и солдатских депутатов объявил, что войска не могут быть выведены из казарм, если приказ военных властей не будет скреплен согласием совета, 5-го мая состоялись грандиозные манифестации верных правительству частей, имевших целью поддержать правительство против советов. Манифестация эта прошла без всяких столкновений и еще раз ясно показала, что революционная демократия поддерживается далеко не всеми. Но и на этот раз бездарная и безвольная власть не сумела этим воспользоваться.

Нужно сказать правду, что за исключением социалистических элементов с одной стороны, и отдельных лиц, главным образом из военных, с другой, бездарность и безволие проявляло в равной мере все общество. Растерянность, безразличие, столь свойственные русским людям, неумение договориться и соорганизоваться, какое-то непонятное легкомыс-

лие и болтливость наблюдались кругом. Все говорили о необходимости организовать, все на словах конспирировали, но серьезной работы не было. Пробовали соорганизоваться и офицеры; но если вновь возникший союз офицеров в ставке, в непосредственной близости фронта и под руководством генерала Алексеева и генерала Деникина и вел полезную и действенную работу, то в Петербурге его работа велась в атмосфере, могущей лишь только подорвать престиж армии.

С первых же дней среди членов союза возникла группа «приемлющих революцию», решивших на этой революции сделать свою карьеру. Одним из главных действующих лиц в этой группе был генерального штаба полковник Гущин, донской казак, товарищ мой по академии генерального штаба. С ухватками дурного тона фата, полковник Гущин, читавший в это время лекции в академии генерального штаба, в первые же революционные дни появился на кафедре, разукрашенный красным бантом, и, с пафосом обращаясь к слушателям, заявил: «Маска снята, перед вами офицер-республиканец». В Петроградском союзе он вел самую недостойную демагогическую игру. Обращаясь в своих речах к солдатам, он от имени русского офицерства просил солдата «не отталкивать от себя во многом виноватого перед ним русского офицера». Он говорил трескучие речи, бил себя в грудь и гаерствовал...

«Поставившим на революцию» оказался и бывший мой однополчанин, а в это время начальник 1-ой кавалерийской дивизии, генерал Бискупский. Лихой и способный офицер, весьма неглупый и с огромным честолюбием, непреодолимым желанием быть всегда и всюду первым, Бискупский был долгое время в полку коноводом, пользуясь среди товарищей большим влиянием. Он женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой, и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку. Такое фальшивое положение все же продолжаться не могло и за два года до войны Бискупский полковником ушел в отставку. Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними. Овдовев, он поступил в Иркутский гусарский полк и, быстро двигаясь по службе, в конце войны командовал уже дивизией. В Петербурге он попал делегатом в совет солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию совета, совместно с несколькими солдатами, ездил для переговоров с революционным кронштадтским гарнизоном и мечтал быть выбранным председателем военной секции совета. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга.

Я жил в Петербурге, ожидая назначения в армию. Близко присматриваясь ко всему происходящему, я видел, что лишь твердой и непреклонной решимостью можно было положить предел дальнейшему развалу страны. Ни в составе правительства, ни среди окружавших его общественных деятелей человека, способного на это, не было. Его надо было искать в армии, среди немногих популярных вождей. К голосу такого вождя, опирающегося на армию, не могла не прислушаться страна, и достаточно решительно заявленное требование его, опирающееся на штыки, было бы выполнено. Считаясь с условиями времени, имя такого вождя должно было быть достаточно «демократичным». Таких имен я знал только два: известного всей армии, честного, строгого к себе и другим, твердого и храброго командующего 9-ой армией генерала Лечицкого, и любимого войсками героя карпатских боев, недавно совершившего легендарный побег из вражеского плена генерала Корнилова. Первый, не примирившись с новыми порядками, только что оставил армию и жил в столице частным лицом; второй в описываемое время стоял во главе Петроградского военного округа, и это положение его было для дела особенно благоприятным.

Военная организация в столице, располагавшая хотя бы небольшими военными силами и могущая выступить в нужную минуту, казалась мне для успеха дела совершенно необходимой. Ко мне обращался ряд лиц, частью из существующих уже военных организа-

ций, частью находящихся в частях столичного гарнизона. Мне скоро удалось войти в связь с офицерами целого ряда частей. На целый ряд этих частей мы могли вполне рассчитывать.

Сведениями своими я решил поделиться со старым однополчанином и другом моим графом А.П. Паленом (впоследствии командир корпуса в Северо-Западной армии генерала Юденича). Ожидая со дня на день назначения в армию, я предполагал оставить его во главе дела в Петербурге. Граф Пален очень подходил для намеченного дела; он легко мог, не возбуждая особых подозрений, вести свою работу в столице. Он всю жизнь прослужил в гвардии в Петербурге, его знала почти вся гвардия, и среди офицеров Петроградского гарнизона он пользовался общим уважением. Вместе с тем его сравнительно небольшой чин, свойственная ему молчаливость и замкнутость давали возможность рассчитывать, что ему удастся вести работу с достаточной скрытностью.

В помощь нам мы привлекли несколько молодых офицеров. Нам удалось раздобыть кое-какие средства. Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах, организовали ряд боевых офицерских дружин. Разведку удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия важнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными.

Неожиданно, в первых числах мая, генерал Корнилов, окончательно разойдясь с советом, оставил свой пост. Он принял только что освободившуюся 8-ую армию, стоявшую на границе Галиции. Среди имен его заместителей некоторые называли имя генерала Лечицкого, однако генерал, по слухам, отказывался от назначения. Я решил поехать к нему. Я знал генерала Лечицкого еще с Буковины. Уссурийская дивизия входила в состав его армии, и я был с ним лично достаточно знаком. Генерал Лечицкий жил в Северной гостинице, против Николаевского вокзала. Я просил его принять меня и он назначил мне в тот же вечер время для разговора. Я изложил ему все мои мысли, сказал о том, что удалось мне с графом Паленом сделать за последнее время и, упомянув о том, что знаю о сделанном ему предложении стать во главе Петербургского военного округа, предложил использовать нашу работу; при этом, ввиду ожидаемого моего отъезда в армию, я рекомендовал ему графа Палена.

«Все, что вы говорите – совершенно верно», – сказал мне генерал Лечицкий, – «мы все так думаем. Но я заместителем генерала Корнилова не буду. Я и из армии ушел, так как не мог примириться с новыми порядками. Я старый солдат. Здесь же нужен человек не только твердый и честный, но и гибкий. Кто-либо более молодой будет, вероятно, подходящее».

Зная генерала Лечицкого, я не сомневался, что он не изменит своего решения.

Заместителем генерала Корнилова был назначен начальник штаба Туземной дивизии, генерал Половцев.

Ввиду отхода генерала Лечицкого от всякой деятельности я решил, несмотря на оставление генералом Корниловым чрезвычайно выгодного для намеченного нами дела поста главнокомандующего Петербургским военным округом, все же войти с ним в связь. Другого лица, кроме генерала Корнилова, подходящего для намеченной мною цели, я среди старших военачальников найти не мог.

Генерал Корнилов, уехав в армию, продолжал поддерживать связь с целым рядом лиц в Петербурге. Связь эту он поддерживал через близкого своего ординарца Завойко. Завойко, бывший помещик, кажется, Подольской губернии, последние годы до войны, разорившись на хозяйстве, занялся финансовыми делами. Он был управляющим нефтяной фирмы братьев Лианозовых, директором и членом правлений целого ряда коммерческих предприятий. После переворота он, оставив дела, занялся политической работой. Последнее время, зачислившись в ряды армии, состоял ординарцем при главнокомандующем Петербургским военным округом, а с назначением генерала Корнилова командующим армией последовал за ним.

Узнав о приезде Завойко в Петербург, я через работавшего со мной и Паленом поручика графа И.П. Шувалова вошел с ним в связь. Мы условились встретиться на квартире Завойко, жившего в то время на Фонтанке, у Семеновского моста. Я приехал с графом Паленом и графом Шуваловым. Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной мере фантазера. Мы говорили очень мало, почти все время говорил сам Завойко. С моими мыслями он согласился с первых слов. По его словам, так же смотрел на дело и генерал Корнилов. В конце разговора Завойко предложил нам прочесть выпускаемую им в печать краткую биографию генерала Корнилова, корректура которой была ему прислана для просмотра. Биография эта вскоре появилась в армии. Мы условились о дальнейшей связи. С тех пор я несколько раз видел Завойко во время его приездов в Петербург. Как-то раз, зайдя к нему, я увидел сложенные в углу какие-то разноцветные флаги. На мой вопрос, что это такое, он сообщил мне, что армии готовятся к наступлению, что армия генерала Корнилова должна вторгнуться в пределы Галиции. Надписи на замеченных мною флагах – призыв славянским народам Карпато-России к восстанию против австрийского ига, в борьбе за свободу, которую несет им армия русского генерала Корнилова. Надписи были на языках местных – галицийских народностей. В этом заказе знамен, в этих надписях сказался весь Завойко...

Предстоящий переход в наступление скоро перестал быть секретом и для широкой публики, да, конечно, и для врага. Новый министр «революционной армии» Керенский беспрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал «революционные войска спасать завоевания революции». Маршевые пополнения шли на фронт, неся плакаты с призывами: «Война до победного конца», «Вес на фронт», «Лучше смерть, чем рабство» и т. д. Несмотря на «революционный порыв», эти маршевые пополнения, большей частью, разбегались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8-ой армии полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня «впредь до освобождения дивизии» командиром бригады 7-ой кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18-го июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8-ая армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславовым. Казалось, после долгих месяцев победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец, 30-го июня, я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7-ой кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск.

Наступление революционной армии

6-го июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. «Прорыв революционной армии», о котором доносил председателю правительства князю Львову «военный министр», закончился изменой гвардейских гренадер, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11-ая армия. Противник занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседней 8-ой армии генерала Корнилова.

Геройская гибель ударных батальонов, составленных, большей частью, из офицеров, оказалась напрасной. «Демократизированная армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала, как стадо баранов. Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу. Перед лицом грозной опасности безвольное и бездарное правительство как-будто прозрело, оно поняло, казалось, необходимость для

армии иной дисциплины, кроме «революционной». Назначение генерала Корнилова главнокомандующим Юго-Западного фронта, вместо генерала Брусилова, назначенного незадолго верховным главнокомандующим, казалось, подтверждало это.

Я спешил застать генерала Корнилова еще в армии и, не теряя ни минуты, получил в штабе фронта автомобиль и выехал через Черновицы на Коломыю. Со мной ехал поручик граф Шувалов, который должен был остаться при генерале Корнилове для связи его с организацией графа Палена в Петербурге. Я приехал в Коломыю уже к вечеру.

Генерал Корнилов был на фронте и его ожидали лишь поздно ночью. Я зашел к и. д. дежурного генерала полковнику графу Гейдену с целью получить необходимые мне сведения о моей новой дивизии. По словам полковника графа Гейдена порядок в дивизии был, в общем, на должной высоте. Правда, кое-какие недоразумения с командным составом уже имели место; начальник дивизии, начальник штаба и один из командиров полков уже должны были уйти, но в общем, части были в полном порядке, офицерский состав отличный, и новому начальнику дивизии, по словам графа Гейдена, взять в руки дивизию будет нетрудно.

В дивизию входили: Ольвиопольский уланский, Кинбурнский драгунский. Белорусский гусарский и 11-ый Донской казачий полки. Дивизией временно командовал командир 1-ой бригады генерал Зыков, а должность начальника штаба исполнял, впредь до назначения нового начальника штаба, генерального штаба полковник фон Дрейер.

Во время разговора моего с графом Гейденом в кабинет вошел среднего роста молодой человек в модном френче и английской кепке. Полковник граф Гейден нас познакомил. Вошедший оказался комиссаром 8-ой армии Филоненко. С большим апломбом Филоненко стал высказывать свое мнение о последних операциях, о необходимости немедленного принятия ряда мер, дабы помешать противнику использовать опасное выдвинутое положение 8-ой армии. Обратившись ко мне, Филоненко стал говорить, что он, как бывший офицер, признает необходимость проведения немедленных мер для укрепления подорванной дисциплины; что он всячески поддерживал генерала Корнилова в его усилиях поднять дисциплину в 8-ой армии и что он, Филоненко, все время настаивал на назначении генерала Корнилова главнокомандующим Юго-Западного фронта. Мы вместе вышли и направились в штабную столовую. За обедом Филоненко продолжал с прежним апломбом говорить о военном и политическом нашем положении. Он очень любезно предложил мне помочь удалению из войсковых комитетов моей дивизии тех офицеров и солдат, которые, по моему мнению, оказались бы нежелательными.

Я с трудом нашел в переполненном городе комнату, в которой поместился вместе с графом Шуваловым. Рано утром мне дали знать, что генерал Корнилов вернулся и просит меня к себе.

Генерал Корнилов помещался в верхнем этаже маленького двухэтажного дома поблизости от штаба. Там же, наверху, жил Завойко. Я зашел к последнему в ожидании приема меня генералом. Я застал Завойко за писанием. Заносся что-то на бумагу, он прихлебывал из стакана чай. Не желая ему мешать, я, взяв переданный мне стакан чая, сел в стороне и взял для чтения какую-то книгу. Однако Завойко, не прерывая писания, стал задавать мне ряд вопросов: «Я могу одновременно делать несколько вещей», – заявил он, – «наш разговор не мешает мне писать». И действительно, продолжая расспрашивать меня и подавая реплики, Завойко, не останавливаясь, быстро набрасывал что-то на бумаге. Кончив, он, видимо, довольный своей работой, посмотрел на меня:

«Вы, конечно, знаете, что генерал назначен главнокомандующим фронтом. Он поручил мне написать прощальный приказ армии. Желаете прослушать?»

Завойко прочел мне известный приказ генерала Корнилова. Я был чрезвычайно поражен этой способностью так легко, почти не сосредотачиваясь, излагать на бумаге мысли. Мне дали знать, что генерал Корнилов меня ждет.

Я знал генерала Корнилова очень мало, познакомившись с ним год тому назад за Царским столом в Могилеве, куда он прибыл представиться государю после своего побега из плена. В одном вагоне мы тогда доехали от Могилева до Петербурга. Он нисколько не изменился с той поры: маленький, сухой, смуглый и загорелый, с небольшой бородкой и жесткими черными усами, с лицом заметно выраженного монгольского типа, он говорил выразительными отрывистыми фразами. В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ежеминутно готовая к устремлению сила. Он очень спешил, уезжая через несколько часов в штаб фронта. Я вкратце сообщил ему о том, что известно мне было о положении в Петербурге, дал сведения о моей там работе и предложил использовать графа Шувалова для связи со столицей. Генерал Корнилов тут же приказал зачислить графа Шувалова ординарцем. Генерал пригласил меня обедать и мы вместе пошли в столовую.

Во время обеда прибыл вновь назначенный командующим армией, герой Галича, генерал Черемисов. Маленький, худенький, с бегаящими черными глазками и приятным, несколько вкрадчивым голосом генерал Черемисов произвел на меня впечатление живого, неглупого человека. Разговор за обедом велся на общие темы. Генерал Корнилов вспоминал о своей службе в Туркестане, генерал Черемисов рассказывал о последних боях своего корпуса. Вопросы политические совсем не затрагивались.

После обеда генерал Корнилов в сопровождении нескольких лиц выехал на автомобиле в Каменец, я же, также на автомобиле, отправился в Станиславов, откуда на следующее утро выехал в дивизию, расположенную в 20–30 верстах от города в направлении на Галич.

Дивизия занимала значительный фронт, неся охранение. В резерве находился Белорусский гусарский полк, расположенный в небольшой деревушке, недавно оставленной австрийцами. Тут же помещался штаб дивизии. Я просидел с временно командующим дивизией и начальником штаба до поздней ночи, знакомясь с делами.

С утра, приняв доклады и отдав ряд нужных распоряжений, я после обеда намеревался объехать полки, а к восьми часам вечера назначил у себя в штабе совещание командиров частей. Однако и то и другое я не успел сделать. Я осмотрел только гусар и доехал до казаков, как мне дали знать, что генерал Черемисов требует меня немедленно в штаб армии в Станиславов, куда только что штаб перешел. Я вернулся в штаб дивизии и здесь нашел приказание: ввиду общего отхода фронта моей дивизии отходить немедленно на Станиславов, прикрывая фланги 8-ой армии. Приказав командиру бригады, вступив в командование дивизией, снимать охранение и двигаться ночным переходом на Станиславов, я на автомобиле выехал в город.

Я прибыл в Станиславов уже в темноте и застал штаб готовившимся к отъезду. Спешно грузились штабные грузовики, снимались телефоны, выносилось канцелярское имущество. Поезд для штаба уже стоял на станции. По всем улицам города уже тянулись бесконечные обозы, направляясь в тыл.

Генерал Черемисов привез с собой нового начальника штаба и нового генералквартирмейстера. Оба были совсем молодые, но обнаружившие большую политическую гибкость офицеры генерального штаба (тогда это качество признавалось имеющим первостепенное значение). Начальником штаба был назначен генерального штаба полковник Меньшов, а генерал-квартирмейстером – полковник Левитский. Генерал Черемисов вкратце ознакомил меня с обстановкой: наши армии по всему фронту отходили, не оказывая сопротивления. Противник шел по пятам. Ближайший рубеж, где можно было надеяться задержаться, была река Збруч. Мне приказывалось, объединив командование моей 7-ой кавалерийской и 3-ей кавказской казачьей дивизией, действовать со сводным конным корпусом в стык 7-ой и 8-ой

армий, прикрывая их отход и обеспечивая фланги. Тут же генерал Черемисов лично продиктовал мне задание и соответствующее предписание, которое подписал. Я решил, обождав подхода головы моей дивизии к городу и лично отдав дивизии необходимые приказания, самому ехать к 3-ей кавказской дивизии, оперировавшей в районе Монастержиска, куда я наметил сосредоточить корпус. Пройдя в отведенный мне в гостинице номер, я лег спать.

Среди ночи я был разбужен страшными криками. Через окно было видно небо, обожженное заревом пожара. С улицы неслись крики, слышался какой-то треск и шум, звон стекол, изредка раздавались выстрелы. Наскоро одевшись, я вышел в коридор. Навстречу мне шел мой офицер-ординарец: «Ваше превосходительство, в городе погром, отступающие войска разбивают магазины», – доложил он. Я спустился в вестибюль гостиницы. Прислонившись к стене стоял бледный, как смерть, старик, кровь текла по длинной седой бороде. Рядом с ним растерзанная и простоволосая молодая женщина громко всхлипывала, ломая руки. Увидев меня, она бросилась ко мне и, говоря что-то непонятное, стала ловить мои руки и целовать. Я подозвал швейцара и спросил, в чем дело; оказалось, что старик – еврей, владелец часового магазина, а женщина – его дочь. Солдаты магазин разграбили, и владелец его, жестоко избитый, едва смог спастись. В моем распоряжении никакой воинской силы не было, со мной был лишь один офицер и два гусара-ординарца. Взяв их с собой, я вышел на улицу.

Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач. На тротуаре валялись разбитые ящики, сломанные картонки, куски материи, ленты и кружева вперемешку с битой посудой, пустыми бутылками из-под коньяка. Войсковые обозы сплошь загрохотали улицы. На площади застряли артиллерийские парки. Огонь охватывал соседние дома, грозя ежеминутно взрывом снарядов. Я с трудом разыскал командира парка и, взяв у него несколько солдат, лично стал наводить порядок. В каком-то магазине мы застали грабителей, занятых опорожнением ящиков с чайной посудой. Схватив первого попавшегося, я ударом кулака сбил его с ног, громко крича: «Казаки, сюда, в нагайки всю эту сволочь». В одну минуту магазин был пуст...

Через два часа удалось очистить улицу. Обозы тронулись и артиллерия получила возможность двинуться вперед. На соседних улицах грабеж продолжался. От непрерывного крика я совсем потерял голос.

К шести часам утра на улице показался разъезд, подходил полк польских улан. Я приказал командиру полка, не стесняясь мерами, восстановить порядок. Тут же было поймано и расстреляно на месте несколько грабителей и к утру в городе было совсем спокойно.

К восьми часам подошла голова моей дивизии. Отдав необходимые распоряжения для дальнейшего следования к пункту сосредоточения корпуса, я с полковником Дрейером и двумя офицерами выехал к 3-ей казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал Одинцов, бывший командир Приморского драгунского полка. Мы одновременно командовали полками одной бригады более года и я отлично знал генерала Одинцова. Это был храбрый и толковый начальник, но нравственности низкой – сухой и беспринципный, эгоист, не брезговавший ничем ради карьеры.

В состав дивизии входили: 1-ый Екатеринодарский полк, Кизляро-Гребенской, Дагестанский и Осетинский. Наилучшими были первые два, состоящие из кубанских и терских казаков.

Отъехав верст 30, мы разыскали штаб дивизии. Полки дивизии, ведя разведку, были разбросаны на широком фронте. Ознакомившись с обстановкой, я отдал генералу Одинцову необходимые распоряжения и занялся организацией своего штаба. Формировать штаб приходилось за счет обеих дивизий, заимствуя оттуда и личный состав штаба, и средства связи, и канцелярское имущество...

За ужином я познакомился с А.И. Гучковым. Оставив пост военного министра и окончательно разойдясь с правительством, он прапорщиком зачислился в армию и был прикомандирован к штабу 3-ей казачьей дивизии. Он поразил меня своим сумрачным, подавленным видом.

Наша конница постепенно отходила, теснимая на всем фронте противником. Одновременно с подходом частей 7-ой дивизии было получено донесение о наступлении значительной колонны германцев на Монастержиско, занятое Осетинским конным полком.

В городе находились огромные склады артиллерийского имущества, и штабом армии было приказано при отходе склады эти взорвать. Из штаба армии прибыл с этой задачей в город офицер с подрывной командой. Я кончил обедать, когда пришло донесение о завязавшейся у занимавших Монастержиско осетин перестрелке. Я приказал подать мотор и, в сопровождении начальника штаба, поехал в город. Мы были от города в 4–5 верстах, когда неожиданно огромный столб пламени и дыма поднялся над Монастержиско. Раздался оглушительный взрыв, затем второй и третий. Огромные столбы пламени взвивались над городом. Было видно, как летят какие-то обломки. В поле бежали вперемешку люди и скот. Оказалось, что, видя приближение противника, офицер саперной команды, присланной из штаба армии, думая лишь о выполнении своей задачи, преступно поджег склады, не предупредив осетин, продолжавших драться на окраинах города. Несколько десятков всадников и сам командир полка пали жертвой этой возмутительной небрежности.

В сумерках противник вошел в город. Я занял позицию в нескольких верстах восточнее. С рассветом наступление возобновилось, скоро бой велся на всем фронте. Весь день корпус удерживал свои позиции. Около 2-х часов дня немцам удалось оттеснить Кинбурнцев и захватить занятую ими деревню, угрожая разбить фронт корпуса. Я приказал дивизиону Кинбурнцев остановить противника в конном строю. Драгуны под начальством ротмистра Стаценко блестящей атакой выбили противника, захватив несколько десятков пленных и пулемет. Положение было восстановлено. С наступлением темноты, оставив на фронте для наблюдения разъезды, я оттянул корпус верст на пятнадцать и, заняв намеченный рубеж, заночевал.

Пехота наша на всем фронте продолжала отходить, не оказывая врагу никакого сопротивления. В день фронт наш откатывался на 20–30 верст. Дисциплина в отходящих частях была совсем утеряна. Войска оставляли массу отставших и грабили беспощадно на пути своего следования. Маневрируя в стыке флангов 7-ой и 8-ой армий, мой корпус держался в переходе впереди, непрерывно ведя арьергардный бой. Я старался все время держаться в непосредственной близости частей, дабы ознакомиться с работой полков, начальниками и солдатами. Переправившись через Збруч, войска задержались и стали устраиваться на занятых позициях, удерживая в районе города Барщова плацдарм на правом берегу реки. Корпус ночевал в полупереходе к западу от линии реки Збруч. Я находился при 7-ой дивизии.

На рассвете я получил донесение, что ночевавшая севернее кавказская дивизия оттеснена противником и, ведя бой, медленно отходит к востоку. Я имел приказание удерживаться на занимаемой линии в течение дня, дабы дать время устроиться пехоте, а с наступлением темноты мне было приказано отойти за реку и стать в резерве командующего армией. Подняв по тревоге дивизию, я вывел ее из деревни и, заняв одним спешенным полком опушку небольшого леса и выставив вперед артиллерию, остальные три полка держал в резервном порядке.

Вскоре пришло донесение о движении в охват правого фланга дивизии, вразрез между нами и кавказцами, бригады неприятельской конницы. Взяв несколько человек из моего конвоя, я выехал вперед и, поднявшись на небольшой холмик, ясно увидел шедшую на рысях в походном порядке колонну конницы. Видно было, как она перестраивалась в резервный

порядок. Одновременно батарея неприятеля открыла огонь, и снаряд, прогудев, разорвался за дивизией. Неприятель, видимо, нас заметил, и вскоре пули стали посвистывать около нас. Я поскакал к дивизии, приказал артиллерии открыть беглый огонь и, построив боевой порядок, пустил дивизию в атаку. Противник атаки не принял и, издали увидев развертывающиеся полки, снял батарею и стал быстро уходить. В это время я получил донесение, что в охват моего левого фланга, почти в тыл, двигается новая колонна неприятельской конницы силою также в бригаду. Приказав одному полку продолжать преследовать отходящую колонну и отправив генералу Одинцову приказание немедленно перейти его дивизией в наступление я, повернув батарею на 180 градусов, перенес огонь на новую колонну и, посадив спешенный полк, тремя полками вновь атаковал противника. И на этот раз, не приняв удар, неприятельская кавалерия повернула и стала поспешно отходить. Скоро пришло донесение от начальника кавказской дивизии. Дивизия перешла в наступление, сбила противника и выдвинулась на прежние позиции. В течение дня мы удерживались на месте, ведя перестрелку, противник в наступление вновь не решался переходить.

К вечеру немцы подтянули тяжелую артиллерию и открыли по нашему расположению редкий огонь. Одна из наших батарей, расположенная за небольшой рощицей, слабо отвечала. В рощице стояли спешенные полки 7-ой дивизии. Послав генералу Одинцову распоряжение с наступлением темноты оттягиваться к переправам, я проехал к начальнику 7-ой дивизии. Лесная дорожка вела к полянке среди леса. У небольшого дома лесника я увидел группу офицеров. Из избы были вынесены стол, скамьи и стулья, и офицеры пили чай. Кругом полянки среди деревьев виднелись кони. Здесь стояла спешенная бригада. Едва я слез с лошади и направился к столу, как послышался характерный гул приближающегося снаряда. Мгновение – и раздался взрыв. Снаряд упал тут же за избой. Послышались стоны, по полянке со сбитым седлом и окровавленным крупом проскакала лошадь. Среди спешенных полков стало заметно движение. Отдельные люди с лошадьми потянулись в лес. Я понял, что еще минута, и начнется беспорядочный отход. В лесу шрапнельный огонь противника не мог быть очень действенным. Необходимо было сохранить порядок. Я скомандовал «смирно» и, сев за стол, потребовал себе чая. Новый снаряд прогудел в воздухе и, ударившись где-то вблизи, разорвался. Один осколок, громко жужжа, упал около стола так, что я, не вставая со стула, мог, нагнувшись, его взять. Я поднял осколок и, повернувшись к ближайшему полку, крикнул солдатам: «Бери, ребята, горяченький, к чаю на закуску», – и бросил осколок ближайшему солдату. В одну минуту лица просветлели, послышался смех, от недавней тревоги не осталось и следа.

Выпустив еще два-три снаряда, противник прекратил огонь. Мы потеряли всего два человека и несколько лошадей ранеными. Солнце совсем склонилось к западу, стало смеркаться, и я приказал дивизии начать отходить. Полки вытянулись из леса, и я задержался несколько, диктуя какое-то приказание. Окончив, я сел на лошадь и пошел широким галопом, обгоняя колонну. На ходу я благодарил эскадроны и сотни за сегодняшний бой. Едва я поблагодарил первую сотню, как громкое, единодушное «ура» прогремело в ответ. Остальные эскадроны подхватили. С этого дня невидимое духовное единение установилось между мной и моими людьми. С этого дня я почувствовал, что полки у меня в руках, что та психологическая связь между начальником и подчиненными, которая составляет мощь каждой армии, установилась.

Это явление мне за мою службу приходилось испытывать не раз. Так однажды, во время усиленной рекогносцировки в Крейцбургских болотах я непреложно и ясно ощутил неожиданно мгновенно родившуюся эту духовную связь с моим полком. Так впоследствии создавалась эта связь начальника с частями на Кубани и в степях Маныча в Гражданскую войну.

Отойдя за реку Збручъ, корпус стал в резерв командующего армией, верстах в 20 от Каменец-Подольска, где находился штаб армии. На следующий день я получил телеграмму от генерала Корнилова: «Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного Конного корпуса, особенно же Кинбурнским драгунам и Донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия корпуса 12-го июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий. Корнилов».

В резерве нам пришлось простоять всего несколько дней. Несмотря на прекрасные позиции и то, что противник действовал сравнительно небольшими силами, наши части были уже почти неспособны оказывать какое бы то ни было сопротивление. Как-то вечером начальник штаба армии вызвал меня к телефону. Кавказский пехотный полк, прикрывавший переправы у Хотина, оставил свои позиции, и противник мог использовать прорыв, угрожая переправам и самому Каменцу. Штаб армии был в готовности к отъезду, мне приказывалось спешно выдвинуться к месту прорыва и восстановить положение. Через два дня ожидался подход 79-ой пехотной дивизии, которая должна была меня сменить и обеспечить Хотинские переправы.

Я по тревоге поднял части корпуса и приказал дивизиям ночным переходом выдвинуться к месту прорыва. При корпусе находился автомобильный санитарный отряд, где имелось до 30 машин. Из штаба армии мне обещали 10 грузовиков. Я использовал все машины для переброски стрелкового полка 7-ой дивизии. Отдав все распоряжения и отправив стрелков, я на автомобиле проехал за дивизией. Я застал головной полк спешившимся и перестреливающимся с противником, занимавшим только что оставленную кавказцами деревню. Кавказцы, отойдя версты на 4, стояли на привале, выставив сторожевое охранение. Вскоре подошла и 3-я дивизия. Я послал приказание кавказцам наступать и одновременно перешел в наступление спешенной бригадой 7-ой дивизии.

Вскоре все поле усеялось нашими наступающими цепями. Противник вел ружейный огонь. Но вот со стороны неприятеля прогремела артиллерия. Дымки шрапнелей взвились над нашей пехотой. Цепи залегли. Еще два, три снаряда, и вдруг я увидел, что на всем фронте кавказского полка цепи отступают. В бинокль видно было, как люди бегут, обгоняя друг друга; отступление обращалось в общее бегство. Я находился на батарее и отдал приказание командиру открыть по бегущим беглый огонь. Батарея дала очередь, попадания были ясно видны. Но люди не только не остановились, но как-будто еще быстрее двинулись в тыл. Я поскакал к Ольвиопольским уланам, стоящим в резерве, и приказал командиру полка полковнику Семенову остановить бегущих и пиками гнать их обратно. Семенов развернул полк, и лава улан стала гнать пиками отступающую пехоту, собирая людей, как стадо баранов.

Противник, видимо, малочисленный, в наступление не переходил. Наконец я получил донесение, что Кавказский полк собран. Я проехал к полку. Приказал полку отдыхать, а людям выдать обед. Собрав офицеров, поговорил с ними, а затем обошел батальоны, говоря с людьми.

Дав людям успокоиться и прийти в себя, я сам повел полк в атаку. Кавказцы пошли сперва вяло и неуверенно, а потом отлично. Выбили противника из занятой им деревни, захватили 300 пленных и 4 пулемета и освободили наших пленных, взятых утром. К сожалению, во время этой атаки мой штаб сильно пострадал: был ранен старший адъютант штаба дивизии капитан Любимский, два офицера-ординарца, из них один тяжело, и командир радио-телеграфной роты.

«Ну теперь, Владимир Николаевич (Дрейер), – сказал я начальнику штаба, – за кавказцев мы можем быть спокойны. После такого успеха полк будет драться хорошо».

Однако, я ошибся. Среди ночи нас разбудили, сообщив, что кавказцы без всякой видимой причины оставили позиции и отходят в тылы. Пришлось выслать для защиты брошенного кавказцами участка последнюю бригаду. В резерве у меня не оставалось ни одного

полка. Я приказал оттянуть на ночь часть артиллерии и обозы за переправу, а сам со штабом остался ночевать на правом берегу реки, дабы иметь возможность использовать телефонную сеть со сторожевыми участками. На рассвете нас вновь разбудили. Противник сбил жидкое охранение корпуса. Перестрелка шла уже в занятой нами деревне. Мы быстро оделись и вышли на двор к нашим лошадям.

Бой шел на улицах. Пули все время щелкали по каменному забору и стенам хат. Дорога к переправе была в руках противника. В ворота выехать было уже нельзя. Улица обстреливалась продольным огнем. Мы стали пробираться садом к реке, решив переправиться вплавь. В последнюю минуту кто-то из ординарцев разыскал крестьянина, указавшего нам брод – удалось переправиться не только конным, но и тележке с офицерскими вещами. Во время переправы у нас был только один раненый.

Наша батарея с левого берега реки открыла огонь. Вправо были видны переправляющиеся вброд части кавказской дивизии. Удерживая левый берег реки, я выделил часть сил и бросил их на усиление второй бригады 7-ой дивизии, прикрывающей главную переправу и мост у Хотина. Нам удалось удержать Хотинский тет-де-пон. К вечеру подошла бригада 79-ой дивизии, я приказал немедленно генералу Серебрянникову, командиру второй бригады 7-ой кавалерийской дивизии, перейти в наступление. К девяти часам вечера корпус полностью восстановил положение. На следующий день части корпуса были сменены подошедшей 79-ой дивизией, и корпус отошел к Каменцу в резерв командующего армией. Отсюда через несколько дней мы перешли далее и стали близ Румынской границы. Я получил от генерала Черемисова телеграмму: «Честь и хвала сводному корпусу. Черемисов.»

Через несколько дней генерал Черемисов был сменен, и место его заступил генерал Соковнин. Одновременно с генералом Черемисовым ушел начальник его штаба полковник Меншов, замененный генералом Яроном.

Генерал Корнилов еще 16-го июля был назначен Верховным главнокомандующим.

Корниловские дни

С вступлением генерала Корнилова в должность Верховного главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука. Начальники, почувствовав за собою поддержку сверху, приободрились и стали увереннее, солдаты подтянулись. Целым рядом приказов власть войсковых комитетов была ограничена и введена в известные рамки. Полки, утеравшие всякую дисциплину, стали приходить в некоторый порядок. Воспользовавшись боевым затишьем, я постарался возможно ближе ознакомиться не только с корпусным и дивизионными, но и с полковыми комитетами. Состав их оказался в общем неплохой. Я подолгу беседовал с членами комитетов, подчас присутствовал на заседаниях, и постепенно мне удалось направить деятельность комитетов в сторону от политики и привлечь их к чисто хозяйственной работе. После продолжительных боев обмундирование, конское снаряжение и вся материальная часть корпуса сильно поистрепались. Попытки мои получить белье, сапоги и прочие предметы вещевого довольствия через армейское интендантство оказались тщетными. И вот там, где командир корпуса оказался бессильным чего-либо достичь, корпусной комитет добился, послав куда-то каких-то делегатов, добыть для частей все необходимое...

За это время я имел несколько писем из ставки от Завойко. Из них я знал о той борьбе, которую вел генерал Корнилов, настаивавший на срочном проведении в жизнь необходимых для поднятия в армии дисциплины мер – предоставление начальникам дисциплинарной власти, ограничение прав войсковых комитетов, наконец, установление смертной казни в тылу для изменников и дезертиров. Я, со своей стороны, писал несколько раз, указывая на необходимость незамедлительно провести эти меры, пока еще не поздно и армия не развалилась совсем.

В первых числах августа я получил письмо от Завойко. Он писал о том, что, по-видимому, длительная борьба генерала Корнилова в скором времени увенчается успехом, что в ближайшие дни ожидается проведение в жизнь всех намеченных для укрепления дисциплины в армии мер, то в тылу авторитет Верховного главнокомандующего огромный, и что недалек уже тот час, когда от имени армии он будет иметь возможность продиктовать свои условия: «генерал просит Вас, главное, не торопиться и не упрекать нас в бездействии, – заканчивал он свое письмо, – раньше января, февраля никаких решительных выступлений ожидать нельзя...»

10-го или 12-го я неожиданно получил телеграмму с сообщением, что, «ввиду предстоящего в ближайшее время нового назначения», я зачисляюсь в распоряжение главнокомандующего Румынским фронтом «с оставлением командующим сводным конным корпусом». Необычная эта телеграмма меня мало удивила, и я поручил начальнику штаба вызвать к аппарату из ставки графа Шувалова и справиться, что значит полученное мною сообщение и что это за ожидающее меня назначение. Шувалов отвечал, что в дежурстве ничего не известно, главнокомандующий же находится в Москве, откуда вернется через день, два. Через несколько дней я получил телеграмму от Завойко: «Главномкомандующий очень доволен вашей работой. Телеграмма вызвана ожидающим вас в ближайшие дни видным назначением». Одновременно пришло приказание ставки о погрузке бригады 3-ей кавказской дивизии, Дагестанского и Осетинского полков, для переброски на присоединение к Туземной дивизии в районе станции Дно.

27-го августа, имея надобность в каких-то указаниях, я проехал верхом в штаб армии. В штабе я застал большое волнение. Только что получена была телеграмма генерала Корнилова, где он, обращаясь к армии, говорил о «совершившемся великом предательстве...» (Телеграмма Керенского, объявляющая главнокомандующего изменником, была получена несколькими часами позже). Вместе с тем, ставкой приказывалось снять радио и не принимать никаких телеграмм от председателя правительства. Армейский комитет против последнего протестовал, его поддерживал и. д. генерал-квартирмейстера, «приемлющий революцию», полковник Левицкий. Командующий армией генерал Соковнин и начальник штаба генерал Ярон казались совершенно растерянными, с большим трудом удалось мне получить копию с телеграммы главнокомандующего, причем командующий армией предложил мне не объявлять телеграммы этой впредь до выяснения обстановки и получения указаний от главнокомандующего фронтом генерала Щербачева.

Командующий армией не нашел в себе сил вступить в борьбу с армейским комитетом и отдал приказание полковнику Левицкому «с распоряжением о снятии радио повременить». В то время как я, выйдя из штаба, сидел на лошади, полковник Левицкий с торжествующим видом объявил это стоящим тут же представителям армейского комитета. Я не сдержался и резко заявил полковнику Левицкому, что невыполнение приказа главнокомандующего при настоящих условиях считаю совершенно преступным и, что касается моего корпуса, то немедленно по прибытии в штаб отдам распоряжение о снятии радиостанции.

Часов в шесть вечера ко мне заехал генерал Одинцов, он сообщил мне о полученной армейским комитетом телеграмме Керенского, объявляющей Корнилова изменником. По его словам, командующий армией и начальник штаба совсем растерялись, и все распоряжения отдает полковник Левицкий, поддерживаемый армейским комитетом. Генерал Одинцов совершенно неожиданно предложил мне «поднять по тревоге корпус, арестовать штаб и вступить в командование армией.» Я мог только недоуменно развести руками.

Рано утром адъютант доложил мне, что дивизионный комитет 3-ей казачьей дивизии вызывает в дивизию членов дивизионного комитета 7-ой дивизии, что в 3-ю дивизию прибыли представители армейского комитета и что генерал Одинцов, по требованию армейского комитета, задержал готовившуюся к отправке на погрузку 2-ю бригаду 3-ей дивизии,

которая накануне получила указание о направлении в Одессу. Я приказал подать себе автомобиль и поехал в распоряжение 3-ей дивизии. Я застал собранными во дворе штаба все войсковые комитеты. Председательствовал полковой священник одного из полков о. Феценко, об отозвании которого из дивизии за его попытки к демагогии мною недавно было возбуждено ходатайство. Тут же присутствовали генерал Одинцов и представители от армейского комитета – какой-то молодой человек в кепке и кожаной куртке и вольноопределяющийся одного из кавказских казачьих полков. Меня поразили вид Одинцова: в черкеске, без кинжала, красный, потный и растерянный он производил какое-то жалкое впечатление.

Войдя в толпу, я поздоровался:

«Здорово, молодцы казаки». Казаки ответили. Неожиданно я услышал голос о. Феценки:

«Господин генерал, я должен вам заметить, что здесь нет ни молодцев, ни казаков – здесь есть только граждане». Я с трудом сдержался.

«Вы правы, батюшка», – ответил я, – «мы все граждане. Но то, что мы граждане, не мешает мне быть генералом, вам священником, а им молодцами казаками. Что они молодцы, я знаю, потому что водил их в бой, что они казаки, я также знаю, я сам командовал казачьим полком, носил казачью форму и горжусь тем, что я казак». Затем, повернувшись к казакам:

«Здорово еще раз, молодцы казаки».

«Здравия желаем, ваше превосходительство», – раздался дружный ответ.

Я сел за стол и, обращаясь к генералу Одинцову спросил, что здесь происходит. Генерал Одинцов доложил, что обсуждается резолюция, предложенная представителями армейского комитета, выражающая поддержку Керенскому, телеграмма которого была прочитана представителями армейского комитета.

«Отлично, – громко сказал я, – а телеграмму Корнилова вы читали?» Тут вмешался господин во френче:

«По постановлению армейского комитета эта телеграмма объявлению не подлежит».

«Я получил эту телеграмму от командующего армией, она передана под мою личную ответственность. Я не считаю возможным скрыть ее от моих войск. Ответственность за это всецело принимаю на себя». Я вынул телеграмму. Члены армейского комитета пытались протестовать, но из толпы послышались возгласы:

«Прочитать, прочитать». Я прочел телеграмму.

«Теперь вы знаете, казаки, все. Верю, что вы исполните долг солдата и решите по совести и воинскому долгу. Что касается меня, то я как солдат политикой не занимаюсь. Приказ моего главнокомандующего для меня закон. Уверен, что и ваш начальник дивизии скажет вам тоже самое». Я посмотрел на Одинцова. Он что-то бормотал, глаза бегали во все стороны:

«Я – как мои дети, как мои казаки», – наконец вымолвил он. С превеликим трудом я удержался, чтобы не обозвать его подлецом. Встав и попрощавшись с казаками, направился к автомобилю. В минуту, когда я садился, подбежал Одинцов:

«Как же так, как же так, – бормотал он, – я совсем растерялся. Ты с твоим вопросом застал меня врасплох...» Я махнул рукой и приказал шоферу ехать.

После продолжительных разговоров 3-я дивизия вынесла резолюцию поддерживать Керенского, 7-я, до вечера ничего не решив, от резолюции уклонилась. Через день было получено приказание штаба армии – над всеми телеграфами и телефонами устанавливался контроль войсковых комитетов, все приказания начальников вступали в силу лишь по скреплении подписью одного из членов войскового комитета.

Этого я перенести не мог. Сев верхом, я проехал в штаб армии и просил командующего меня принять. Я застал генерала Соковнина в саду, где он гулял с начальником штаба

и адъютантом. Попросив разрешения говорить с глазу на глаз, я вынул из кармана только что полученное приказание:

«Это приказание, ваше превосходительство, я считаю оскорбительным для начальников. Выполнить его я не могу. Прошу немедленно отчислить меня от командования корпусом...» Генерал Соковнин стал меня уговаривать взять мое решение обратно. Я стоял на своем:

«Я не могу выполнить этого приказа. Ежели вы меня не отчислите, то мне не остается ничего другого делать, как по тревоге поднять 7-ю дивизию и говорить непосредственно с войсковым комитетом». Генерал Соковнин, видимо, испугался. Убежденный, что я не останусь перед выполнением своего решения и боясь осложнений, он обещал мне тут же переговорить с армейским комитетом. Я прошел в штабную столовую. Через час ординарец принес мне приказание командующего армией, где «разъяснялся» предыдущий приказ. «Разъяснениями этими» пункт приказа о скрепе подписи начальников совсем отменялся. Контроль над войсковой связью все еще оставался. Я, вернувшись в штаб корпуса, приказал телеграфный и телефонный аппараты перенести в свою квартиру. Корпусной комитет не решился прислать ко мне свое наблюдение.

5-го сентября был полковой праздник Белорусского гусарского полка. Я решил придать ему особую торжественность, чтобы поднять дух частей, — отправил через границу в Румынию купить вина и выдал по боченку в каждый эскадрон; из обозов 2 разряда выписал красные чакчиры. После молебна сказал полку несколько горячих слов, а затем эскадронам был выдан обед. Я прошел по эскадронам и в каждом выпил чарку, говорил с людьми, после чего обедал в офицерском собрании. Играли трубачи, пели песенники, и на несколько часов мы перенеслись в старую полковую жизнь.

6-го из штаба фронта было получено приказание мне немедленно прибыть в Яссы. Одна бригада кавказской казачьей дивизии была уже отправлена на север по железной дороге, другая получила приказание следовать в район Одессы. Штаб корпуса и 7-я дивизия оставались на месте. Оставив своим заместителем недавно произведенного из полковников генерала Дрейера, я выехал в штаб фронта.

Я не видел генерала Щербачева с самого начала войны и нашел его значительно постаревшим и, видимо, сильно подавленным. Работа штаба лежала почти исключительно на начальнике штаба генерале Головине, умном и весьма талантливом офицере. В штабе фронта, хотя и в меньшей степени, чем в штабе армии, чувствовались слабость и нерешительность. Разложение наших войск, находящихся в Румынии, коснулось несколько меньше, чем на остальных участках фронта, однако и здесь, в Яссах, солдаты ходили толпами, неряшливо одетые, не отдавали чести и курили на улице. Румынская армия, наоборот, оттянутая в течение зимы в тыл, отдохнувшая и реорганизованная под руководством французского генерального штаба, поражала своей выправкой и внешней дисциплиной.

Генерал Щербачев сказал мне, что вызвал меня, зная о том, что я находился в письменных сношениях с генералом Корниловым и опасаясь в связи с последними событиями, что мне могут грозить осложнения. Здесь, в Румынии, по его словам, я буду в безопасности.

Через два дня после моего приезда в Яссы получена была из ставки телеграмма за подписью начальника штаба о состоявшемся 9-го сентября назначении моем, приказом верховного главнокомандующего, командиром 3-го конного корпуса.

Все последнее время я жил под тяжелым нравственным гнетом. Участь генерала Корнилова, самоубийство генерала Крымова, возглавление армии «революционным главноверхом», «заложником демократии» во Временном правительстве адвокатом Керенским, все события последних дней глубоко потрясли армию. Остановившийся было процесс разложения возобновился, грозя совсем развалить фронт, а с ним и Россию. Однако, решение генерала Алексева принять должность начальника штаба верховного главнокомандующего,

казалось, говорило, что не все потеряно. Если генерал Алексеев решил стать начальником штаба «главковерха из Хлестаковых», то, видимо, есть еще надежда на какой-то исход. В минуту, когда я мог ежечасно ожидать ареста, назначение мое командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, корпуса, в состав которого входила родная мне Уссурийская дивизия, казалось мне перстом Провидения. Я не знал, насколько еще уцелели от разложения части корпуса и удастся ли мне взять корпус в руки; не знал, какая участь постигла объединенные графом Паленом офицерские организации в столице. Я решил немедленно ехать в Петербург.

Накануне большевиков

Я прибыл в Петербург утром. Заехав домой переодеться, я отправился в штаб округа. В дверях штаба я столкнулся с генералом Красновым, старым знакомым моим еще с японской войны, последнее время командовавшим 2-ой сводной казачьей дивизией. Он был чрезвычайно удивлен, узнав о назначении моем командующим 3-м конным корпусом. Оказалось, что он почти одновременно со мной тоже допущен ставкой к командованию этим корпусом и уже в командование вступил. В последнее время при массовой смене лиц командного состава такие недоразумения случались часто. Я ничего не имел против неожиданного осложнения и решил не торопиться с принятием корпуса, предварительно ознакомившись с обстановкой.

Во главе округа стоял только что назначенный на эту должность полковник Полковников, бывший начальник штаба Уссурийской дивизии, последнее время командовавший Амурским полком и вместе с полком участвовавший в движении генерала Крымова на Петербург. Я передал ему о слышанном от генерала Краснова и спросил его, не известно ли ему что-либо. Он ответил мне, что также ничего не знает, что здесь, видимо, недоразумение и, так как из двух мое назначение приказом главнокомандующего является последним, то, по его мнению, я и должен принять корпус. Я ответил, что впредь до точного выяснения недоразумения я, дабы не ставить генерала Краснова в неловкое положение, в корпус не поеду и буду в Петербурге ждать разрешения вопроса.

От полковника Полковникова узнал я впервые и подробности последних дней генерала Крымова. По словам Полковникова, разрыв председателя правительства с главнокомандующим был для частей корпуса и самого генерала полной неожиданностью. Телеграмма Керенского, объявляющая генерала Корнилова изменником, стала известна лишь на ст. Дно. По словам Полковникова, прими генерал Крымов в эту минуту твердое решение продолжать безостановочное движение на Петербург, город был бы взят. К сожалению, генерал Крымов, застигнутый врасплох, в последнее время сильно изнервничавшийся, переживавший тяжелую семейную драму и в значительной мере утеревший прежнюю решимость, заколебался, стал запрашивать указаний ставки и потерял драгоценное время. Порыв ослаб, полки заколебались, и под влиянием преступной агитации началось брожение. Ближайшие помощники генерала Крымова, безвольный начальник Туземной дивизии князь Багратион и мягкий начальник Уссурийской дивизии Губин – окончательно выпустили части из рук. Через день стало ясно, что на успех рассчитывать нельзя. Генерал Крымов, к которому по поручению Керенского прибыл начальник кабинета военного министра Самарин с предложением отправиться для переговоров в Петербург, решил ехать. Он прибыл к Керенскому, имел с ним чрезвычайно резкий разговор, после которого отправился на квартиру поручика Журавского, бывшего своего ординарца, в последнее время служившего в канцелярии военного министра. Генерал Крымов попросил дать ему бумаги и перо и оставить его одного. Через несколько минут раздался выстрел. Самоубийцу нашли на полу с простреленной грудью. Он оставил письмо на имя жены. На вопрос, что побудило его к такому шагу, он ответил: «Я

решил умереть, потому что слишком люблю Родину». Попытка спасти его путем операции оказалась тщетной, к вечеру он скончался.

Я спросил Полковникова, каким образом он, участвовавший в наступлении Корнилова на Петербург, мог быть назначен командующим войсками Петербургского округа. Полковников ответил, что он сам был удивлен назначением и добавил:

«Вот вы же назначены командиром 3-го корпуса и так же, вероятно, назначения не ожидали.»

Из штаба округа я прошел на дворцовую набережную в Новый Клуб, чтобы узнать что-либо о графе Палене, участь которого меня сильно беспокоила. Я узнал, что он последние дни из города отсутствовал и вернулся лишь накануне. Вечером я заехал к нему. Оказалось, что в первые дни после разрыва ставки с правительством графу Палену и большинству работавших с ним офицеров пришлось, во избежание ареста, скрываться; наиболее сомпрометированные бежали из города. За последние дни аресты прекратились, наблюдение ослабло, и некоторые скрывшиеся решили вернуться. Граф Пален укрывался в окрестностях города в имении Всеволожского «Рябово». По словам Палена, движение Крымова на Петербург застало его организацию совершенно врасплох. Конфликта правительства со ставкой в эти дни никто не ожидал, и в предвидении его ничего сделано не было. Уже после разрыва к Палену прибыл какой-то неизвестный полковник, отказавшийся себя назвать и не предъявивший никаких документов. Полковник якобы был послан Крымовым и имел целью предупредить о движении последнего на Петербург. Граф Пален, опасаясь провокации, в переговоры с полковником вступить отказался. Он и поныне не знал, была ли это провокация или нет.

На другой день утром ко мне заехали командир Приморского полка полковник Шепулов и Нерчинского Маковкин. Они накануне в Царском, где стояла дивизия, узнали о моем назначении и приезде в Петербург и поспешили навестить меня. Узнав, что назначение мое под сомнением, они просили меня не отказываться от корпуса, и мне пришлось это обещать. Они не скрывали, что в корпусе сильное раздражение, в некоторых полках казаки арестовывали офицеров. Вместе с тем, по их словам, дух в частях и порядок еще можно было поднять. Они объяснили неудачу генерала Крымова теми же причинами, что и Полковников, однако роль последнего, по их словам, рисовалась несколько иначе.

Вечером Полковников позвонил мне по телефону и просил зайти в штаб округа. От него я узнал, что «по условиям политического момента и ввиду моей политической фигуры» военный министр Верховский не находит возможным назначение меня командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, что верховный главнокомандующий с ним согласился и что мне будет предложено другое назначение. Я ответил, что никакого другого назначения не приму и буду ходатайствовать об увольнении меня в отставку. Полковников заметил, что увольнение в отставку старших начальников ныне не производится и что имеется приказ военного министра, запрещающий возбуждение таких ходатайств. Я заехал к Самарину, который также утверждал, что отставку мне получить не удастся. Оставалась ставка. Нового начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Духонина я совсем не знал. Генерал-квартирмейстер и дежурный генерал были также новые и неизвестные мне лица, но помощником начальника штаба по гражданской части состоял В. В. Вырубов, товарищ мой по студенческим годам и одновременной службы вольноопределяющимся, моей — Конной Гвардии, а его в Кавалергардском полку. Я послал ему телеграмму, прося помочь мне получить отставку.

Утром мне дали знать, что прибывший в Петербург главнокомандующий северным фронтом генерал Черемисов желает меня видеть и просит приехать к двенадцати часам дня в Зимний дворец, где он должен быть в это время у Керенского. После Каменца я видел генерала Черемисова впервые. Генерал Черемисов предложил мне зачислиться в его распо-

ряжение и ехать с ним в Псков. Я благодарил его за предложение и сказал, что твердо решил службу оставить.

В тот же день я получил телеграмму генерала Духонина, вызывающего меня в ставку.

По приезду в Могилев я явился к генералу Духонину. Я видел его впервые. Среднего роста, полный, румяный, с густыми вьющимися черными волосами, чрезвычайно молодой, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека. Он стал уговаривать меня отменить мое решение, доказывая, что при настоящих условиях долг старших начальников оставаться в армии, что только их присутствие в армии еще дает возможность бороться с развалом. Я твердо стоял на своем. В тот же день я подал на имя генерала Духонина рапорт. Я писал, что, будучи назначен командиром 3 корпуса, к командованию корпусом допущен не был. В виду всей прежней моей службы причину этого могу видеть лишь в моих политических убеждениях «не всем угодных», что «убеждений своих никогда не менял и в угоду кому бы то ни было менять не буду» и ходатайствовал об увольнении меня в отставку.

Через несколько дней генерал Духонин передал мне через Вырубова, что «верховный главнокомандующий» не нашел возможным увольнение в отставку одного из старших кавалерийских начальников. Еще через несколько дней мне была предложена должность командующего войсками Минского округа, на что я, конечно, ответил отказом.

Я попал в довольно странное положение: дела у меня не было и в то же время я не мог располагать собой. Я решил ждать, не принимая во всяком случае никаких назначений. Мне с каждым днем становилось яснее, что ежедневно увеличивающийся в армии развал уже остановить нельзя.

Я поселился в вагоне Вырубова. Сам Вырубов жил в верхнем этаже дворца. Жуткое чувство охватило меня, когда я впервые зашел к нему в кабинет. Здесь год тому назад видел я Государя. Комната с тех пор почти не изменилась. Вагон, в котором я жил, принадлежал когда то Великому Князю Сергею Михайловичу и был оборудован с большим комфортом. Я выписал двух своих лошадей и ежедневно делал большие проезды. Обедал и ужинал я обыкновенно вместе с Вырубовым у общего приятеля нашего графа К.А. Бенкендорфа, брата убитого моего однополчанина и друга и племянника гофмаршала. Граф Бенкендорф состоял при военных представителях иностранных держав. Мы проводили длинные осенние вечера в бесконечных злободневных спорах. В этих спорах Вырубов неизменно подвергался нападкам нашим за соглашательство и «компромиссную политику». Мне показалась бы совершенно абсурдной в то время мысль, что Бенкендорф через два года окажется в Грузии дипломатическим представителем советской власти.

Как-то раз разговор зашел о том, что необходимо реорганизовать армию на новых началах, что без этого оздоровить армию не удастся. По словам Вырубова, этим вопросом заняты были в штабе верховного главнокомандующего. В основу организации предполагалось будто бы территориальное начало, на чем особенно настаивал генерал-квартирмейстер, генерал Дидерихс. Я стал доказывать, что одной территориальной системой ничего не достигнуть, что в настоящих условиях территориальная организация могла повести бы лишь к расчленению армии и с нею и страны и что в то время, как война продолжается, эту организацию практически провести нельзя. По моему мнению, для оздоровления армии, если еще не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось от так называемой «демократизации армии» и «революционной дисциплины», чтобы была проведена в жизнь так называемая «Корниловская программа». При этих условиях я видел возможность начать в армии работу. Пользуясь зимним затишьем и оттяжкой германцами значительных сил на западный фронт, можно было, оттягивая постепенно часть корпусов в тыл, выделить из частей наиболее слабый элемент; остающимися пополнить выделенные в дивизиях ударные батальоны, кои могли быть развернуты в полки и бригады. По этому расчету число пехотных дивизий должно было уменьшиться, сколько мне помнится, вдвое, но зато дивизи-

зии эти были бы боеспособны. Выделенные из полков негодные элементы могли бы быть сведены в рабочие роты с особо строгой дисциплиной. Эти роты могли бы употребляться на тыловую службу и возвращение из них обратно в строй должно было быть допускаемо по происшествии некоторого времени и соответствующей аттестации начальства. Служба в строю, по моей мысли, должна была быть обставлена рядом служебных и материальных преимуществ по сравнению с тыловой. Конечно, все эти меры могли дать соответствующие результаты лишь при условии изменения общего порядка в армии.

Вырубов, как всегда увлекающийся, стал просить меня взять на себя разработку подробно этого вопроса. Я, не придавая этому никакого значения, отшучивался. Однако через несколько дней Вырубов вновь заговорил об этом, передал мне, что он говорил о моих соображениях Духонину и Дидерихсу и что оба чрезвычайно заинтересовались этим вопросом. Дидерихс просил меня зайти к нему. Через несколько дней генерал Дидерихс повторил приглашение и лично просил меня письменно разработать вопрос. Я взял себе в помощники подполковника генерального штаба Яковлева, и дней через десять представил соответствующий доклад.

Гражданская часть (ныне даже вопросы реорганизации армии обсуждали штатские люди) потребовала ряда изменений, однако против главных оснований не возражала. Проект отправили в Петербург. Я, конечно, совсем не верил в возможность проведения в жизнь всех намеченных проектом мер, – выдвигая этот проект, я имел в виду другое, – возможность войти в связь с многочисленными войсковыми частями и, в частности, с ударными батальонами, составленными из добровольцев, главным образом, офицеров. Один такой батальон, под командой подполковника генерального штаба Манакина – находился в ставке. Это была образцовая часть. В случае неизбежного развала армии, быть может, удалось бы сохранить хоть небольшое и организованное крепкое ядро. 16 октября Керенский утвердил представленную Вырубовым докладную записку, в основу которой вошел мой доклад. Дежурству было приказано разработать штаты.

Начальник штаба верховного главнокомандующего и помощник его по гражданской части выезжали на имеющее состояться в Петербурге открытие Предпарламента. Я воспользовался случаем проехать в Петербург. Я помещался с Вырубовым в одном вагоне. К обеду пришел генерал Духонин, просидевший у нас часов до десяти, он, видимо, рад был отдохнуть от дел, рассказывал многое из прежней своей службы, с особенным удовольствием вспоминал о времени, когда командовал 165-м Луцким полком. Полк под его начальством имел немало славных дел, и георгиевские кресты, украшавшие грудь и шею генерала Духонина, говорили об этом.

Первое заседание Предпарламента лишний раз подчеркнуло бессилие власти и отсутствие единения в верхах.

25-го октября прогремели в Петербурге первые выстрелы с крейсера «Аврора». Керенский бежал, прочие члены Временного правительства засели в Зимнем дворце под охраной женских батальонов и детей-юнкеров. В столице повторились февральские дни. По улицам шла стрельба, носились грузовые автомобили с вооруженными солдатами.

Ставка эти дни была полна волнениями. Бесперывно заседал армейский комитет. Генералы Духонин, Дидерихс и Вырубов не отходили от аппаратов Юза. Стало известно о движении генерала Краснова с 3 корпусом на Петербург, за ним должны были двигаться еще войска. Но уже через день заговорили об «измене генерала Черемисова». В штабе главнокомандующего северным фронтом уже велась недостойная игра. Генерал Черемисов довольно прозрачно давал окружающим понять, что в ближайшие дни он готовится стать верховным главнокомандующим. Вызванные в Петербург правительством эшелоны были задержаны генералом Черемисовым в пути; казаки Уссурийцы стали брататься с большевиками. Еще раз в верхах армии появилась растерянность, нерешительность, предательство и трусость.

В эти дни неожиданно проездом через Могилев прибыл генерал Одинцов. Я не видел его со времени недостойного его поведения в Корниловские дни. Он зашел ко мне сильно сконфуженный. Я узнал, что он получил назначение в Петербург в распоряжение начальника генерального штаба. В то время я далек был от мысли, что через две недели он вернется в ставку предлагать от имени главковерха, прапорщика Крыленко, генералу Духонину сдать пост.

1-го ноября Керенский бежал, предав своих товарищей по кабинету, армию и Россию, 5-го ноября декретом совнаркома верховным главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. В ставке делали еще потуги сформировать «демократическое правительство», председателем правительства намечался В.М. Чернов. Я сидел у Вырубова, когда доложили о его приходе. Желая избежать встречи с этим господином, я поспешил выйти из кабинета. Одновременно с Черновым прибыл и бывший военный министр генерал Верховский. Я имел случай его видеть и он произвел на меня впечатление самоуверенного ничтожества.

В день, когда мне стало известно о назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленкой приказе войскам «вступить в переговоры с противником», при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный – Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералам Дидерихку и Вырубову освободить их от связывающего слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дидерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве «частного человека», заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил ставку переносить в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха. По словам стоявших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего его к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: «Война до победного конца». Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники и весь русский народ. Великое слово «свобода» этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство.

Под большевистской пятой

После тревожной, нервной жизни в ставке я поражен был найти в Крыму совершенно иную мирную и, так сказать, глубоко провинциальную обстановку.

Еще с первых дней смуты сюда бежало из Петербурга, Москвы и Киева громадное число семейств. Люди в большинстве случаев богатые и независимые, не связанные со службой или покинувшие ее и в большинстве случаев чуждые политической жизни, они внесли с собой в Крым особую атмосферу, столь далекую от политической борьбы и тревожных переживаний большинства крупных центров России. В окрестностях Ялты проживала после переворота и большая часть Членов Императорской Семьи: престарелая императрица Мария Федоровна с дочерьми Великими Княгинями Ксенией Александровной и Ольгой Александровной, Великие Князья Николай Николаевич, Петр Николаевич, Александр Михайлович с Семьями. В самой Ялте, Алупке, Симеизе и Гурзуфе жил целый ряд лиц петербургского

общества, – старых наших знакомых. Все часто виделись между собой. Многие старались перенести сюда привычный уклад петербургской жизни.

Грозную действительность напоминали лишь известия, довольно неаккуратно приходявшие с почтой. Через несколько дней после приезда я узнал из газет о трагической гибели генерала Духонина и бегстве Быховских узников. Изредка доходили сведения о продолжающемся уклоне влево демократической Украинской рады и о зреющей на Дону «контрреволюции». В прочность последней я, зная казаков, мало верил, считая, что рано или поздно казачество должно быть увлеченным в революционный вихрь и опомнится, лишь испытав на собственной шкуре прелести коммунистического режима.

Беспечная крымская жизнь продолжалась недолго. Вскоре из северной Таврии пришли первые вести о выступлениях в городах и деревнях всякого сброда, спешившего объединиться под красным знаменем. Местами происходили уже погромы помещичьих усадеб.

Будучи как-то по делам имения в Мелитополе, я впервые на Мелитопольском вокзале увидел красные войска; то возвращались после кровавого урока матросы Черноморского флота, разбитые генералом Калединым под Ростовом. С наглыми, зверскими лицами, обвешанные пулеметными лентами и с ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались в Севастополь, врываясь в пассажирские вагоны, выбрасывая женщин и детей и избивая станционных служащих.

По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся красной волны решили соорганизоваться в лице «Курултая» и крымские татары. Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала «демократическая политика», ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов. Сайдамета, кроме демократических элементов, выдвигала еще и туркофильская группа. В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот, кажется, две полевые батареи. Гарнизон Севастополя и Севастопольская артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе, местопребывании Курултая, был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщающего мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, долженствующая, по расчетам штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил приехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение.

В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главноверх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими крмитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просил до отъезда не отказать присутствовать на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен был быть рассматриваемым предложенный генерального штаба полковником Достоваловым план захвата

Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после этого совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною, и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр», выслушав присутствовавших, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для приведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. На утро я выехал в Ялту.

8-го января утром по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами Крымских драгун, расположенных в Ливадийском дворце, и местной красной гвардией, что крымцы отошли в горы, и власть в городе захвачена советами. Около полудня, от имени советов, появились прокламации, указывающие на то, что отныне единственной властью в городе является местный совет и требующие немедленной сдачи обывателями всякого оружия. Под вечер прибыло в город судно, и высадившиеся матросы, руководимые членами местного совета, приступили к повальным обыскам.

Эти обыски не миновали и нас. Часов в десять вечера к нам на дачу на Нижне-Масандровской улице явились человек шесть матросов, обвешанные пулеметными лентами и гранатами, предъявили какой то мандат и требование допустить их для производства обыска в квартиру. Я отдал приказание их впустить и предоставить полную свободу, наблюдая лишь за тем, чтобы, воспользовавшись обыском, представители «революционного народа» чего либо не стянули. Все имевшееся у нас оружие еще с утра было надежно спрятано в подвале и на чердаке. Сам я во время обыска, дабы избежать необходимости разговаривать с проходимцами, сел за карточный стол и начал играть в пикет со своим сынишкой, совершенно не обращая внимания на шаривших по столам и комодам матросов. Последние всячески, видимо, старались вывести меня из себя, делая вслух дерзкие замечания, намеренно производя шум и передвигая мебель. Но убедившись, что ничто не действует, оставили нас в покое. К этому испытанному приему я впоследствии прибегал не раз во время обысков.

Около девяти часов 10 января я проснулся от орудийной стрельбы. От прислуги узнал, что ночью спустились с гор Крымские драгуны, что западная часть города ими занята, что на рассвете из Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстреливают город. Одевшись, я вышел на балкон вместе с гостившим у нас братом жены. В городе слышалась сильная ружейная стрельба, часто рвались шрапнели, обстреливалась, главным образом, центральная часть города. От снарядов значительно пострадали некоторые здания. Два снаряда попали в соседний с нашей дачей дом, а несколько осколков упало у нас в саду.

Около полудня мне пришли доложить, что отряд матросов находится в саду, и посты выставлены у входа в усадьбу. Я прошел в сад и увидел человек пятнадцать матросов и вооруженных штатских, столпившихся у балкона:

«Кто здесь старший?» – спросил я. Вышел какой то матрос.

«Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, – указал я на моего шурина – тоже офицер – ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся».

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

«Это хорошо», сказал назвавший себя старшим, «мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами».

«Мы только с татарами воюем, – сказал другой, – Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...» Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала.

К вечеру крымцы оставили город, с ними бежали очень многие обыватели из живших в занятых крымцами кварталах.

Одиннадцатого января часов в десять утра я был разбужен каким-то шумом. Приподнявшись на кровати, я услышал громкие голоса, топот ног и хлопанье дверей. В комнату ворвались человек шесть матросов, с винтовками в руках, увешанные пулеметными лентами. Двое из них, подбежав к кровати, направили на меня винтовки, крича: «ни с места, вы арестованы». Маленький прыщавый матрос с револьвером в руке, очевидно старший в команде, отдал приказание двум товарищам встать у дверей, никого в комнату не пропуская. «Одевайтесь», – сказал он мне.

– «Уберите ваших людей, – ответил я, – вы видите, что я безоружен и бежать не собираюсь. Сейчас я оденусь и готов идти с вами».

– «Хорошо, – сказал матрос, – только торопитесь, нам некогда ждать».

Матросы вышли, и я, быстро одевшись, прошел в коридор и, окруженный матросами, пошел к выходу. В дверях я увидел жавшихся в кучу, плачущих наших служащих. В саду, у подъезда, нас ждали еще человек десять матросов и с ними недавно выгнанный мною помощник садовника; пьяница и грубиян, он незадолго перед этим на какое то замечание жены моей ответил грубостью. Я как раз в это время выходил в сад и, услышав, как грубиян дерзил жене, вытянул его тростью. На следующий день он был уволен и теперь привел матросов.

«Вот, товарищи, этот самый генерал возился с татарами, я свидетельствую, что он контрреволюционер, враг народа», – увидев меня, закричал негодяй.

С балкона, в сопровождении двух матросов, спускался брат моей жены, также задержанный. Пройдя садом, мы вышли на улицу, где ждали присланные за нами два автомобиля; кругом стояла толпа народа. Слышались ругань и свист, некоторые соболезнавали. Какой то грек, подойдя к матросам, пытался за нас заступиться:

«Товарищи, я их знаю, – показывая на нас, сказал он, – они ни в чем не виноваты, и в бою не участвовали».

«Ладно, там разберутся», – отстранил его один из матросов.

Мы стали садиться в автомобиль, когда, расталкивая толпу, появилась моя жена. Подбежав к автомобилю, она ухватила за дверцу и пыталась сесть, матросы ее не пускали. Я также пробовал уговаривать ее остаться, но она ничего слушать не хотела, плакала и требовала, чтобы ее пустили ехать со мной. «Ну ладно, товарищи, пусть едет», – сказал наконец один из матросов. Автомобили помчались по улице по направлению к молу. Там виднелась большая толпа, оттуда слышались крики. Два миноносца, стоя у мола, изредка обстреливали город. Автомобили остановились у пришвартованного миноносца. «Вот они, кровопийцы. Что там разговаривать, в воду их», – послышались крики из толпы. Мне бросились в глаза лежавшие на молу два трупа, кругом стояла лужа крови... Стараясь не смотреть на окружавшие нас зверские лица, я быстро прошел по сходням на миноносец, вместе с женой и шурином. Нас провели в какую-то каюту. Почти тотчас же в каюту вошел какой-то человек в морской офицерской форме, но без погон. Он поразил меня своим убитым и растерянным видом. Жена бросилась к нему и стала спрашивать, что с нами будет; он пытался ее успокоить, отрекомендовался капитаном миноносца и обещал сделать все, чтобы скорее разобрать наше дело:

«Вам нечего бояться, если вы невиновны. Сейчас ваше дело разберут и, вероятно, отпустят», – говорил он, но ясно было, что сам не верит в свои слова... Шум и топот раздались близ каюты, и толпа матросов появилась в дверях. Они требовали выдачи нас и немедленной расправы. С большим трудом капитану и пришедшим к нему на помощь двум, трем матросам удалось уговорить их уйти и предоставить нашу участь суду.

Через полчаса привели еще одного арестованного – какого-то инженер-полковника. По его словам, он был захвачен также по навету служащего, с которым у него были денежные расчеты. Он больше всего беспокоился об оставленных им дома деньгах и важных документах, которые могли пропасть.

Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привык глядеть смерти в глаза, и меня не страшила опасность; но мысль быть расстрелянным своими же русскими солдатами, расстрелянным, как грабитель или шпион, была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала меня мысль, что самосуд произойдет на глазах у жены, и я решил сделать все возможное, чтобы ее удалить. Между тем, она упростила капитана провести ее в судовой комитет и там пыталась говорить и разжалобить. Наконец, она вернулась, конечно, ничего не добившись. Я стал уговаривать ее пойти домой:

«Здесь ты помочь мне не можешь, – говорил я, – а там ты можешь найти свидетелей и привести их, чтобы удостоверили мое неучастие в борьбе». После долгих колебаний она решилась. Я был уверен, что уже больше ее не увижу. Сняв с руки часы-браслет, которые она подарила мне невестой и которые я всегда носил, я сказал ей:

«Возьми это с собой, спрячь. Ты знаешь, как я ими дорожу, а здесь их могут отобрать». Она взяла часы, и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минут, как она вернулась. На ней не было лица: «Я поняла, все кончено, – сказала она, – я остаюсь с тобой». На ее глазах только что толпа растерзала офицера.

Ежеминутно ожидая конца, просидели мы в каюте до сумерек. Около пяти часов в каюту вошли несколько матросов и с ними молодой человек в кепке и френче, с бритым лицом, державшийся с большим апломбом. Обратившись к сидевшему с нами полковнику, он объявил ему, что он свободен – «вы же, – сказал он, обращаясь ко мне и к моему шуруну, – по решению судового комитета предаетесь суду революционного трибунала. Вечером вас переведут в помещение арестованных». Полковник вышел, но минут через десять мы увидели его вновь. Он горячо спорил с сопровождавшим его матросом: «я требую, чтобы мне вернули мои часы и мой бумажник, в нем важные для меня документы», горячился он. Матрос казался смущенным, «я ничего не знаю, – говорил он, – обождите здесь, сейчас приглашу комиссара», он вышел. – «Моего освобождения потребовали мои служащие, – портовые рабочие. За вас также пришла просить толпа народа, – быстро проговорил полковник, – не беспокойтесь, Бог даст и вам удастся отсюда выбраться...» Пришел комиссар, и полковник вышел с ним.

Вскоре за нами пришли. Под конвоем красногвардейцев нас повели в здание таможни, где содержались многочисленные арестованные. Было темно, дул холодный ветер и шел дождь. Толпа разошлась, и мы беспрепятственно прошли в нашу новую тюрьму. В огромном зале с выбитыми стеклами и грязным заплыванным полом, совершенно почти без мебели, помещалось человек пятьдесят арестованных. Тут были и генералы, и молодые офицеры, и студенты, и гимназисты, и несколько татар, и какие то оборванцы. Несмотря на холод и грязь, здесь на людях все же было легче. Хотя все лежали, но никто видимо не спал, слышался тихий разговор, тяжелые вздохи. На лестнице стояла толпа матросов и красногвардейцев, и оттуда доносилась площадная ругань. Вскоре стали вызывать к допросу. Допрос длился всю ночь, хотя допрашивали далеко не всех. Вскоре вызвали меня. Допрашивал какой-то студент в пенсне, маленький и лохматый. Сперва задавались обычные вопросы об имени, годах, семейном положении. Затем он предложил вопрос, признаю ли я себя виновным.

«В чем?» – вопросом ответил я. Он замялся.

«За что же вы арестованы?»

– «Это я должен был бы спросить вас, но думаю, что и вы этого не знаете. О настоящей причине я могу только догадываться», и я рассказал ему о том, как побил нагрубившего жене помощника садовника, из мести ложно донесшего на меня:

«Я не знаю, есть ли у вас жена, – добавил, – думаю, что если есть, то вы ее также в обиду бы не дали».

Он ничего не ответил и, записав мое показание, приказал конвойным отвести меня в камеру арестованных. С утра стали приводить новых арестованных. К вечеру доставили хорошего нашего знакомого, молодого князя Мещерского, офицера Конно-Гренадерского полка, задержанного при попытке бежать в горы.

Часов около восьми в комнату вошел матрос крупного роста, красивый блондин с интеллигентным лицом; его сопровождали несколько человек, в том числе допрашивавший нас ночью студент и виденный мною на миноносце комиссар.

«Это председатель трибунала, товарищ Вакула, – сказал один из наших сторожей, – сейчас будут вас допрашивать».

«Революционный трибунал» переходил от одного арестованного к другому. Мы увидели, как увели куда то старого генерала Ярцева, князя Мещерского, какого-то студента, еще кого-то... Товарищ Вакула подошел к нам. Я слышал, как студент, допрашивавший меня накануне, нагнувшись к уху председателя «революционного трибунала», сказал: «это тот самый, о котором я вам говорил».

«За что арестованы?» – спросил меня последний.

«Вероятно за то, что я русский генерал, другой вины за собой не знаю».

– «Отчего же вы не в форме, небось раньше гордились погонами. А вы за что арестованы?» – обратился он к моей жене.

– «Я не арестована, я добровольно пришла сюда с мужем».

– «Вот как. Зачем же вы пришли сюда?»

– «Я счастливо прожила с ним всю жизнь и хочу разделить его участь до конца». Вакула, видимо предвкушая театральный эффект, обвел глазами обступивших нас арестованных.

«Не у всех такие жены – вы вашей жене обязаны жизнью, ступайте», – он театральным жестом показал на выход.

Однако вечером нас не выпустили. Оказалось, что мы должны пройти еще через какую-то регистрацию и что из под ареста нас освободят лишь утром. Вакула, обойдя арестованных, вышел. Через десять минут под окнами на молу затрещали выстрелы – три беспорядочных залпа, затем несколько отдельных выстрелов. Мы бросились к окну, но за темнотою ночи ничего не было видно. «Это расстреливают», – сказал кто-то. Некоторые крестились. Это действительно были расстрелы. Уже впоследствии я узнал это, со слов очевидца, старого смотрителя маяка, – на его глазах за три дня были расстреляно более ста человек. Трупы их, с привязанным к ногам грузом, бросались тут же у мола в воду. По занятию немцами Крыма часть трупов была извлечена, в том числе и труп молодого князя Мещерского. Труп старого генерала Ярцева был выброшен на берег в Симеизе через несколько недель после расстрела.

Второй день арестованные ничего не ели. К вечеру принесли ведро с какой-то бурдой и одной общей ложкой. Нам посчастливилось – теще моей удалось через наших тюремщиков прислать нам к вечеру холодную курицу, подушку и два пледа. Мы устроились на полу. Пережитые сильные волнения отразились на моей старой контузии. Своевременно я пренебрег ею и, не докончив курса лечения, вернулся несмотря на предупреждения врачей, в строй. С тех пор всякое сильное волнение вызывало у меня сердечные спазмы, чрезвычайно мучительные. Последние полгода это явление почти прекратилось, однако теперь под влиянием пережитого болезненное явление повторилось вновь. Всю ночь я не мог заснуть, и к утру чувствовал себя столь слабым, что с трудом держался на ногах. Наконец, в одиннадцать часов, нас освободили и мы пешком, в сопровождении одного красногвардейца, вернулись домой. Я слег немедленно в постель и пролежал целую неделю.

Через несколько дней в горах наступило успокоение. Симферополь, Евпатория, Ялта оказались в руках большевиков. Остатки крымцев скрылись в горы. Более тысячи человек, главным образом офицеров, были расстреляны в разных городах. Особо кровавые дни пережил Симферополь. Здесь было расстреляно огромное количество офицеров, в том числе почти все чины крымского штаба во главе со зверски замученным полковником Макухой. Теперь красные войска праздновали победу, всюду происходили торжественные похороны павших красногвардейцев. В Ялте их хоронили в городском саду.

Спеша воспользоваться плодами победы, советы почти еженедельно производили повальные обыски, отбирая драгоценности, белье, верхнее платье. Объявлена была денежная контрибуция, разложенная на наиболее состоятельных лиц. Надо заметить, что все обыски, контрибуции и прочие меры принудительного характера первое время проводились весьма беспорядочно, и легко обходились. Так, в списке капиталистов, подлежащих обложению, третьим номером стояла моя теща (первым номером был известный крымский ростовщик, вторым – графиня Мордвинова). Моя теща отказалась что либо внести и, несмотря на ряд угроз и предупреждений, арестована не была. Проживавшая же в Ялте графиня Толстая, наоборот, поспешила все внести, показала полностью свое имущество, укрыв лишь некоторые драгоценности. Последние она зашила в платье. Об этом донесла ее горничная, и старуха была арестована, последние драгоценности ее были отобраны, и она с дочерью заключена в тюрьму.

На текущие счета был наложен арест и по ним можно было получать лишь сто рублей в неделю. Между тем вследствие разрушения транспорта и боязни постоянных реквизиций подвоз в город совершенно прекратился, и цены на продукты страшно возросли. На сто рублей в неделю, имея большую семью, существовать было совершенно невозможно. Мы прибегали ко всевозможным уловкам, дабы спасти деньги и наиболее ценные вещи. Большинство нашей прислуги были давно служащие у нас и вполне нам преданные. Мы им были отчасти обязаны нашим спасением, ибо они, присоединив некоторых бедняков нашего квартала, которым помогала жена, пришли в день нашего ареста требовать нашего освобождения, и голос их был принят вероятно во внимание, как голос «революционного народа». С помощью наших служащих мы надежно запрятали вещи и деньги. Обыски в эти дни производились людьми неопытными и укрыть вещи не представляло большого затруднения. Деньги мы держали в металлических кронштейнах для портьер. Драгоценности жена зашила в детские куклы; меха, кружева и белье в диванные тюфяки и подушки; оружие свое я закопал в саду. Несмотря на частые обыски, у нас ни разу не были обнаружены эти вещи.

Мы почти не выходили из дому. Вид улицы с толкающимся «революционным пролетариатом» был настолько противен, что без особой нужды не хотелось выходить. Жили все время под угрозой какого либо нового несчастья. Особенно тревожные дни переживал город во время наездов севастопольских матросов. Последние несколько раз приходили на миноносце. В городской думе в эти дни происходили ночные собрания и неизменно, в связи с этими приездами, производились новые аресты. Дважды приходилось нам не ночевать дома. Предупрежденные через нашу прислугу о готовящихся ночью в наших кварталах арестах, мы, с наступлением темноты, уходили из дома, ночуя на дальней окраине города у наших знакомых. Их квартал, населенный татарами, был наиболее спокойный.

С приходом большевиков Крым оказался как бы отрезанным от всего мира. Газеты приходили чрезвычайно неаккуратно. Контрреволюционная печать еще не была в России совершенно задушена, и из разрозненных номеров разных газет мы изредка получали сведения о том, что делается в остальной России. Все эти события – позорный Брест-Литовский мир, падение атаманской власти на Дону и Украинской рады в Киеве на Крыме совсем не отражались и казались известиями из другого мира. Эти случайные известия чередовались с самыми нелепыми слухами, неожиданно возникавшими и столь же быстро заменявшимися

другими. То союзническая эскадра, форсировав Дарданеллы, ожидалась со дня на день в Крыму, то немцы присылали какой то корпус для захвата южных плодородных губерний. Все эти слухи еще более раздражали нервы.

Мы решили переехать куда-либо в окрестности Ялты, дабы быть дальше от города, где особенно остро чувствовалась пята хама. Жене удалось устроить мне гражданский паспорт, где я значился горным инженером, и мы в конце февраля перебрались в Мисхор. Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореиз был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним. Единственная разница была введенная для покупки продуктов карточная система, весьма стеснительная. Продуктов вообще, с прекращением подвоза из северной Таврии, в Крыму стало очень мало. Мы отпустили большую часть своей прислуги, оставив лишь совершенно верных нам людей, и поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых.

Императрица Мария Федоровна и прочие Члены Императорской Фамилии были все поселены в имении Великого Князя Петра Николаевича «Дюльбер», где жили под охраной матросов. К ним, конечно, никого не допускали, хотя в марте молодой княгине Юсуповой удалось добиться разрешения видеть мать свою Великую Княгиню Ксению Александровну и бабушку свою Императрицу Марию Федоровну. Юсуповы жили вблизи от нас, и мы часто с ними виделись. От них мы узнали, что команда, охраняющая Императрицу и Великих Князей, относилась к ним с полным уважением и большой внимательностью. Начальник команды, матрос Черноморского флота, проявлял подчас совершенно трогательное отношение к заключенным. По приходу в Крым немцев тоже самое подтвердили мне Великий Князь Александр Михайлович и Великая Княгиня Ксения Александровна.

В Мисхоре, Алушке и Симеизе большевистская пята ощущалась несравненно менее, нежели в Ялте. За два месяца, которые мы прожили в Мисхоре, было всего два-три обыска у некоторых лиц и то произведенные приехавшими из Ялты красногвардейцами. Мы совершенно избегли обысков.

На страстной неделе распространился слух, что на Украину двинуты немецкие войска, что Киев и Одесса заняты немцами и что в районе Перекопа идет бой. Слуху этому сперва мало кто поверил, однако в последние дни стали появляться все новые и новые сведения; среди красноармейцев стало заметно беспокойство, многие уезжали. Кажется в среду или в четверг, выходя из церкви, я встретил только что прибывшего из Ялты графа Ферзена. Он сообщил мне, что в Ялте в прошлую ночь был произведен вновь ряд обысков, между прочим искали и меня, пришли на нашу дачу и едва не растерзали жившего там князя Гагарина, допытываясь, где нахожусь я. Когда граф Ферзен уезжал из Ялты, к молу подошло какое-то судно, и он видел, как шла погрузка. Говорили, что грузятся семьи комиссаров. Утром татары из Кореиза пришли сказать нам, что из Бахчисарая на Ялту идут немецкие войска. Вечером я отправился с женой в церковь. Подходя к шоссе, мы увидели спешащих к шоссе людей, и узнали от них, что через Кореиз проходит немецкая пехота и артиллерия. Действительно, колонна артиллерии, под прикрытием пехоты, и длинная колонна обозов тянулась по шоссе. Трудно было принять за действительность это движение немецких войск на южном побережье Крыма.

Я испытывал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унижительной власти хама и большое чувство обиды национальной гордости.

На Украине и в Белоруссии

Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателей наименее ощутимым. С их приходом были

отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками, – карточная система, закрытие текущих счетов и проч., но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имущества или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевшие эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами дали возможность беспрепятственно убраться во-свояси.

На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили Великого Князя Николая Николаевича в имении «Дюльбер», где находились все Члены Императорской Семьи. Великий Князь Николай Николаевич через состоящего при Нем генерала барона Сталя передал прибывшим, что, если они желают видеть Его, как военнопленного, то Он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд есть простой визит, то Он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит Великим Князем и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что Великий Князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной Его охране. Барон Сталь, по поручению Великого Князя, передал, что Великий Князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать.

Понемногу улеглись треволнения последних дней и на пасхальной неделе заметно было давно не виданное в Крыму оживление. Все прятавшиеся по своим дачам, воспользовавшись хорошими весенними днями, повысыпали на пляж, ездили в город и стали собираться друг у друга. Престарелая Императрица Мария Федоровна почти ежедневно приезжала в Мисхор к своему старому другу княгине Долгорукой и подолгу просиживала на берегу моря. Один Великий Князь Николай Николаевич упорно отказывался оставить свой дворец, нигде не бывал и никого не принимал.

С приходом немцев снова стали появляться газеты, главным образом киевские. Переворот на Украине и образование гетманства были для нас полной неожиданностью.

Генерала Скоропадского я знал исключительно близко. Мы провели службу в одной бригаде – я в Конной Гвардии, он – в Кавалергардском полку, где долго был полковым адъютантом. Во время японской войны мы служили вместе во 2-ой Забайкальской казачьей дивизии. В 1911 году, прокомандовав недолго Финляндским драгунским полком, он был назначен командиром Конной гвардии и с полком вместе вышел на войну. Последовательно он командовал нашей бригадой, а затем 1-ой гвардейской кавалерийской дивизией. Во время Августовских боев, осенью 1914 года, я в течение месяца исполнял должность начальника штаба Сводной дивизии, которой командовал генерал Скоропадский.

Среднего роста, пропорционально сложенный, блондин, с правильными чертами лица, всегда тщательно, точно соблюдая форму, одетый, Скоропадский внешним видом своим совершенно не выделялся из общей среды гвардейского кавалерийского офицерства. Он прекрасно служил, отличался большой исполнительностью, редкой добросовестностью и большим трудолюбием. Чрезвычайно осторожный, умевший молчать, отлично воспитанный, он молодым офицером был назначен полковым адъютантом и долгое время занимал эту должность.

Начальники были им очень довольны и охотно выдвигали его по службе, но многие из товарищей не любили. Ему ставились в вину сухость и замкнутость. Впоследствии в роли начальника, он проявил те же основные черты своего характера: большую добросовестность, работоспособность и настойчивость в достижении намеченной цели.

Порыв, размах и быстрота решений были ему чужды.

Трудно верилось, что, стоя во главе края в это, исключительное по трудности время, Скоропадский мог бы справиться с выпавшей на его долю непомерно трудной задачей. Вместе с тем, среди моря анархии на всем огромном пространстве России как будто образовался первый крепкий островок. Он мог бы, может быть, явиться первой точкой приложения созидательных сил страны и в этом мне хотелось убедиться. Я решил проехать в Киев. Одновременно я хотел побывать в нашем минском имении, оккупированном польскими войсками, управляющий которого писал нам, прося прибыть для решения целого ряда дел.

В Киев я прибыл вечером.

На следующее утро я позвонил во дворец гетмана справиться, когда Скоропадский сможет меня принять. Мне ответили, что гетман просит меня к завтраку. Скоропадский помещался в бывшем доме генерал-губернатора на Институтской улице. Вход охранялся караулом офицерской роты. Первый этаж был занят канцелярией, верхний занимался гетманом. В приемной мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, отрекомендовавшийся полковым писарем «Остраница-Полтавец». Он говорил исключительно на «украинской мове», хотя и был кадровым русским офицером. Дежурным адъютантом оказался штабс-ротмистр Кочубей, бывший кавалергард. Мы разговорились. Он рассказал мне о перевороте, о той, будто бы бескорыстной, помощи, которую оказывают Украине немцы, о популярности Скоропадского. По его словам, в самом непродолжительном времени будет сформирована большая армия, средства на которую обещали немцы. Во главе армии должен был стать военный министр генерал Рагоза, бывший командующий IV-ой армией. Начальником генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту. Другие области управления находились в руках лиц, мне большей частью совершенно неизвестных, главным образом связанных с Украиной. Я был чрезвычайно поражен, услышав среди имен членов правительства имя товарища министра иностранных дел Палтова, по словам Кочубея, имевшего на гетмана исключительное влияние. Палтов был личностью с весьма темным прошлым, замешанный в чрезвычайно грязных денежных делах, за что своевременно лишен был камергерского мундира.

Я не успел закончить разговора, как вошел Скоропадский. Мы расцеловались и отправились завтракать. За завтраком разговор имел исключительно частный характер. Скоропадский рассказал о себе, я передал ему о том, что пережила моя семья, вспомнили общих знакомых.

После завтрака мы перешли в кабинет. Скоропадский стал рассказывать о последних событиях на Украине, о работе его по устройству края, о намечанных формированиях армии. «Я очень рассчитываю на тебя, — сказал он, — согласился ли бы ты идти ко мне начальником штаба?»

Я ответил, что, не успев еще ознакомиться с положением дела, не могу дать какого либо ответа, но что во всяком случае мог бы работать исключительно как военный техник.

«Не будучи ничем связанным с Украиной, совершенно не зная местных условий, я для должности начальника штаба, конечно, не гожусь».

Я поспешил повидать всех тех, кто мог мне дать интересующие меня сведения. Все эти сведения только подтвердили мои сомнения. У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, все обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна «хлеборобская» дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было.

Я считал, что выступление Америки с огромным запасом живой силы и средств должно было склонить весы победы в сторону наших бывших союзников. Несомненные военные

преимущества немцев – блестящая организация, стратегические таланты военачальников и боевые качества войск, в конце концов не могли возместить численного и материального превосходства противника. Единственный шанс немцев мог быть еще лишь в учете элемента времени – ежели бы немцы успели до окончания переброски американских войск сосредоточить на Западном фронте достаточную массу сил и нанести решительный удар прежде, чем противник окажется в силе захватить в свои руки военную инициативу. Это сосредоточение сил могло быть сделано исключительно за счет войск, снятых с Восточного фронта. Перед этой самодавлеющей необходимостью немцы должны были бы, казалось, отказаться от условий Брест-Литовского мира, предоставив русским возможность собственными силами восстановить на родине порядок, обеспечив тем самым базу снабжения в тылу Германии.

С нашей русской точки зрения это могло быть только выгодным. Тяжелое положение Германии давало нам право надеяться на заключение выгодного для нас договора. Что касается моральных обязательств по отношению, наших союзников, то от таковых, по моему мнению, Россия была уже давно свободна. За минувший период борьбы она принесла неисчислимы жертвы на общее дело, а участие союзных правительств в «русской бескровной революции» перекладывало ответственность за выход России из общей борьбы, в значительной мере, на иностранных вдохновителей этой революции.

Таким образом, с государственной точки зрения я допускал возможность «немецкой ориентации». Однако, я не видел в немецко-украинском союзе необходимых двусторонних преимуществ. Германия, казалось, не могла отрешиться от столь легко давшихся ей только что богатых русских областей и не признавала, что, желая быть всюду сильной, она может оказаться всюду слабой. Украинские же сторонники этого союза не понимали, что они являются лишь слепым орудием германского правительства. Большинство этих сторонников были чужды идеи самостийной Украины и видели в создании Украины лишь частичное возрождение Великой России. Но некоторые даже среди ближайших советников гетмана были ярыми сторонниками «щираго Украинства». Германцы усиленно поддерживали украинское самостийничество и сам Скоропадский, в угоду ли могучим покровителям, или в силу «политических соображений», явно играл в «щирую Украину».

Через день после первого моего посещения я обедал у гетмана. После кофе мы просидели беседуя до позднего часа. Как и в первый наш разговор Скоропадский заговорил о том, что надеется на согласие мое ему помочь. Я вновь подтвердил сказанное в первый раз – возможность моей работы в настоящей обстановке лишь как техника:

«Я думаю, что мог бы быть наиболее полезным в качестве военачальника, хотя бы при создании крупной конницы. К сожалению, поскольку я успел ознакомиться с делом, я сильно сомневаюсь, чтобы немцы дали тебе эту возможность. Но это другой вопрос. Я готов взять любую посильную работу, быть хотя бы околоточным, если это может быть полезно России. Я знаю, что в твоём положении истинные намерения приходится, может быть, скрывать, но не скрою от тебя, что многое из того, что делается здесь, для меня непонятно и меня смущает. Веришь ли ты сам в возможность создать самостоятельную Украину, или мыслишь ты Украину лишь как первый слог слова „Россия“?»

Скоропадский горячо стал доказывать мне, что Украина имеет все данные для образования самостоятельного и независимого государства, что стремление к самостоятельности давно жило в украинском народе, а за последние много лет усиленно работала в этом направлении Австрия, и плоды этой работы значительны. В конце концов он стал доказывать, что объединение славянских земель Австрии и Украины и образование самостоятельной и независимой Украины, пожалуй, единственная жизненная задача.

«Для меня еще большой вопрос, куда мне ориентироваться: на Восток или на Запад...»

Этот вечер окончательно укрепил меня в моем решении и на другой же день я начал хлопотать о билетах на Бобруйск, и поспешил закончить все мои дела в Киеве.

За эти последние несколько дней, проведенные здесь, я перевидел массу лиц, старых знакомых по прежней моей службе.

Как табунок разбитых охотником куропаток, собиралось сюда со всех сторон России развеянное, большей частью скрывавшееся после развала фронта, русское офицерство. Я не пережил в рядах армии полного развала войсковых частей и только здесь я отдал себе в полной мере отчет о тех страданиях, лишениях и унижениях, которые пережили за последние месяцы русские офицеры. Бестрепетно выполняя свой долг до конца, большинство офицеров, сплотившись вокруг родных знамен, видело смерть родных частей, предательство и трусость тех самых солдат, которых они еще недавно водили к победам, злобу и оскорбление со стороны недавних своих подчиненных, с которыми вместе переживали радости и невзгоды боевых дней.

Как-то доложили мне о том, что меня желает видеть полковник артиллерии Влесков. Я принял его и узнал, что он брат бывшего офицера моего Нерчинского полка, сотника Влескова. Сотник Влесков, как не казак, вскоре после переворота перевелся в регулярную конницу и до конца войны служил в рядах Ингерманландского гусарского полка. Полк, как и прочие части армии, развалился, солдаты разбежались, оставалось лишь небольшое число офицеров и несколько старых солдат. Оставшиеся решили пробираться на Украину. На одном из ночлегов на них напал проходивший вблизи большевистский эшелон. Часть офицеров была убита, лишь немногие успели спастись. Некоторые перед смертью подверглись жестоким истязаниям. У Влескова были перебиты обе руки и ноги и содрана кожа с черепа. Он был подобран полуживой крестьянами, доставившими его в ближайший уездный город. После продолжительной болезни он был перевезен разыскавшим его братом в Киев. Я немедленно поехал навестить его. Блестящий офицер, редкой красоты юноша, Влесков был теперь совершенно неузнаваем. Одна рука была по локоть ампутирована, пальцы другой были сведены, передвигаться он мог лишь с помощью костылей. Череп был до сего времени покрыт незажившими рубцами. Я с женой принялись немедленно хлопотать и нам удалось устроить несчастного в лучший госпиталь. Отличный хирург, профессор Дитерихс, взял на себя о нем попечение. Через несколько месяцев Влесков совсем поправился и даже женился на прелестной девушке, с которой познакомился в госпитале, где она служила сестрой. Много позже, в то время, как я во главе дивизии бил большевиков на Кубани, Влесков разыскал меня в одной из кубанских станиц. Служить в строю он, конечно, не мог, и я чрезвычайно удивился его приезду. Оказалось, что он прибыл из Киева лишь только за тем, чтобы получить благословение мое, прежде чем вступить в брак.

Пришлось мне помочь и другому моему офицеру, есаулу Кудрявцеву, бывшему доблестному командиру 3-ей сотни Нерчинского полка. Один из лучших офицеров полка, благородный, честный и храбрый, он после переворота состоял членом офицерского союза в ставке. С приходом большевиков он должен был бежать и скрываться на Украине, где у него было небольшое имение. С украинскими войсками он дрался против большевиков и во главе офицерских дружин вступил в Киев. Назначенный губернским старостой Полтавской губернии, он делал все возможное для поддержания в ней порядка. Там застал его гетманский переворот. Чуждый всякой политики, Кудрявцев, сражавшийся в рядах петлюровских войск, счел изменой своему долгу признание новой власти, был смещен с должности и предан суду. Мне удалось добиться прекращения дела.

В Киеве собралась и большая часть офицеров бывшей моей 7-ой дивизии. Некоторых не досчитывали, многие успели погибнуть, в числе последних был один из лучших офицеров дивизии командир эскадрона Белорусского гусарского полка ротмистр Натанзон, доблестно погибший в Киеве в уличном бою. 7-ая дивизия должна была формироваться на Украине

и так до конца, конечно, сформирована не была. Большинство офицеров дивизии впоследствии перебрались ко мне на Кавказ.

Во время двукратного прихода в Киев большевиков погибло много офицеров, частью в боях, частью захваченных и предательски расстрелянных. Среди последних было много моих товарищей по гвардии: Кавалергардского полка князь Голицын, Скалон, Гернгросс, Долгоруков; Конной Гвардии: князь Белосельский и ДР.

Со всех сторон России пробивались теперь на Украину русские офицеры. Частью по железной дороге, частью пешком через кордоны большевистских войск, ежеминутно рискуя жизнью, старались достигнуть они того единственного русского уголка, где надеялись вновь поднять трехцветное русское знамя, за честь которого было пролито столько крови их соратников. Здесь, в Киеве, жадно ловили они каждую весть о возрождении старых родных частей. Одни зачислялись в Украинскую армию, другие пробирались на Дон, где только что казаки очнулись от большевистского угара и выбрали атаманом «Царского» генерала Краснова, третьи, наконец, ехали в Добровольческую армию. О последних почти ничего известно не было. Имена генерала Алексеева, Корнилова и Деникина давали основание думать, что начатое ими на Кавказе дело несет в себе зародыши действительного возрождения чести и достоинства России. Однако доходившие с разных сторон сведения представляли добровольческое движение как безнадежные попытки, обреченные заранее на неуспех за отсутствием средств, поддержки широких слоев и отсутствием единства между руководителями.

Однажды я получил приглашение от бывшего командира 2-ого конного корпуса князя Туманова приехать к нему на чашку чая. Только что прибывший с Дона генерал-лейтенант Свечин должен был делать у него доклад об обстановке на Дону и Кавказе. Сведения Свечина были мало утешительны. Правда, Дон, испытав ужасы большевистской волны, ныне опаматовал. Казаки отвернулись от красного знамени и вновь выбранный атаман генерал Краснов горячо и успешно работал по формированию армии и восстановлению порядка в стране. Однако, по словам Свечина, движение на Дону носило шовинистический характер. Не только старшие начальники, но и младшие офицеры, не казаки, неохотно принимались генералом Красновым. Что же касается Добровольческой армии, то Свечин считал это дело, бывшее и без того безнадежным, ныне, после смерти генерала Корнилова, обреченным на близкий конец. Остатки армии, всего несколько тысяч человек, потерпев на Кубани неудачу, ныне отошли в Донскую область. Ни средств, ни оружия нет. Среди старших и младших начальников будто бы политические разногласия... Доклад Свечина произвел на меня самое тяжелое впечатление, рассеяв немногие надежды.

За эти дни имел я и другую встречу. Как то раз в то время, когда я только что собирался выйти из номера, в дверь постучали. На мой ответ «войдите» дверь отворилась, и я увидел генерала Одинцова, бывшего начальника 3-ей Кавказской казачьей дивизии, одного из первых предательски перешедших на сторону красных войск. Делегатом от Крыленко прибыл он в ставку, настаивая на сложении генералом Духониным власти. Теперь совместно с другим предателем Сытиным, бывшим дежурным генералом Румынского фронта, и советским «дипломатом» Раковским он прибыл в Киев в составе «мирной делегации». Я с трудом узнал его в штатском. Нимало не смущаясь, он направился ко мне, протягивая обе руки:

«Здравствуй, я бесконечно рад тебя видеть. А мне говорили, что ты погиб». Я встал, не протягивая ему руки:

«Очень благодарен за твои заботы. У меня их касательно тебя не было. Я знал из газет, что ты не только жив, но и делаешь блестящую карьеру...»

Одинцов горячо меня прервал.

— «Я вправе, как всякий человек, требовать, чтобы мне дали оправдаться. Мне все равно, что про меня говорят все, но я хочу, чтобы те, кого я уважаю и люблю, знали бы

истину. Гораздо легче пожертвовать жизнью, чем честью, но и на эту жертву я готов ради любви к Родине».

— «В чем же эта жертва?»

— «Как в чем. Да в том, что с моими убеждениями я служу у большевиков. Я был и остался монархистом. Таких, как я, сейчас у большевиков много. По нашему убеждению исход один — от анархии прямо к монархии...»

— «И вы находите возможным работать заодно с германским шпионом Троцким. Я полагаю, что то, что он германский шпион, для вас не может быть сомнением.»

— «Да и не он один, таких среди советских комиссаров несколько. Но в политике не может быть сантиментальностей и цель оправдывает средства.»

— «Это все, что ты хотел мне сказать, в таком случае я полагаю всякие дальнейшие наши разговоры излишни», и я открыл перед ним дверь...

Наконец, дела мои были закончены, билеты готовы, и я мог ехать. За два дня до отъезда, часов в десять утра, город был потрясен колоссальным взрывом. За первым последовали еще два. Огромное пятиэтажное здание гостиницы тряслось как при землетрясении. В верхнем этаже ясно чувствовалось содрогание пола, все стекла полопались. Объятая ужасом публика выбегала на улицу, густые черные клубы дыма заволокли все небо. Взорвались огромные артиллерийские склады на Зверинце, положенном, как выяснило следствие, большевиками. При взрыве погибло несколько немецких солдат и большое число обывателей. Целая часть города, прилегающая к Зверинцу, была снесена; в центре города, на Крещатики, Большой Владимирской и Липках стекла в большинстве домов полопались. Я видел громадный взрыв артиллерийских складов в Монастержиско, но Киевский взрыв, по силе, был много значительнее.

Маленький уездный городок Бобруйск, грязный и населенный в значительной мере евреями, оказался чрезвычайно переполненным. Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого, оккупировавший часть Минской губернии, был только что разоружен германскими войсками, части корпуса подлежали расформированию и материальная часть передавалась германским властям. В городе располагались штабы польского и немецкого корпусов. Улицы пестрели красивыми формами польских улан и серыми тяжелыми фигурами немецкой пехоты.

Здесь, в Белоруссии, немецкая пята была много тяжелее, нежели в Крыму. Немцы спешили взять на учет все средства края, периодически производя тяжелые продовольственные раскладки. Все отрасли производства и торговли подлежали регламентации и строгому контролю, свобода передвижения в крае, въезд и выезд были крайне ограничены. Правда, многие из местных обывателей находили эти стеснения менее тяжелыми, чем полный произвол польской оккупации. Но тем не менее этот постоянный надзор и полное стеснение были весьма тяжелы. С течением времени и понятие о законности среди представителей немецких властей в значительной степени пошатнулось. Вследствие ли благоприятной обстановки, или в связи с общим падением нравственности, неизбежной в каждой продолжительной войне, среди представителей немецкой комендатуры чрезвычайно развилось взяточничество. Быть может, в этом сказалось и начало общего разложения немецкой армии.

Скоро я перестал уже сомневаться в признаках начала распада немецких войск, столь знакомых всем русским. Среди служащих имения было немало поляков. Значительное число польских уроженцев оказалось и среди расквартированных в имении немцев. Через моих служащих я скоро осведомился о той пропаганде, которой в значительной мере разъедались еще недавно стойкие немецкие части. Отдельные, подчас самые незначительные, признаки не оставляли сомнений, что этот развал уже идет быстрыми шагами.

В конце июля и в начале августа я получил ряд писем. Среди прочих новостей сообщалось о возобновившейся борьбе на Кавказе. Несмотря на пессимистические настроения

Свечина, Добровольческая армия, передохнувши на Дону, возобновила борьбу, кубанцы восстали и под прикрытием Дона, казалось, готовится подняться весь Кавказ. В Сибири также разгоралась война. Дела мои в имении были закончены. Оставаться безучастным зрителем начинавшейся борьбы было не под силу, и я в начале августа вернулся в Киев.

За два с половиной месяца моего отсутствия здесь мало что переменилось. Увлечение немцами, казалось, еще более усилилось. Окрепили и самостийные течения. Что касается армии, то таковая продолжала числиться лишь на бумаге.

Ко времени моего приезда Киев был под впечатлением недавно полученных известий об убийстве Царской Семьи. Отслуженная панихида вызвала ряд патриотических манифестаций, закончившихся кое-где столкновениями с самостийниками. Бессмысленное, подлое и кошмарное по жестокости убийство Царской Семьи не найдет себе равных в истории. Подробности не были еще известны, но самый факт не подлежал сомнению. Ловко используя монархические симпатии большинства офицерства, немцы весьма искусно выдвинули проект формирования новой Астраханской противобольшевистской армии, лозунг которой должен был быть «За Веру, Царя и Отечество». Отличительные цвета были белый, желтый и черный. Широко снабженная немецкими средствами идея этой армии не могла не быть ясной – это было лишь отвлечение потока русских офицеров, стремившихся под знамена Добровольческой армии, продолжавшей героическую борьбу против насильников родины и поставившей в основу этой борьбы верность старым союзникам.

В день моего отъезда и в последующие я несколько раз завтракал у генерала Скоропадского. Он более чем когда-либо верил в свое дело.

Через несколько дней после приезда я встретил старого однополчанина моего генерала Бискупского, которого я не видел после последней неудачной попытки его «поставить на революцию». Теперь он носился с новым планом – каких-то украинских формирований, долженствующих впоследствии начать в самой Украине борьбу против самостийных элементов. Конечно, и этот план должен был также рухнуть, как и ставка на революцию.

Я узнал, что проживавший в Киеве генерал А.М. Драгомиров собирается ехать на Дон и Кавказ и в тот же день зашел к нему. Наш разговор решил мою участь. Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексеева. Генерал Алексеев получил предложение объединить русские противобольшевистские силы на сибирском фронте, ему обещана широкая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.

Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вместе с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов.

Четыре года тому назад, в эти самые дни, я с эшелоном Конной Гвардии следовал на границу Пруссии. По призыву Царя русский народ поднялся на защиту родной земли, и русские воины шли на бой с германскими полками. Теперь тот же русский народ, убивший своего Царя, грабил и жег родную землю. На защиту этой земли стали немногие честные сыны родины. Как преступники, скрытно пробирались они через кордоны немецких войск, занявших часть отечества, для того чтобы под старыми знаменами начать борьбу за честь и свободу родной земли. Эту честь и свободу попирали потерявшие совесть русские люди, их недавние соратники.

Грозный призрак междоусобной брани навис над Россией.

28 июля 1921 г. Яхта «Лукулл».

Глава II Освобождение Северного Кавказа

На Кубани

Мы вышли на пароходе Русского Общества «Король Альберт», чрезвычайно переполненном. С занятием добровольческими войсками Екатеринодара и Новороссийска на Северный Кавказ и в Черноморскую область спешило вернуться большое количество ранее бежавших от красного ига. В числе пассажиров было и несколько немцев, в том числе немецкий профессор с ассистентом, объезжавший по поручению военно-санитарного ведомства оккупационные немецкие войска на Юге России. Мы с ним познакомились и это знакомство оказалось нам полезным. Немецкое командование, не запрещая официально проезд на Дон и Кавказ стремившимся в армию добровольцам, исподволь чинило едущим всевозможные препятствия. В Керчи производился детальный осмотр документов пассажиров и все казавшиеся немецкой комендатуре «подозрительными» задерживались. Наше знакомство с немецким профессором избавило нас от осмотра. В Керчи мы простояли несколько часов и, воспользовавшись остановкой, сходили на берег. По словам жителей, значительное количество бежавших из Новороссийска комиссаров, при попустительстве немцев, нашли убежище в Керчи и отсюда беспрепятственно выезжали на север.

Ростов мы нашли переполненным и очень оживленным. Как Киев для Украины, так и Ростов для Юга России стали временно столицами. Жизнь кипела ключом, общий порядок в городе ничем не отличался от дореволюционного, даже железнодорожные жандармы были те же, и лишь присутствие на вокзале немецкой комендатуры и изредка мелькавшая на улицах немецкая форма напоминали действительность.

Проведя в городе три дня и сделав необходимые покупки, мы выехали в Екатеринодар. (В Екатеринодар прибыли 25 августа 1918 г. (Ред.).)

В отличие от Киева и Ростова, Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил много знакомых. С трудом получив через коменданта города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и и. д. генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-ой кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом «Ледяном походе». От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше, – большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по гражданской части генерала Драгомирова (предполагавшийся отъезд генерала Алексеева в Сибирь не состоялся и генералу Драгомирову по приезде в Екатеринодар была предложена эта должность),

штаб командующего армией генерала Деникина, с многочисленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией (армия состояла из: 1-ой пехотной дивизии (генерал Казанович), 2-ой пехотной (генерал Боровский), 3-ей пехотной (полковник Дроздовский), 1-ой Конной (генерал Эрдели), 1-ой Кубанской казачьей (генерал Покровский), 2-ой Кубанской казачьей (полковник Улагай), Отдельной кубанской казачьей бригады (полковник Шкуро) и Пластунской бригады (генерал Гейман)), ожидая отправки на фронт.

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новороссийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевая сопротивление во много раз сильнее противника, наши части продолжали двигаться вперед: на правом фланге, в горах Черноморья работали пластуны генерала Геймана; 1-ая Кубанская казачья дивизия генерала Покровского, вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станицы Петропавловской действовала 1-ая Конная дивизия; 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского наступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась 2-ая пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Баталпашинском отделе партизанов полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2-ой пехотной дивизии, действовала 2-ая Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. В резерве Главнокомандующего находилась 1-ая пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный – частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков-кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицерских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по академии генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин Постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в тоже время был мало разборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли, главным образом, худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII-го корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Генералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами частью производилось с помощью Дона, в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 000 штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и техни-

чески, однако, неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Вечером я посетил генерала Драгомирова. Он откровенно признался мне, что весьма тяготеет чуждым ему родом деятельности; по его словам, он согласился принять должность помощника генерала Алексеева по гражданской части лишь в виду усиленных настояний последнего и не имея возможности приложить свои силы на близко знакомом ему чисто военном деле. Он предложил мне на следующий день явиться к генералу Алексееву и к генералу Деникину. Однако, первый по нездоровью не мог меня принять.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сдерва в должности начальника штаба верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего юго-западного фронта, он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

— «Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...»

— «Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона».

— «Ну, уж и эскадрона... Бригадиром согласны?»

— «Слушаю, ваше превосходительство».

— «Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу», — сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, — «он вам все расскажет».

Я оставил генералу Романовскому мой адрес и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армией вступить во временное командование 1-ой конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию и его отсутствие могло продолжаться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии, генерал Афросимов, оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал мне понять, что генерал Эрдели по возвращении получит, вероятно, другое назначение и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной.

Я задал генералу Романовскому несколько вопросов об общем нашем стратегическом положении, задачах, поставленных дивизии, ее составе и т. д. Со своей стороны, генерал Романовский спросил меня о том, где находился я в последнее время, по оставлении рядов армии, интересовался положением в Крыму, Украине, Белоруссии. Мой собеседник произвел на меня впечатление прекрасно осведомленного и очень неглупого. Приятное впечатление несколько портилось свойственной генералу Романовскому привычкой избегать взгляда собеседника. При наших последующих частых встречах эта особенность всегда корбила меня. От генерала Романовского я прошел в отдел генерал-квартирмейстера, где познакомился с исполняющим эту должность полковником Сальниковым. Последний, совсем молодой офицер, держал себя с необыкновенной самоуверенностью, и, в то же время, оказался

не в состоянии ответить мне на ряд вопросов, имеющих прямое отношение к кругу его деятельности.

Известие о моем назначении вызвало большое удивление среди знакомых мне офицеров штаба. В ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно «первопоходников», наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии. Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников.

На другой день, 29-го августа, я выехал по Владикавказской железной дороге на соединение к дивизии, оперировавшей в Майкопском отделе.

Высидевшись на станции Кавказская и переночевав в расположенном в станице обозе офицерского конного полка, входившего в состав дивизии полковника Дроздовского, я утром выехал в станицу Темиргоевскую, где находился штаб моей дивизии. Стоял прекрасный осенний день. По сторонам дороги тянулись недавно убранные поля, бесконечные бахчи с зелеными арбузами и золотистыми дынями, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадные станицы с каменными, покрытыми черепицей зданиями, паровыми мельницами, широкими площадями с белыми златоглавыми храмами посреди – все говорило о богатстве края. Наш возница, старый казак, всю дорогу рассказывал нам о том, как ограбили его станицу большевики, как расстреляли стариков и как рады теперь казаки освобождению. Не доезжая станицы Темиргоевской, в небольшом хуторе Зеленчуковском, мы увидели группу казаков и лошадей. Оказалось, что это конвой командующего дивизией генерала Афросимова. Генерал Афросимов с командиром 1-ой бригады полковником Науменко и старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым пили в хате чай. Моего приезда никто не ждал. Телеграмма о моем назначении и выезде запоздала. Отправив свои вещи с ординарцем в станицу Темиргоевскую, я остался на хуторе, решив вместе с генералом Афросимовым проехать на левый фланг дивизии, куда он направлялся. Дивизия вела наступление на станицу Петропавловскую, откуда накануне наши части были вытеснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проехали вперед. Вскоре мы заметили маячившую вдаль лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, теснимые с фронта 1-ой бригадой и обойденные с фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись с уманцами, я проехал далее по фронту и вскоре встретил 1-ый Екатеринодарский казачий полк. Полк этот входил в состав сводного корпуса, которым я командовал в Галиции. Среди офицеров и казаков оказалось несколько старых моих сослуживцев. К вечеру мы прибыли в станицу Темиргоевскую и, наспех пообедав, я с начальником штаба дивизии, старым сослуживцем моим по гвардии, бывшим лейб-драгуном, полковником Баумгартеном, засел знакомиться с делами.

1-ая конная дивизия состояла из Корниловского конного полка, укомплектованного казаками разных отделов: 1-го У майского и 1-го Запорожского из казаков Ейского отдела; 1-го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1-го Линейного из казаков лабинцев и 2-го Черкесского, пополняемого черкесами заречных аулов Лабингского отдела. В дивизию входила 1-ая и 2-ая конно-горная и 3-я горная батареи. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство оружия и патронов в станицах были запрятаны казаками и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части, в большинстве случаев, вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и патроны. При дивизии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств. Лекарств почти не было, перевязочный материал отсутствовал, бинты заготавливались из подручного

материала. Бесперывные походы и бои, постоянно менявшийся состав частей, с одной стороны вследствие большой убыли, с другой – благодаря притоку новых людей из освобожденных станиц; сборный, часто чисто случайный, состав офицеров делали почти невозможным правильное обучение и планомерную подготовку войск. Казаки каждый в отдельности дрались хорошо, но общее обучение и руководство хромали.

По мере очищения области от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевязочных средств. Оно же производило суд и расправу. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть, несомненно, сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы, заставляли мириться с этим порядком вещей.

По данным штаба дивизии силы находившегося против нас противника исчислялись в 12–15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20–30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных войсках имелось несколько бронеавтомобилей, достаточные средства связи... Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо.

Общая обстановка к тому времени слагалась следующим образом: правее нас, в Майкопском отделе, действовала 1-ая Кубанская дивизия генерала Покровского из второочередных, одноименных с моими, полков. Связь с нею мы поддерживали лишь дальними разъездами. Левее нас, вдоль линии железной дороги Кавказская – Армавир действовала 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, имея на правом фланге офицерский конный полк, разъезды которого связывались с нами. 1-ая конная дивизия располагалась Черкесским и Линейным полками на левом берегу реки Лабы, прочими четырьмя полками – на правом. Дивизии ставилась задача разбить находящегося против нее противника и отбросить его за реку Уруп. Поздно ночью было получено донесение о занятии станицы Петропавловской нашими частями. Противник отошел на 10 верст южнее к станице Михайловской, перед которой и окопался. На утро я поехал в станицу Петропавловскую, при въезде в которую был встречен крестным ходом. Станичный сбор поднес мне хлеб-соль и вынес постановление о выборе меня почетным стариком станицы. Через несколько дней станичный сбор подвел мне коня, отличных форм кабардинца, поседланного казачьим седлом.

Занятая красными позиция с левого фланга прикрывалась многоводным руслом Реки Лабы, на левом берегу которой противником удерживался небольшой плацдарм, обеспечивающий мостовую переправу близ аула Кош-Хабль. К северу от станицы Михайловской позиция проходила по ряду холмов, прикрытая частью с фронта заросшим камышом и болотистой балкой «Голубой», вдоль которой она тянулась на восток верст на 10–12 параллельно Армавир-Туапсинской железной дороге.

Отсутствие удобных подступов при подавляющей численности и огнем превосходстве противника, в связи с почти полным отсутствием у нас патронов, дали возможность красным остановить наше продвижение. Ограничиваясь пассивной обороной, красные удерживали нас, неизменно останавливая все попытки наши продвинуться вперед. Для дивизии наступили тяжелые дни. В течении трех недель мы непрерывно вели бой, нащупывая уязвимый участок неприятельского фронта. Отчаявшись овладеть Михайловской фронтальной атакой, я дважды, сосредоточив главную массу сил на своем левом фланге, пытался нанести противнику удар, охватывая его с востока. Мне удалось, сбивши красных, бросить бри-

гаду в тыл станице Михайловской и достигнуть Армавир-Туапсинской железной дороги у станции Андрей-Дмитриевка. Однако присутствие моей конницы в ближайшем тылу все же не побудило противника к отходу и красные лишь загнули свой фланг, а затем с помощью бронепоезда и двух броневиков, подтянув силы, перешли в наступление, заставив казаков вернуться в исходное положение.

Из ставки я ежедневно получал телеграммы, требующие от меня «решительных действий», настаивающие на наступлении «минуя все препятствия». В то же время, несмотря на все просьбы мои о высылке огнеприпасов, ставка таковых прислать не могла. Отчаявшись овладеть позицией противника правильным наступлением, я, учитывая слабые боевые качества врага, решил сделать попытку прорвать фронт красных внезапным конным ударом. Лично произведя рекогносцировку, я, с наступлением темноты, провел два полка вброд через протекавший перед фронтом врага болотистый ручей, противником почти не наблюдаемый, и на рассвете бросил их в конную атаку. Полки пронеслись сквозь линию врага и дошли до самой станицы, но здесь с окраины были встречены убийственным пулеметным огнем и, понеся тяжкие потери, должны были вернуться назад. Убитые и раненые были все до одного вывезены.

Правее нас дивизия генерала Покровского, овладев Майкопом, удачно продвигалась к реке Лабе. Левее части полковника Дроздовского вели упорные бои, продвигаясь к Армавиру.

Все это время я старался возможно ближе стать к своим частям, ежедневно объезжая позиции, беседуя с офицерами и казаками.

Ближайший мой помощник, начальник штаба, полковник Баумгартен, способный и дельный офицер генерального штаба, неустанно помогал мне в моей работе. Из двух командиров бригад я имел прекрасного помощника в лице командира 1-ой бригады генерального штаба полковника Науменко, храброго и способного офицера. Зато другой командир бригады престарелый генерал Афросимов оказался совершенно неспособным. Я вынужден был вскоре отрешить его от должности. В командование бригадой вступил только что вернувшийся после ранения командир Запорожского полка, доблестный полковник Топорков.

Начальником артиллерии был генерал Беляев, прекрасной души человек, храбрый и добросовестный офицер. Командиры полков были большей частью молодые офицеры. Несмотря на большую доблесть, сказывалась их неопытность, отчего значительно страдала общая работа частей. Я каждый раз после дела собирал офицеров, разбирал операции, указывал на те или иные ошибки. Принял целый ряд мер по улучшению связи, лично проверял службу летучей почты. С превеликим трудом раздобыл в штабе армии несколько телефонных аппаратов и, захватив при одной из рекогносцировок запас телефонной проволоки, соединил штаб дивизии с начальниками боевых участков. Удалось получить в штабе армии и один автомобиль, что давало мне возможность почти ежедневно объезжать все полки. Жена моя достала в Екатеринодаре запас медикаментов и перевязочных средств, привезла их в дивизию и наладила работу летучки.

17-го сентября, выехав на позицию, я встретил казака с донесением. Наши левофланговые разъезды доносили о движении нам в тыл колонны пехоты. По направлению это не мог быть противник, о приходе ж на мой участок каких-либо новых наших частей, мне ничего известно не было. Я решил проехать лично, чтобы убедиться в обстановке. Вскоре я встретил разъезд 2-го конного полка, от которого узнал, что это подходит дивизия полковника Дроздовского. Проехав еще, я встретил расположившийся на привале авангард дивизии, при нем находился и сам полковник Дроздовский со своим начальником штаба полковником Чайковским, которого я знал еще по Германской войне, в начале которой он исполнял должность старшего адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии. Оказалось, что полковник Дроздовский получил из ставки приказание, оставив заслон в районе Армавира, ата-

ковать Михайловскую группу красных с тыла. Двинувшись ночным маршем, колонна сбилась с пути и вышла в тыл моим левофланговым частям. О задаче, поставленной моему соседнему отряду, я предупрежден не был и прибытие частей дивизии полковника Дроздовского было для меня полной неожиданностью.

Обсудив положение, мы наметили с полковником Дроздовским общий план действий: 3-я пехотная дивизия должна была сменить мои полки на правом берегу Лабы и на рассвете 18-го сентября атаковать противника с фронта. Одновременно я с дивизией и офицерским конным полком должен был выйти в тыл противника в районе станицы Курганной и перехватить пути отхода между реками Чамлыком и Лабой. Сосредоточив свои части, я до наступления рассвета двинулся в охват правого фланга позиции противника и едва стало светать, подошел своими передовыми частями к линии Армавир-Туапсинской железной дороги, выйдя на главный путь отхода противника, дорогу Михайловская-Константиновская. Я шел с авангардом. Дозоры подходили к переезду, когда в предрассветной мгле блеснул огонь прожектора – подходил бронепоезд противника. Доблестный командир батареи, полковник Романовский, снявшись с передков, открыл по бронепоезду беглый огонь. Орудия открыли огонь на расстоянии ружейного выстрела, однако, несмотря на удачные попадания (на месте нахождения бронепоезда остался целый ряд вагонных обломков и большие куски стальной брони) бронепоезд, дав задний ход, быстро скрылся. Мы перешли полотно железной дороги, взорвав путь в нескольких местах. Со стороны Михайловской слышалась сильная орудийная и ружейная стрельба – то вели наступление части полковника Дроздовского. Один из наших боевых отрядов захватил большевистский обоз до тридцати повозок, груженных овсом и хлебом. Со стороны Михайловской обнаружилось наступление цепей противника; одновременно со стороны станицы Курганной в охват нашего левого фланга показалось около полка конницы. Вскоре бой шел на всем фронте дивизии. Мы остановили наступление противника, но продвинуться вперед нам не удалось. Я сообщил начальнику 3-ей дивизии о том, что мне удалось выполнить поставленную моей дивизии задачу и с нетерпением ждал от него донесения. Около полудня огонь на фронте 3-ей дивизии стал как будто стихать. Со стороны Михайловской показались новые густые цепи красных. Я находился на наблюдательном пункте, откуда прекрасно было видно наступление противника. Наши части медленно отходили. Я приказал артиллерии усилить огонь. Лежавший рядом со мной полковник Романовский взял трубку телефона, чтобы передать приказание, и вдруг ткнулся ничком, громко храпя: ружейная пуля пробила ему голову. Он прожил еще три дня и скончался в Екатеринодаре, куда был отвезен. Это был на редкость доблестный и талантливый офицер.

Около часу дня цепи красных показались и со стороны Курганной, охватывая наш фланг; одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить мостовую переправу через реку Чалмык. В резерве у меня были четыре сотни Корниловского полка. Я приказал им атаковать конницу красных. Сотни развернули лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь, смешались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим. С захватом моста, имея в тылу болотистый, трудно проходимый Чалмык, мы могли оказаться в тяжелом положении; нашей артиллерии грозила гибель. Я послал приказание частям медленно отходить к переправе и артиллерии сниматься. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходящим корниловцам. Часть казаков повернула, другие приостановились. Стала отходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков, остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль. Редко мне за мою продолжительную боевую службу пришлось бывать под таким огнем. Упал раненый мой значковый казак, у моего

офицера-ординарца была убита лошадь. Батарея наша снялась и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы. Батарея благополучно перешла мост, полки медленно отходили к переправе, частью переправлялись выше по реке вброд. Наконец прибыло донесение от полковника Дроздовского; он сообщал, что атаки его дивизии успехом не увенчались. Части понесли жестокие потери и он вынужден от дальнейшего наступления отказаться.

На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех не удалась. Противник, отбив наши атаки, несомненно морально еще усилился. Недоволен был я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха... С наступлением темноты я отвел свои части, сосредоточив их за левым флангом 3-ей пехотной дивизии.

3-я дивизия понесла тяжелые потери. Полковник Дроздовский не считал возможным в ближайшие дни возобновить атаки, между тем противник в районе Армавира перешел в наступление и оставшиеся на этом направлении части полковника Дроздовского оказались в тяжелом положении. Через два дня, по приказанию ставки, 3-я пехотная дивизия вновь двинулась на Армавир, а мои полки заняли прежние свои участки. Несмотря на всю выгодность своего положения, противник не сумел использовать своего успеха и оставался пассивным.

Через несколько дней приехал в Петропавловскую командуящий армией со своим начальником штаба, в сопровождении нескольких человек конвоя. Генерал Деникин прибыл на автомобиле. Он завтракал в штабе дивизии, говорил со станичным сбором и смотрел находящийся в резерве Корниловский полк. Генерал Деникин был весьма недоволен действиями полковника Дроздовского в Михайловской операции. Он подробно расспрашивал меня об обстановке на моем участке. Части генерала Покровского, подойдя к Лабе, создавали серьезную угрозу Михайловской группе красных и генерал Деникин полагал, что в ближайшие дни можно ожидать отхода противника на этом направлении. Эти соображения разделял и я.

За несколько дней до приезда командующего армией было получено сведение о кончине в Екатеринодаре заболевшего тифом полковника Баумгартена. В дивизии его искренне жалели. Я просил генерала Деникина о назначении начальником штаба недавно прибывшего в Екатеринодар и писавшего мне оттуда генерала Дрейера, бывшего начальника штаба сводного конного корпуса. Просьбу мою поддержал и генерал Романовский; однако генерал Деникин решительно отказал. Он имел сведения о весьма будто бы неблагоприятной деятельности генерала Дрейера в Москве, где, якобы, Дрейер выдал немцам или большевикам какие-то офицерские организации. Я знал генерала Дрейера за выдающейся храбрости и талантливости офицера генерального штаба. На предательство его я не считал способным. Впоследствии Дрейер потребовал над собой суда. Последний состоялся, и Дрейер был оправдан, однако в зачислении его на службу в Добровольческую армию генерал Деникин все же отказал.

25-го сентября скончался основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армией, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомилов, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский.

В последних числах сентября противник на нашем фронте стал проявлять заметную нервность. Части генерала Покровского достигли реки Лабы, местами переправившись на правый берег в районе станиц Владимирской и Засовской, угрожая флангу и тылу находя-

щегося против меня врага. По показанию наших лазутчиков, в станицу Михайловскую прибыл «красный главоверх» Сорокин, бывший фельдшер, уроженец станицы Петропавловской. В его присутствии состоялся ряд митингов, где говорилось о необходимости отхода; в тыл потянулись неприятельские обозы. Я приказал войскам быть особенно бдительными и, дабы не дать противнику возможности оторваться, беспрерывно тревожил его набегам и частичными наступлениями. За истекший месяц в постоянных стычках и более крупных делах дивизия понесла большие потери. Много выбыло больными. Особенно значительное число заболеваний было в частях, расположенных вдоль болотистой балки «Глубокой». Вероятно, вследствие дурного качества воды, наблюдалось много больных желудочными заболеваниями и малярией; появилось значительное число чесоточных. О напряженности боевой работы частей дивизии за указанный период свидетельствуют цифры потерь: дивизия за август и сентябрь потеряла 260 офицеров и 2 460 казаков, – почти 100 процентов своей численности. Эти потери непрерывно пополнялись прибывающими укомплектованиями из недавно освобожденных Лабинского, Кавказского и Майкопского отделов.

В двадцатых числах сентября прибыла ко мне группа офицеров кавалеристов, большей частью бывших офицеров Ингерманландского гусарского полка.

Из офицеров кавалеристов я сформировал при дивизии ординарческий взвод. Впоследствии мне удалось его развернуть и он послужил ядром к восстановлению Ингерманландского гусарского полка.

В ночь на 1-ое октября я получил донесение от командира Линейного полка полковника Мурзаева, что противником взорван железнодорожный мост в тылу Кош-Хабльского плацдарма и что неприятель оттягивает свои части на правый берег Лабы. Я немедленно сообщил об этом на сторожевые участки, приказал войскам при первых признаках отхода противника переходить в решительное преследование. На рассвете отход обнаружился на всем фронте и я отдал приказ о переходе в общее наступление.

С этого дня война перенеслась в поле, где на первый план выдвигается не численность, а искусство маневра. С этого дня начинается победоносное движение наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Северного Кавказа.

Дивизия наступала двумя колоннами. Правая колонна, Корниловский и Екатеринодарский полки, под общим начальством командира Екатеринодарского полка полковника Муравьева, командовавшего бригадой ввиду отсутствия уехавшего в отпуск полковника Науменко, двинулась через станцию Курганную, Родниковскую, Чамлыкскую и далее на станицу Безскобрую; левая: Уманский и Запорожский полки, под командой полковника Топоркова, через станцию Андрей-Дмитриевскую, хутора Синюхинские, на станицу Урупскую. Линейному и Черкесскому полкам, под общим командованием командира первого, полковника Муравьева, было приказано, переправившись в район аула Кош-Хабль, следовать в станицу Константиновскую, составив мой резерв. Сделав все необходимые распоряжения, я на автомобиле в девять часов утра выехал в станицу Михайловскую. На площади меня ждали уже старики с хлебом-солью. Огромная толпа запрудила площадь. Когда я говорил с казаками, многие плакали. Большевики, уходя, забрали с собой из станицы заложников. Были увезены наиболее богатые хозяева, семья инспектора местного училища, один священник. Несколько стариков перед отходом красных были расстреляны.

1-ое октября было днем местного храмового праздника.

Я присутствовал на службе, которая была особенно трогательна. Молились на редкость искренне и горячо. По окончании богослужения я вышел на площадь, куда к этому времени начали стягиваться линейцы и черкесы. На левом фланге бригады построился под зеленым знаменем отряд стариков черкесов залабинских аулов. Командовал отрядом старик черкес, богатый коннозаводчик Шавгенов. Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков, некоторые аулы были выжжены дотла, много черкесов расстреляно и замучено. В

одном из аулов несколько десятков черкесов были живьем закопаны в землю. Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, или же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали, что по первому зову готовы все до одного встать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодаря за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем, чтобы их судил аульный суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же на глазах обывателей всех перерезали.

В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбивавших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю, как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей.

К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, дочиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты красной армии имели при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны, имея неприятеля и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольно смотрели на военную добычу, как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у пленных деньги и все попавшее в руки войсковой части имущество распределялось бы между казаками особыми комиссиями из представителей сотен, а все имевшее исключительно боевое значение передавалось бы в дивизионное интенданство. Позднее, когда с помощью союзников организовано было общее снабжение наших армий, я добился сдачи войсковыми частями всей без исключения военной добычи. С самых первых дней нашей борьбы, не исключая тот период, когда мы жили только за счет военной добычи, я безжалостно наказывал всякий грабеж населения. В первые же дни моего прибытия в дивизию я повесил нескольких мародеров.

К сожалению, генерал Покровский, полковник Шкуро, да и многие другие из старших войсковых начальников не пожелали, или не сумели положить необходимый предел в первое время неизбежному злу, не провели резко и неуклонно грань дозволенного и недозволенного и в истории нашей борьбы это зло стало чревато последствиями.

Красные, имея пехоту на повозках, отходили чрезвычайно быстро. К вечеру наши части достигли линии – станица Чамлыкская – хутора Синюхинский, пройдя за день 40–45 верст. Колонна полковника Топоркова нагнала в районе Синюхинских хуторов арьергард

противника, нанесла ему поражение и захватила более ста пленных, пулеметы и большой обоз.

В сумерках прибыл я в станицу Константиновскую, мне была отведена квартира в доме богатого домовладельца из иногородних. Последний, глубокий старик, встретив меня у порога сеней, упал мне в ноги, обливаясь слезами. Богатый человек, пользовавшийся среди всего населения станицы, как иногороднего, так и казачьего, всеобщим уважением, старик особенно пострадал от большевиков. Из пяти сыновей его двое при самом приходе красных бежали из станицы и об участии их старик ничего не знал, двое были расстреляны на глазах отца, старший в течении 4,5 месяцев вместе с четырнадцатью казаками скрывался в самой станице. Эти несчастные были укрыты родственниками в подполье, куда ночью домочадцы доставляли им пищу, с величайшей опасностью выпуская их в горницы или во двор. Я видел этих людей – от четырехмесячного пребывания в спертom сыром подполье без света их лица приобрели какой-то землистый оттенок и все они производили впечатление только что перенесших болезнь. Старик, неоднократно арестованный, избег участи быть увезенным с другими заложниками лишь тем, что последние три дня просидел на току, зарытый в солому. На другой день старик отыскал одного из скрывшихся с приходом красных сыновей, оказавшегося в моей комендантской сотне. Другой сын его был также жив в одном из моих полков. Радость старика была безгранична.

С рассветом преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам, быстро отходил перед нашими частями. Главная масса красных отступала к главной переправе у станицы Урупской, другая колонна направлялась к переправе у станицы Безскорбной. Приказав бригаде полковника Мурзаева следовать через хутора Синюхинские за левой колонной дивизии, я остался в станице Константиновской, дабы говорить со станичным сбором и отправить необходимые телеграммы. Закончив дела, я часов около десяти выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев и черкесов, расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы, люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова, он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу арьергардом противника. Я решил проехать к нему.

Полковник Топорков со штабом находился на артиллерийском наблюдательном пункте, небольшом кургане, тут же за курганом стояли два горных орудия, шагах в двухстах за скирдами соломы расположились в прикрытии батареи две сотни запорожцев, впереди маячила лава. Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в полутора тысячах шагах перед фронтом. Пули посвистывали, долетая до наших батарей. Я оставил автомобиль вблизи прикрытия и пешком со старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым и ординарцем пошел к батарее. Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал рассматривать позицию красных, как услышал крик: «конница». Лава запорожцев, повернув, скакала на батарею, за ней из оврага поднималась густая лава красной конницы. Командир батареи подал команду «беглый огонь». Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника: было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда «на задки», но было поздно. Отдельные всадники уже проносились мимо нас. Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но тщетно. Все неслось неудержимо. Отдельные неприятельские всадники стали подсакивать к орудиям, одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников и как другой наотмашь ударил его шашкой. Окруженный несколькими красными кавалеристами, рубился полковник Топорков.

Я бросился к своему автомобилю, но к ужасу увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоть. Далеко впереди мелькали бросившие

машину шофер и его помощник. Я побежал к кукурузному полю, правой и левой меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер: «ваше превосходительство, возьмите мою лошадь», — я отказался, офицер настаивал, продолжая ехать рядом со мной. — «Лошади вашей я все равно не возьму, скачите в хутора, ведите сюда линейцев и черкесов, а также мой конвой и моих лошадей...» Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата, раздался выстрел и лошадь одного из всадников упала, остальные набросились на солдата, я схватился за револьвер, но к своему ужасу увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было, я был совсем безоружным. В эту минуту правее меня показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка. В ней сидели две медсестры милосердия и лежал раненый офицер артиллерист полковник Фок. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, догнал ее на ходу и вскочил. Красные всадники стали отставать. Отчаяние и злоба душили меня, гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков, сознание, что мне досель не удалось взять мои части в руки поднимали в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно вглядывался вперед — помощь не подходила. Наконец мы нагнали солдата верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линейцев. За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед, противник сразу стал быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых и догола раздевая оставшиеся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат артиллеристов, зарубленных на самой батарее.

К вечеру наши части достигли реки Урупа, но обе переправы у станицы Урупской и Безскорбной все еще были в руках противника. Последний вел за них упорный бой. В течение последующих дней обе станицы несколько раз переходили из рук в руки. Наконец, 7-го октября под ударами полковника Муравьева пала станица Безскорбная, а в ночь на следующий день полковник Топорков выбил противника из станицы Урупской и занял последнюю. Дивизия заняла двумя полками ст. Урупскую и четыремя — ст. Безскорбную. Красные отошли на правый берег реки Урупа, где и закрепились на командующих высотах.

Правее нас, в районе станиц Попутная, Отрадная действовали части генерала Покровского, на правом фланге которого в Баталпашинском отделе дрались казаки полковника Шкуро. Левее, между реками Урупом и Кубанью, наступала от Армавира выдвинутая в этом направлении первая пехотная дивизия генерала Казановича (сменившая 3-ю пехотную дивизию, переброшенную к Ставрополю); продвигаясь вдоль линии Владикавказской железной дороги, она вела упорные бои. Туда прибыл генерал Деникин. Мне ставилась задача форсировать реку Уруп, ударить во фланг и тыл действующих против генерала Казановича частей и отбросить их за реку Кубань.

Тщетно в течение почти двух недель пытались части дивизии форсировать реку Уруп. Противник, прикрывшись за рекой, крепко засел на высоком скалистом гребне. Местность чрезвычайно затрудняла действие в конном строю, в патронах же ощущался огромный недостаток. Между тем, генерал Казанович, выдвинувшийся было до станции Овечки, вынужден был потом с тяжелыми потерями отойти почти к самому Армавиру; с величайшим трудом он удержался лишь в самом углу между Кубанью и Урупом. Противник овладел станцией Коноково в пятнадцати верстах к югу от Армавира. Приказом генерала Деникина моя дивизия была подчинена генералу Казановичу и последний требовал моей помощи, настаивая, между прочим, чтобы я держался вплотную к его правому флангу, не соглашаясь с моими

доводами, что, занимая уступное положение, я маневром могу несравненно лучше обеспечить его.

На рассвете 19-го октября обнаружилось наступление противника в разрез между моими частями и дивизией генерала Казановича. К вечеру того же дня противник переправился в район моей дивизии на левый берег Урупа между станцией и аулом Урупским и продвинулся на 1,5–2 версты к западу от реки. Оставив у станции Безскорбной слабый заслон (линейцев и черкесов) я в ночь на 20-е октября перебросил к Урупской все свои остальные силы и с рассветом 20-го октября, объединив их под начальством только что вернувшегося из отпуска полковника Науменко, сам перешел в наступление.

В течении всего дня 20-го октября велся упорный бой с тяжелыми потерями с обеих сторон. Противник был остановлен, и, несмотря на все усилия, ему не удалось расширить занятого плацдарма. В ночь на 21-е октября обнаружился отход красных на правый берег Урупа. Используя сложившуюся обстановку, я решил широким маневром нанести противнику удар в тыл. Оставив на фронте хутор Абрахманово – аул Урупский запорожцев и уманцев с одной батареей, я ночным переходом перебросил два полка к станице Безскорбной. На рассвете ударная группа в составе двух полков с двумя батареями под общим командованием полковника Науменко в районе села Ливонского форсировала Уруп и, стремительно захватив командующий гребень на правом берегу реки, неожиданно вышла в тыл противнику. Около 12 часов дня я получил донесение об удачной переправе частей полковника Науменко. Приказав уманцам и запорожцам стягиваться к уманской переправе, я сам выехал на наблюдательный пункт. Дул пронзительный северный ветер. Я, кутаясь в бурку, наблюдал за противоположным берегом реки, где ясно были видны неприятельские цепи. Солнце стало клониться к западу, ветер крепчал, а признаков продвижения полковника Науменко все еще не было видно.

Но вот по занятому противником гребню замелькали черные точки. Они покрыли вскоре весь гребень и издали казалось, как будто движется муравейник. Видно было, как цепи противника быстро отходят за гребень. Я приказал батарее открыть беглый огонь и бросил полки в атаку. Быстро переправившись вброд, сотни развернулись и вскоре лава казаков стала карабкаться на скалистый гребень. Где-то к востоку в тылу у противника слышался орудейный огонь, то вели наступление части полковника Науменко. Атакованный с фронта, фланга и тыла противник обратился в паническое бегство. Несмотря на сильное утомление людей и лошадей, преследование велось безостановочно всю ночь. К рассвету 22-го октября части дивизии захватили село Моломино и станицу Успенскую, переправившись в этом пункте на правый берег Кубани. Армавирская группа красных, бывшая под начальством товарища «Демоса», была разбита на голову. Мы взяли более 3 000 пленных, огромное число пулеметов (одна лишь 1-ая сотня Корниловского полка захватила 23). В результате боя на Урупе противник очистил весь левый берег Кубани и 1-ая пехотная дивизии генерала Казановича 22-го октября без боя выдвинулась до станции Овечки.

Переночевав в станице Урупской, я на рассвете верхом в сопровождении прибывшего накануне назначенного в мое распоряжение и вступившего в исполнение должности начальника штаба генерального штаба полковника Соколовского и нескольких ординарцев выехал к станице Успенской. Навстречу нам попадались длинные вереницы пленных, лазаретные линейки с ранеными, тянулся под конвоем казаков захваченный неприятельский обоз. Мы подошли к станице Успенской, когда на улицах станицы еще шел бой. Отдельные кучки противника, засев в домах, оказывали еще сопротивление. Полки собирались и строились на окраине. Едва казаки увидели мой значок, как громкое «ура» загремело в рядах. Чувство победы, упоение успехом мгновенно родило доверие к начальнику, создало ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями и отныне дивизия не знала поражений.

Разбитый противник, переправившись через Кубань, бежал частью вдоль линии железной дороги прямо на Ставрополь, частью двинулся через станицу Убеженскую вниз по течению Кубани на Армавир, выходя, таким образом, в тыл частям 1-ой пехотной дивизии. Город Армавир прикрывался лишь слабыми силами. По требованию генерала Казановича я выделил бригаду полковника Топоркова для преследования угрожавшей Армавиру неприятельской колонны. Бригада полковника Мурзаева продолжала действовать на левом фланге 1-ой пехотной дивизии, наступавшей вдоль линии Владикавказской железной дороги по направлению на станицу Невинномысскую. Сам я с корниловцами и екатеринодарцами оставался в селе Успенском. Накануне части захватили значительное число пленных и большую военную добычу. Необходимо было все это разобрать и привести в известность. Генерал Деникин телеграфировал мне, благодаря дивизию за славное дело и выражал пожелание, чтобы «этот успех был началом общего разгрома противника». Вместе с тем, мне приказывалось, оставив необходимое мне для снабжения моих частей оружие из военной добычи, остальное оружие направить в Армавир для вооружения формируемых там частей, туда же приказывалось мне направить пленных.

При дивизии моей имелись кадры пластунского батальона, сформированного когда-то из безлошадных казаков и добровольцев. Батальон этот в июле сильно пострадал и ко времени принятия мною дивизии его численность составляла несколько десятков человек. Еще во время приезда генерала Деникина в станицу Петропавловскую я ходатайствовал о введении в штат дивизии стрелкового полка, который я намечал сформировать из иногородних, в значительном числе безлошадных, используя кадры пластунского батальона, где большинство людей было так же не казаки. Вскоре после этого прибыли ко мне командированные ставкой в мое распоряжение несколько офицеров из пехотных частей, в том числе два штаб-офицера, бывших кавказских стрелка, полковники Чичинадзе и князь Черкесов, и несколько молодых офицеров. Все они были зачислены мною в пластунский батальон. Батальон этот вместе с некоторыми тыловыми учреждениями дивизии находился в станице Урупской.

Переговоривши с полковниками Чичинадзе и князем Черкесовым, я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-ый стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его полковника князя Черкесова. Одновременно я послал телеграмму Главнокомандующему, донеся о сформировании полка и ходатайствуя о введении его, согласно данному мне обещанию, в штат. Уже через две недели стрелковый полк участвовал с дивизией в боях. Впоследствии он прошел с дивизией весь Кавказ, участвовал в царицынской операции и оставался в рядах Кавказской армии все время ее существования. За это время полк беспрерывно участвовал в боях, несколько раз переменял свой состав и приобрел себе в рядах армии громкую славу.

Колонна противника, преследуемая по пятам, полковником Топорковым, продолжая частью сил двигаться правым берегом реки Кубань, другой, большей своей частью, бросилась от станицы Убеженской на север была настигнута полковником Топорковым в районе хутора Горькореченского и здесь разбита на голову. Остатки ее рассеялись. Окончательно истомленные продолжительными боями полки полковника Топоркова остановились в ночь с 25-го на 26-е на хуторе Горькореченском. Между тем, части противника, отходившие, вдоль Кубани, атаковали в районе Армавира заслон 1-ой пехотной дивизии и нанесли ему большие потери, отбросили его к самому городу. Генерал Казанович требовал срочной помощи.

На рассвете 26-го октября я с корниловцами и екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Армавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны почти одновременно вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток; здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Во время боя я с полковником Науменко и несколькими ординарцами отъехал от колонны, желая подняться на гребень, откуда поле боя должно было быть особенно хорошо видно. Поднявшись на гребень, мы неожиданно наткнулись в 20-ти шагах на залегшую за гребнем, по-видимому ища укрытия от непогоды, неприятельскую заставу. Наше появление в тылу заставы было так неожиданно, что большевики совсем опешили. В ту же минуту застава была изрублена моими ординарцами.

Угроза Армавиру была устранена и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал в Успенское, где нашел телеграмму генерала Деникина, вызывавшего меня в Армавир.

Я застал поезд генерала Деникина на станции. Главнокомандующий пригласил меня к себе завтракать. Кроме меня завтракали генерал Романовский и генерал Казанович. Генерал Деникин был весьма доволен действиями дивизии и горячо меня благодарил. Таманская дивизия красных, осевшая главным своим ядром в районе Ставрополя (последний незадолго перед этим был нами оставлен) постепенно охватывалась кольцом наших войск, 2-я пехотная дивизия генерала Боровского 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, оперировавшие вдоль линии Кавказская – Ставрополь подходили к городу с северо-запада; с запада направлялась к Ставрополю моя дивизия; с юга вдоль линии Армавир – Ставропольской железной дороги шла дивизия генерала Казановича, имея правее себя части 1-ой Кубанской дивизии генерала Покровского. Наконец, с севера, отрезая пути к северу от железнодорожной ветки Ставрополь–Петровское, действовала 2-ая Кубанская дивизия полковника Улагая. Я просил генерала Деникина обеспечить мне свободу действий, изъяв из подчинения генералу Казановичу. Несмотря на возражения последнего, к которым как будто склонялся начальник штаба главнокомандующего, генерал Деникин согласился со мной. Бригада полковника Мурзаева (линейцы и черкесы) временно оставалась в подчинении генерала Казановича. Взамен ее мне передавалась из 3-ей пехотной дивизии бригада генерала Чекотовского, Офицерский конный и 1-ый Черноморский казачий полки.

Продолжая наступление, дивизия 28-го октября подошла к станице Сенгилеевской. Противник, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардами, отошел на Ставрополь, 30-го октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города. Правофланговая бригада полковника Топоркова держала связь с частями генерала Казановича в районе села Татарка. На левом моем фланге части генерала Чекотовского соприкасались с частями 3-ей пехотной дивизии полковника Дроздовского, левой которого, южнее станции Пелагиада, охватывая Ставрополь с севера, вела бой 2-ая пехотная дивизия генерала Боровского. Мой резерв, корниловцы и екатеринодарцы, под общей командой доблестного командира Корниловского полка полковника Бабиева (полковник Науменко отбыл в Екатеринодар для участия в заседаниях кубанской рады) сосредоточился в немецкой колонии Иогансдорф. Пути отхода противника на восток и северо-восток были отрезаны к северу от железнодорожной ветки Ставрополь – Петровское кубанцами полковника Улагая, к югу 1-ой кубанской дивизией генерала Покровского. К вечеру обе эти дивизии связались с соседями и тактическое окружение таманской армии красных было завершено.

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеленой нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, изредка, то здесь то

там, вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступающих сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к деревьям, стояли казачьи кони и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший вернулся я в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с превкусным местного изделия сыром, лег спать. На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части полковника Дроздовского, 3-я пехотная дивизия понесла жестокие потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль линии железной дороги, при этом был ранен полковник Дроздовский. Левее 3-ей пехотной дивизии, оставив станцию Пелагиаду, отступали и части генерала Боровского.

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей. Противник держался крепко. Недостаток в патронах почти исключал возможность действий в пешем строю, атаковать же конницей в лоб город было невозможно. Наше наступление могло вылиться лишь в демонстрацию. Между тем противник, продолжая теснить нашу пехоту, к вечеру 31-го подошел к самой станции Пелагиада. Я решил использовать выгодно складывающуюся обстановку и ударить во фланг и тыл врага. Растянув бригаду полковника Топоркова, я с рассветом 1-го ноября, с четырьмя полками, скрытно пройдя лесом, неожиданно вышел в тыл противника и, развернув 1-ую бригаду, атаковал его. Не ожидавшие удара красные бросились к Ставрополю, преследуемые полковником Бабиным с Корниловским полком и несколькими сотнями екатеринодарцев. Вскоре длинные колонны пленных потянулись к лесу. Полковник Бабин на плечах бегущих приближался к городу. Я выслал заслоном к северу Офицерский конный полк и с оставшимися в моем распоряжении несколькими сотнями екатеринодарцев и черноморцев направился к расположенному в предместье города монастырю. Там засели красные, поражая корниловцев фланговым огнем. Вскоре около нас стали посвистывать пули. Огонь учащался, несколько казаков и лошадей было ранено. Развернув полки, я выхватил шашку и лично повел их в атаку. Дружно, громко раздалось «ура», сотни понеслись. Огонь стал беспорядочным, притих и наконец врассыпную из монастырской ограды и улочек поселка побежали люди. Мы ворвались в поселок. Кое-где на улице шла рубка...

Спешив сотни, я занял околицу, приказав отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, их перевязывали тут же у монастырских стен. Но вот из монастырских ворот вышел батюшка и несколько монахинь. Пули свистели и щелкали о каменную ограду, тут же хрипела и билась раненая лошадь, но вышедшие, казалось, не видели этого. С крестом в руке, кропя святой водой казаков, шел иеромонах, спокойно и безмолвно обходили раненых монахини, предлагая хлеб и чай. Мать игуменьи тут же под огнем благословила меня иконой. Трогательная картина крепко врезалась в мою память...

В монастыре мы нашли двух офицеров, которые в течении нескольких дней укрывались здесь, переодетые монашками.

Около полудня я получил донесение полковника Бабина, он со своими славными корниловцами ворвался в самый город, захватил вокзал и стоявший там бронепоезд противника. Бабин доносил, что пока держится, но что патронов мало и что красные, засев в домах, дерутся отчаянно. Он просил подкреплений. Я выслал ему две сотни и послал донесение главнокомандующему, прося присылки каких либо частей для закрепления достигнутого успеха. Через несколько часов я получил ответ, что ко мне спешно двинуты на помощь один полк стрелков из дивизии генерала Казановича и инородческий дивизион от полковника Дроздовского. Между тем, перейдя в наступление, противник к вечеру, после жестокого боя, выбил из города части полковника Бабина и вновь овладел вокзалом. Его попытки выбить нас из монастыря успехом не увенчались. Части полковника Топоркова к вечеру несколько продвинулись вперед, захватив городской питомник. Поздно ночью подошли инородцы, а

на рассвете стрелки, которых я направил к полковнику Топоркову. Туда же перебросил я и бригаду Чекотовского, решив использовать сосредоточение противником большей части своих сил против моего левого фланга. Около девяти часов подошел высланный в мое распоряжение наш броневедомство «Верный». Послав вперед лошадей к полковнику Топоркову, я на броневике проехал к нему и отдал приказ ударной группе – запорожцам, уманцам, черноморцам, Офицерскому конному полку и стрелкам при поддержке «Верного» перейти в общее наступление.

Я в предыдущую ночь не ложился и, вернувшись в монастырь, лег спать и заснул как убитый. В четыре часа меня разбудили, ординарец передал мне донесение полковника Топоркова. После жестокого уличного боя, где неприятель отчаянно отстаивал каждый дом, части полковника Топоркова овладели городом.

Я с трубачами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где шла еще перестрелка. На улице и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбегал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку.

Город под владычеством большевиков пережил ужасные дни. Последние недели в связи с поражением красных на Урупе начались разногласия и раздоры в верхах армии. Борьба между красными вождами закончилась расстрелом в Ставрополе красного главковерха фельдшера Сорокина. Последние дни город был объят анархией. По всему городу шли самочинные обыски и расстрелы. Многих несчастных перед смертью подвергали жестоким пыткам. Во дворе губернаторского дома, где я остановился, мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколотыми глаза.

При отступлении из города противник оставил огромную военную добычу. Склады с мануфактурой, сукном, обувью, подковами и т. д., все это необходимо было уберечь от расхищения и привести в порядок. Я издал приказ, коим объявлял населению, что впредь до прибытия гражданских властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя и требовал в течении 24-х часов сдачи населением всего оружия, предметов военного снаряжения и укрывающихся в городе большевиков.

Комендантом города я назначил ротмистра Маньковского, бывшего моего сослуживца по Уссурийской дивизии, недавно прибывшего на Кубань, предоставив в его распоряжение дивизион инородцев. Ротмистр Маньковский отлично справился со своей задачей, хотя задача эта была далеко не легкая. В огромном незнакомом городе при отсутствии местной администрации, значительном скоплении войск и естественном озлоблении местного населения против всех, кто так или иначе был причастен к большевикам, поддерживать порядок было крайне трудно. На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненных и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу врачей и сестер, вырезали до 70 человек, прежде, нежели предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показанию очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать.

Другой случай был почти такого же порядка. На другой день по занятии нами города ко мне явился офицер, отрекомендовавшийся хорунжим Левиным, начальником особого отряда при ставропольском губернаторе. Хорунжий Левин вернулся, предоставив себя и своих людей в мое распоряжение. Я приказал ему принять в свое ведение тюрьму, где находились пленные красноармейцы и задержанные в городе большевики. Через несколько часов мне дали знать, что хорунжий Левин расстреливает арестованных. Я немедленно приказал хорунжия Левина арестовать, однако он успел расстрелять несколько десятков человек. По

прибытии в город губернатора, полковника Глазенапа, я передал ему хорунжего Левина и дальнейшая судьба его мне неизвестна.

3-го ноября прибыл в Ставрополь генерал Деникин. Он провел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии, 4-го или 5-го прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губернии полковник Глазенап со своим штабом. Последний произвел на меня самое скверное впечатление. За исключением начальника штаба полковника генерального штаба Яковлева, который, видимо, относился к делу добросовестно и внимательно, остальные чины штаба вели себя самым непозволительным образом. В самый день приезда полковника Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного адъютанта губернатора и двух других чинов его штаба за непристойное поведение в пьяном виде.

В ногайских степях

Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское, удерживая арьергардными частями линию деревень Надеждинское, Михайловка, Пелагиада, местами делая попытки перейти в наступление.

На рассвете 6-го ноября я получил приказание Главнокомандующего, штаб которого находился на станции Рыздвяная, помочь нашей пехоте, которую в районе деревни Михайловка противник сильно теснил. Подняв по тревоге дивизию, на рысях двинулся к железнодорожному переезду на дороге из Монастыря к Михайловке, перешел через полотно железной дороги и, приказав 1-ой бригаде и черноморцам наступать в пешем строю, бросил уманцев и черноморцев в атаку. Славные части полковника Топоркова прорвали фронт противника и на его плечах ворвались в Михайловку. Здесь было изрублено много красных. Преследуя отходящих, наши части захватили до тысячи пленных и огромный обоз, причем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе. Противник отступал на северо-восток вдоль дороги Михайловка – Дубовка – Казинка. Я послал приказание преследовать его по пятам, а сам перешел со штабом в село Михайловку. Вечером я получил приказание генерала Деникина прибыть к нему на станцию Рыздвяную.

Я верхом поехал на станцию Пелагиада. Стоял густой туман. Луна сквозь пелену тумана освещала зеленым светом тянущиеся по сторонам дороги хаты, широкую покрытую лужами улицу. На дороге лежали неубранные еще трупы людей и лошадей. На площади стояла огромная лужа. Мой конь боязливо шарахнулся – у самых ног лошади из лужи смотрело оскаленное лицо мертвеца, труп затянуло в грязь и видно было одно мертвое лицо. Несколько шагов далее из воды торчала окоченелая рука. Конь храпел, вздрагивал и бросался в стороны.

Я застал поезд генерала Деникина на станции Рыздвяная. Главнокомандующий горячо благодарил меня за последнее дело и сделал высокую оценку действий моих частей в течение всей ставропольской операции. Одновременно генерал Деникин объявил мне о назначении меня командиром 1-го конного корпуса, в состав которого, кроме моей дивизии, включалась 2-ая кубанская дивизия полковника Улагая. (Одновременно дивизии генералов Казановича и Боровского были развернуты соответственно в 1-ый и 2-ой армейские корпуса.) Последняя прорвавшимся из Ставрополя на северо-восток противником была оттеснена из района деревень Дубовка – Тугулук и ныне располагалась в районе села Донского. 1-ому конному корпусу приказывалось продолжать преследование Таманской Красной Армии, действуя к северу от железнодорожной линии Ставрополь – Петровское. К югу от этой линии наступали части генерала Казановича и генерала Покровского.

Генерал Деникин спросил меня, кого я намечаю на должность начальника штаба корпуса. Я просил назначить полковника Соколовского, работой которого за последние дни я был очень доволен. Присутствующий при разговоре генерал Романовский заметил, что полковник Соколовский для этой должности как будто молод, но генерал Деникин поддержал меня и тут же поздравил полковника Соколовского с назначением. Я наметил сосредоточить корпус в районе деревни Тугулук, о чем и послал приказание полковнику Улагаю. Полковник Топорков вступил в командование 1-ой дивизией.

В вагоне генерала Деникина встретил я начальника 2-ой пехотной дивизии генерала Боровского. Последний имел в армии репутацию большой личной храбрости, но сильно запивал. По общим отзывам это последнее и послужило причиной оставления Ставрополя нашими войсками. В армии говорили, что генерал Боровский «пропил Ставрополь».

7-го ноября полковник Топорков разбил врага у Дубовки и вновь захватил пленных и большой обоз. 8-го ноября одновременной атакой 1-ой конной дивизии с юга и 2-ой кубанской дивизии с запада мы овладели Тугулуком и Казинкой. Неприятель, разбитый наголову, бежал на Константиновку и Кугульту, оставив в наших руках вновь большое количество пленных и военной добычи, 10-го ноября части корпуса одновременно овладели: 1-ая конная дивизия селом Константиновкой, 2-ая кубанская – селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие уже не могли. 11-го ноября после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и одно орудие. К корпусу присоединились наконец линейцы, черкесы же остались при дивизии генерала Казановича. Между тем части последнего, встречая упорное сопротивление, продвигались весьма медленно и к 11 ноября подошли лишь к селу Спицевка, которое противник продолжал прочно удерживать.

Таким образом, мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед. Бой под Петровским окончился в полной темноте. Я со штабом остался ночевать в селе Константиновка. Тут же расположились обозы 1-го разряда, радиостанция и летучка Красного Креста.

На мы были разбужены шедшей в селении перестрелкой. По-видимому, предупрежденные кем-либо из местных большевиков, красные, воспользовавшись выдвинутым положением корпуса, выслали отряд для нападения на наш тыл. Около двух рот пехоты, посаженных на повозки, при двух орудиях прошли ночью от Спицевки к Константиновке и, сбив наши посты, подошли к самой деревне. Около взвода красных ворвалось в самую деревню, произведя сильный переполох. В прикрытии обоза находилась полусотня, около тридцати казаков, столько же почти было у меня в конвое. О сопротивлении думать не приходилось. Будь красные решительнее, они могли захватить нас всех. Однако большевики действовали вяло, обстреливали село, но атаковать нас не решались. К тому же обозы, имея приказание с рассветом переходить в Петровское, были уже запряжены, люди не спали и паники особой не было. Мы успели кое-как одеться, поседлать лошадей и выскочить из села, однако обоз двух полков и наша летучка были захвачены противником: доктор успел бежать, но сестра попала в плен. Красные захватили было и нашу радиостанцию, но начальник артиллерии генерал Беляев, едва сам успевший выскочить в одной рубахе из дому, собрав вокруг себя несколько десятков артиллеристов и обозных казаков, радиостанцию отбил.

К полковнику Топоркову, части которого, занимали ряд хуторов к югу от Петровского, прискакало несколько вырвавшихся из Константиновки обозных казаков и сообщили ему, что я со всем штабом захвачен в плен. Полковник Топорков спешно выслал в Константиновку запорожцев, при приближении которых красные, бросив Константиновку, отошли, уведя наших пленных и разграбив захваченный обоз. Большинство наших вещей пропало, в том числе и ряд моих документов.

Между тем в районе села Петровского противник с рассветом перешел в наступление. Части полковника Улагая держались, но положение его было тяжелое, главным образом ввиду недостатка патронов. Я поехал к нему и, подъезжая к Петровскому, нагнал казака с приказанием от генерала Чайковского, заменившего временно командовавшего отдельной бригадой генерала Чекотовского. Генерал Чайковский писал полковнику Улагая о том, что «командир корпуса со штабом попал в плен, что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход». Расписавшись в прочтении, я тут же на приказании написал: «в плен не попадал, приказываю наступать» и отправил казака обратно. До самого вечера части наши удерживали свои позиции, однако к вечеру, расстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я проехал к полковнику Улагая, части которого все еще держались на гребне к северу от Петровского. Приказав ему также стягивать свои части и отходить на Благодатное, я, вдвоем с офицером-ординарцем, бывшим моим однополчанином по Конной Гвардии ротмистром князем Оболенским, недавно прибывшим в корпус, спустился в село Петровское, чтобы догнать отходящие на Константиновку части. Солнце скрылось за горизонтом, сумерки быстро сгущались. Огромное село Петровское казалось мертвым. Последние разъезды оставили местечко, жители, ожидая прихода красных, боязливо попрятались по домам. Впереди нас у железнодорожной переправы еще слышались выстрелы. Я толкнул лошадь крупной рысью, спеша скорее выйти из местечка. Вот и река Калаусь. Впереди чернеет железнодорожный мост. Неожиданно из соседней улицы затрещали выстрелы и несколько пуль просвистали у самого уха. Наметом выскочили мы на мост. Красные продолжали стрелять и пули щелкали по настилу моста. Подо мною был серый конь, недавно подаренный мне полковником Мурзаевым, казаки которого отбили коня у красных. Светлая лошадь была в темноте хорошо видна и давала возможность красным пристреляться. Князь Оболенский толкнул своего коня и, обогнав меня, поскакал со мною рядом, заслонив от выстрелов. «Ты куда, назад», крикнул я, но он, прикрывая меня собой, продолжал скакать рядом... Мы проскочили мост и вскоре нагнали нашу заставу.

С рассветом противник возобновил наступление. Прикрывая Константиновку и Благодатное, корпус в течение всего дня удерживал свои позиции. Патроны были совсем на исходе, в запасе ничего не имелось. Я второй день телеграфировал в ставку, прося срочной присылки огнеприпасов, разослал ординарцев в Ставрополь и к генералу Казановичу с просьбой помочь патронами. Начальники частей не переставали требовать скорейшей присылки огнеприпасов, донося, что дальше держаться не могут. Положение становилось тяжелым, раньше полудня 14-го я подхода транспорта с патронами ожидать не мог. Между тем дальнейшее наступление противника грозило потерей Константиновки, что создавало угрозу левому флангу соседней дивизии генерала Казановича. Наступила ночь. Полки заночевали на позициях. В десять часов вечера прибыл от полковника Топоркова офицер-ординарец и привез перехваченный приказ противника, в коем красным приказывалось в шесть часов утра 14-го перейти в общее наступление. Я решил вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чем он успеет перейти в наступление. Тут же по телефону я отдал необходимые приказания начальникам дивизий. Оставив на позиции у Константиновки полковника Топоркова с одной спешенной бригадой, я сосредоточил все остальные части к своему левому флангу в районе хуторов Писаренки на полдороге между Благодатым и Петровским, объединив их под общим начальством полковника Улагая. Все оставшиеся еще в корпусе патроны были переданы полковнику Топоркову, для чего их отобрали у казаков частей полковника Улагая, обозных и в тыловых командах. Едва засерел восток, полковник Улагай построил свои части в боевой порядок и в пять часов, за час до намеченного приказом противника наступления, атаковал последнего в конном строю, прорвал фронт и обрушился на неприятельские полки, не успевшие еще закончить сосредоточение к

месту атаки. Красные были окончательно ошеломлены и обратились в паническое бегство, преследуемые казаками, стремясь укрыться за Калаусь. Значительное число красных было изрублено, многие потонули в реке, наши части вновь овладели Петровским и в последующие дни с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона закрепились на высотах к северу и востоку от местечка.

Я решил использовать выдвинутое положение моих частей, помочь генералу Казановичу. 21-го ноября, оставив заслоном на фронте Донская балка – Петровское – Николина балка 2-ую кубанскую дивизию, я сосредоточил в районе железнодорожной станции Кугуты 1-ую конную дивизию и сводную бригаду под общим начальством полковника Топоркова и, выдвинувшись ночным переходом к югу, на рассвете 22-го ноября атаковал у села Спицевки красных, действовавших против генерала Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-ый армейский корпус к вечеру 22-го ноября подошел к реке Калаусь.

Я верхом выехал встречать возвращающиеся полки. Навстречу попадались конвоируемые казаками группы пленных, лазаретные линейки с тяжелоранеными, отдельные легкораненные. Встречавшиеся раненые казаки весело отвечали на приветствие. По одному ответу видно было, что дело удачное. Навстречу ехал накрытый брезентом транспорт. На облучке сидело два казака, я поздоровался. Казаки ответили как-то угрюмо:

– «Как дела?» – спросил я.

– «Плохо, командира полка убили».

Тут только заметил я свешивающиеся с транспорта из под брезента ноги, я снял шапку и перекрестился:

– «Кого именно?»

– «Их высокоблагородие, полковника Мурзаева».

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это был способный, редкой доблести и огромного порыва начальник.

23-го полки вернулись с набега, а 24-го с рассветом противник вновь перешел в наступление у Петровского. К девяти часам утра, потеснив наш правый фланг, противник овладел рядом хуторов к югу от местечка, и в 7-ми верстах южнее Петровского захватил железнодорожный путь. Около полудня 1-ая дивизия перешла в контратаку. Полковник Топорков отбросил противника за Калаусь и, прижав его к скалистому гребню в районе Донская Балка, разбил наголову. Мы вновь захватили 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запряжке. Преследуя врага, наши части выдвинулись на линию хутора Бурцева – озеро Маховое – Камбулат. В течение четырех дней нами взято 3500 пленных, 70 пулеметов, 11 пушек и большое число обозов.

Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличия в генерал-лейтенанты.

Успехом корпуса я обязан был блестящей работе моих ближайших помощников, начальников дивизий. Я представил полковников Улагая и Топоркова, а также отсутствующего полковника Науменко к производству в генерал-майоры.

Все трое были достойнейшие офицеры. Полковники Топорков и Улагай оба отлично командовали своими дивизиями. Первый, выслужившийся из казаков, природным чутьем отлично разбирался в обстановке. Совершенно исключительной храбрости, огромного порыва и ничем непоколебимой твердости, он всегда близко стоял к своим войскам, жил с ними одной жизнью, разделяя все тяготы боевой службы и увлекая в тяжелые минуты личным примером. Раз отданное начальником приказание полковник Топорков неуклонно выполнял, не считаясь ни с какими препятствиями; в этом отношении он иногда пересаливал и в стремлении выполнить поставленную задачу нес подчас излишние потери. Полковник Улагай был натурой несравненно более сложной: нервный, до болезненности само-

любивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем, он пользовался обаянием среди своих офицеров и казаков. Отлично разбираясь в обстановке, он умел ее использовать, проявить вовремя личный почин и находчивость. Обладая несомненно талантом крупного кавалерийского начальника, он имел и недостатки: неровность характера, чрезмерную, иногда болезненную обидчивость, легко переходил от высокого подъема духа к безграничной апатии, приступая к выполнению задачи, готов был подчас искать в ней непреодолимые к этому препятствия, но раз решившись на что-нибудь, блестяще проводил решение в жизнь.

К концу ноября наши части вышли на линию реки Калаусь. От Невинномысской вдоль линии Владикавказской железной дороги наступала наша пехота (10 000 штыков и шашек, 30 орудий), объединенная под начальством генерала Ляхова, долгое время в Персии командовавшего нашими казаками. На правом фланге его в Баталпашинском отделе работали казаки полковника Шкуро. К северу от частей генерала Ляхова действовал 1-ый армейский корпус (1-ая кубанская и 1-ая пехотная дивизии, 6800 штыков и шашек, 21 орудие) под общим начальством бывшего начальника последней храброго генерала Казановича. Далее в районе Петровского находился мой корпус (6200 штыков и шашек, 20 орудий). Левее меня, к югу от Маныча в районе Большой и малой Джалги, станицы Винодельное и Предтеча оперировал отряд из трех родов войск генерала Станкевича (2–3 тысячи, при 4 орудиях). Против наших частей находилась XI армия красных, общей численностью около 70 000 штыков и шашек при 80-100 орудиях, расположившихся в 4-х группах: против генерала Станкевича между озером Манычь и с. Овощи – 15 000; против моего корпуса – 10 000; против частей генерала Казановича – 10 000; против генерала Ляхова – 20 000. В резерве в районе Кизляр – Моздок – Грозный – 12000. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая-Великокняжеская, заняв села Тахра и Немецко-Хатинское. Важный для нас железнодорожный путь Торговая-Екатеринодар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд генерала Станкевича был подчинен мне и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против частей генерала Станкевича, отбросить ее за реку Калаусь и прочно прикрыть ведущие к Торговой пути к югу от Маныча.

Оставив заслон в районе Петровского, 1-ый конный корпус перешел в наступление на севере и, двигаясь обоими берегами реки Калаусь, разбил противника у Николиной Балки, Предтечи и Винодельного. Под угрозой быть прижатым к болотистому Манычу неприятель начал поспешный отход на восток. Генерал Станкевич перешел в наступление. К 1-ому декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское – Винодельное – Кистинское.

За последние три месяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала полки значительные пополнения и, несмотря на большие потери в непрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным. Пополнились значительно артиллерия, технические и тыловые команды. Все эти части укомплектовывались главным образом за счет пленных красноармейцев. Также пополнился и стрелковый полк полковника Чичинадзе, работавший прекрасно. После разгрома на Урупе и Кубани красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации, штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, не охотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично. Правда, по мере очищения области от красных и продвижения наших войск вперед, часть из этих пополнений, освободив родное село или хутор, пытались всячески уклониться от дальнейшей службы, но все же значительный процент продолжал добросовестно служить. Огромная, попавшая в наши руки после разгрома Таманской армии добыча дала возможность полностью снабдить

всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы. Из захваченных повозок были сформированы санитарные, артиллерийские и интендантские транспорты. Попавшие в наши руки технические средства связи со значительными развитыми местными телеграфными линиями дали возможность хорошо обеспечить связь. За последнее время и штаб главнокомандующего стал приходить на помощь. Снабжение огнеприпасами казалось обеспеченным, и за последние недели было прислано в корпус несколько броневых автомобилей. Вместе с тем, все же целый ряд вопросов хозяйственного и организационного характера требовал еще разрешения. За три месяца непрерывных боев значительное число офицеров и казаков были одновременно представлены к награждению. Представления эти, несмотря на постоянные мои напоминания, в штабе главнокомандующего месяцами залеживались и многие достойные офицеры и казаки успевали выбыть из строя, так и не дождавшись награды. Разбитый, потерпевший огромные потери противник против нас казался совершенно деморализованным и активных действий с его стороны, в ближайшие дни, ожидать было трудно. Я решил воспользоваться боевым затишьем и на месте в Екатеринодаре добиться разрешения целого ряда существенных для корпуса вопросов.

Получив разрешение генерала Деникина и вытребовав себе из Ставрополя в Петровское вагон, я выехал в Екатеринодар, передав корпус только что произведенному в генералы Улагаю. Я нашел Екатеринодар еще более переполненным, нежели три месяца тому назад. Несмотря на то, что предупрежденный о моем приезде войсковой штаб отдал приказание отвести мне номер в войсковой гостинице, таковой удалось получить лишь через несколько дней и первые дни пришлось жить в моем вагоне.

Генерал Деникин встретил меня очень сердечно. Много благодарил за блестящие действия корпуса и обещал всем, что от него зависит, корпусу помочь, приказав мне о всех нуждах корпуса сообщить начальнику штаба. У последнего встретил я весьма любезный прием, однако ни по одному вопросу вполне определенного, исчерпывающего ответа получить не мог. Генерал Романовский в большинстве случаев уклонялся от решительного ответа, не давал определенных обещаний, избегал и отказов... То же встретил я и в большинстве отделов штаба и в частности у нового генерал-квартирмейстера, полковника Плющевского-Плющик. Последний проявлял полное отсутствие самостоятельности, как будто даже боялся последней, постоянно ссылаясь на то, «что скажет Иван Павлович», «как посмотрит Иван Павлович» (генерал Романовский).

Штаб с его бесконечными отделами страшно распух и утопал в море бумаги. Забывая и откладывая разрешение самых насущных повседневных мер, штаб главнокомандующего занимался изучением и разрешением целого ряда вопросов, быть может и существенных, но имевших в данной обстановке скорее академическое значение: пересматривались и разрабатывались уставы, заседали комиссии по разработке организации высших войсковых соединений...

В одну из таких комиссий по изучению организации конницы попал и я. Созданию мощной конницы в условиях настоящей войны, где маневр играл первенствующую роль, я придавал огромное значение. Зная казаков, я в полной мере учитывал, что, по освобождении казачьих земель, они неохотно примут участие в дальнейшей нашей борьбе и считал необходимым безотлагательно озаботиться восстановлением частей регулярной конницы. Большое число офицеров-кавалеристов оставалось без дела или служили в пехотных частях сплошь и рядом рядовыми. Ценнейшие кадры лучшей в мире конницы таяли. Между тем от того ли, что среди лиц штаба, начиная с Главнокомандующего, за немногими исключениями, большинство было пехотными офицерами, к мысли о необходимости создания регулярных кавалерийских частей верхи армии относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подал отдельную докладную записку, в коей, настаивая на необходимости безотлагательно приступить к воссозданию регулярных кавалерийских частей, указывал в видах

успешного проведения этой мысли в жизнь создать особый орган – инспекцию конницы. Внесенная в комиссию моя записка была поддержана всеми членами комиссии единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу определенного ответа получить не удалось.

Приезд мой в Екатеринодар совпал с выбором Краевой Радой атамана. Правые элементы Рады поддерживали старого атамана, полковника Филимонова, левые, «самостийные» группы, выставляли кандидатуру председателя Рады, Быча. Вокруг предстоящих выборов шла ожесточенная борьба. Борьба эта в казачьих частях и широкой массе казачества сочувствия не имела. Мне представлялось, что всякие политические выступления, всякая политическая борьба в тылу, в то время, когда на фронте идут кровопролитные бои, нанесут непоправимый ущерб нашему делу. Всякое послабление в этом отношении со стороны главнокомандующего могло быть, по моему мнению, чревато последствиями. Хорошо зная казаков, я не сомневался в том, что мощный окрик генерала Деникина в корне пресек бы все эти выступления и что, наоборот, всякое послабление, всякое искание властью компромисса было бы учтено как слабость ее, и неизбежным следствием чего явились бы новые домогательства местных демагогов. При свидании моем в день приезда с генералом Деникиным я попытался затронуть этот вопрос, но главнокомандующий от дальнейшего разговора уклонился. Генерал Драгомиров сообщил мне, что находящиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали перед главнокомандующим на необходимости положить предел недопустимым выступлениям некоторых групп Рады, не останавливаясь в случае необходимости даже перед *coup d'etat*. Однако генерал Деникин, по-видимому, был другого мнения.

На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре ставки как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя непозволительно распущенно, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя полковник Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование «волчий». В волчьих папах, с волчьими хвостами на бунчуках, партизаны полковника Шкуро представляли собою не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими «волками» несли по улицам города, с песнями, гиком и выстрелами. Возвращаясь как-то вечером в гостиницу, на Красной улице увидел толпу народа. Из открытых окон особняка лился свет, на тротуаре под окнами играли трубачи и плясали казаки. Поодаль стояли, держа коней в поводу, несколько «волков». На мой вопрос, что это значит, я получил ответ, что «гуляет» полковник Шкуро. В войсковой гостинице, где мы стояли, сплошь и рядом происходил самый бесшабашный разгул. Часов в 11–12 вечера являлась ватага подвыпивших офицеров, в общий зал вводились песенники местного гвардейского дивизиона и на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попок под председательством генерала Покровского закончилась трагично. Офицер-конвонец застрелил офицера Татарского дивизиона. Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал весь город и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат.

Наконец состоялись выборы. Выбранным оказался генерал (произведен в генерал-лейтенанты Радой) Филимонов. Весьма разумный, тонкий, осторожный, но не обладавший, как показали дальнейшие события, необходимой твердостью и не сумевший удержать в своих руках атаманскую булаву.

Начатая генералом Корниловым героическая борьба ширилась и, казалось, что значение ее начала учитывать Европа. С целью изучения вопроса возможностей помочь нам необходимым снабжением прибыли в Екатеринодар представители английского и французского

правительств. Во главе миссий стояли: английской – генерал Пулль, и французской – капитан Фуккэ. В ближайшее время миссии выезжали на фронт для ознакомления на месте с нуждами войск.

11-го ноября нового стиля на западном фронте было заключено перемирие. Германская армия развалилась и немецкие оккупационные войска, охваченные русской заразой, распродавая оружие и снаряжение, толпами бежали домой.

На Украине произошло то, что неизбежно должно было случиться. Посаженный немцами и державшийся немецкими штыками, Скоропадский пал, скрывшись в Германию. В Киеве предательски был убит герой Галиции, генерал граф Келлер. Уцелевшие офицеры бежали на Дон и Кавказ. Здесь генерал Краснов, вовремя учтя падение Германии, умело использовавший немцев и сумевший создать собственную армию, ныне вел переговоры с союзниками. Эти переговоры велись им независимо от переговоров с союзными державами генерала Деникина.

Перед общей целью, перед лицом общей опасности вожди не сумели найти общего языка.

В штабе главнокомандующего жестоко обвиняли генерала Краснова в «нежелании подчиниться», в «нежелании признать власть генерала Деникина». По-видимому, в штабе Донского атамана такие же упреки раздавались по адресу главнокомандующего.

Борьба против насильников родины разгоралась и на других концах Русской Земли, 18-го ноября социалистическое Омское правительство было сброшено и во главе сибирских армий стал адмирал Колчак. На севере вдоль Мурманской железной дороги войска объединил генерал Миллер, в Прибалтике формировались части генералом Юденичем. Черная мгла, нависшая над Россией, казалось, рассеивалась...

Я оставался в Екатеринодаре, тяготясь екатеринодарской жизнью и стремясь скорее вернуться к себе в корпус, однако разрешение штабом важных для меня вопросов бесконечно оттягивалось. Между тем противник, оправившись и подтянув подкрепления, вновь перешел в наступление против частей генерала Улагая, овладел Кистинским и Винодельным и быстро продвигался на запад. В ставке заволновались и генерал Романовский прислал мне записку с приказанием главнокомандующего спешить возвращением в корпус и принять меры для восстановления нашего положения. Я вызвал по прямому проводу начальника штаба генерала Улагая. Последний принял уже необходимые меры, сосредотачивал свои части к югу от Винодельного, имея целью повторить прежний наш маневр. Я дал начальнику штаба несколько указаний и в тот же вечер выехал в Петровское, а оттуда верхом в корпус. В Петровском я получил донесение генерала Улагая об удачном для нас деле. Генерал Улагай нанес противнику жестокое поражение, захватив много пленных и пулеметов, вновь овладел Винодельным и продолжал продвигаться к северу, угрожая тылу красных. В бою под Винодельным особенно отличились стрелки полковника Чичинадзе.

Вечером прибыв в Винодельное, я отдал приказ генералу Станкевичу также перейти в наступление. Через два дня наше положение было полностью восстановлено.

В бытность мою в Екатеринодаре я ходатайствовал об отводе корпуса в резерв главнокомандующего, чтобы дать возможность полкам произвести перековку. Не добившись определенного ответа на мое ходатайство, я отдал приказ полкам немедленно приступить к перековке, используя боевое затишье. В последних боях противник был окончательно потрясен. Деморализация в рядах противника усиливалась и за последние дни была масса перебежчиков. Обстановка исключала на долгое время возможность активности красных на нашем фронте. Однако, общее положение не дало нам возможности продолжительного отдыха.

В середине декабря противник, сосредоточив значительные силы в районе станиц Медведское-Шишкино, в пятидесяти верстах к югу от села Петровское, перешел в решительное наступление против 1-го армейского корпуса генерала Казановича, выдвинувшегося к этому

времени на фронте Грушевка-Ореховка, отбросил его и, нанеся громадные потери, вынудил вновь отойти за реку Калаусь. По донесению генерала Казановича, его части, в случае дальнейшего продвижения противника, не были в состоянии продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнейший отход к Ставрополю 1-го армейского корпуса создавал серьезную угрозу общему нашему положению. Я решил, невзирая на большое утомление моих частей после трехмесячных непрерывных боев, предложить главнокомандующему оказать помощь 1-му армейскому корпусу, для чего, заслонившись на фронте Петровское Маныч, широким маневром охватить и нанести удар в тыл действующей в районе Медведское-Шишкино группе красных. За несколько дней перед этим бригада генерала Чайковского (Офицерский конный и Черноморский казачий полки) вышла из состава корпуса, а вновь сформированный 2-ой Лабинский казачий полк вошел в состав 1-ой конной дивизии.

Главнокомандующий одобрил мои предположения. Сосредоточив в районе Петровского екатеринодарцев, линейцев, лабинцев, уманцев, запорожцев и пластунов, под общим начальством произведенного в генералы Топоркова, я отдал последнему приказание 21-го на рассвете двинуться усиленным переходом в общем направлении на Александрию и, выйдя в тыл красных, атаковать их в направлении Шишкино-Медведское. Прибыв 20-го в Петровское, я нашел телеграмму о выезде генерала Деникина в сопровождении союзнических миссий на фронт. Вечером меня вызвал из Ставрополя к аппарату главнокомандующий. По донесению генерала Казановича, тяжелое положение его корпуса исключало возможность осмотра частей союзническими миссиями. Генерал Деникин спрашивал, возможен ли приезд их в 1-ый конный корпус и что я могу «им показать». Я ответил, что «могу показать лишь, как кубанцы бьют большевиков», и просил главнокомандующего, будет возможность, прибыть ночью, дабы с рассветом выступить с колонной генерала Топоркова.

Приказав полковнику Бабиеву, который с корниловцами и стрелками оставался для прикрытия Петровского, назначить взвод казаков в почетный караул и сделать все необходимые распоряжения для встречи гостей, я отдал директиву корпусу. Директива была переведена на английский и французский языки и к ней была приложена схема обстановки с соответствующей объяснительной запиской, последняя так же в переводе. За всеми хлопотами мне не пришлось за всю ночь лечь. В 4 часа утра я был уже на вокзале. Вскоре подошел поезд. Генерал Деникин, генерал Пуль, капитан Фуккэ и лица свиты были уже одеты и мы, сев верхом, тронулись в путь.

Стало понемногу сереть, бесконечно, куда хватал глаз, чернела пустынная степь, местами прорезанная глубокими оврагами; кое-где одиноко темнели курганы; утро было туманное, изредка моросил дождь, и черноземная размокшая, покрытая лужами дорога не позволяла двигаться быстро. На дороге попадались отставшие от обозов повозки, местами безнадежно завязшие в грязи. Отъехав верст 15, мы нагнали большой обоз, стоявший на привале; тут же находилось несколько орудий. Генерал Топорков, оставив тяжести и часть артиллерии в тылу, выпряженными лошадьми усилил артиллерийские запряжки. В некоторых батареях тела орудий были сняты и везлись на телегах. Части двигались весьма медленно. Лошади и люди вязли в грязи, скользили и падали. Пластуны, шедшие с первой бригадой, значительно отстали от своей колонны. Лишь к 4-м часам дня авангард правой колонны, при которой следовали мы, наступая дорогой Петровское – озеро Маховое-Шишкино, обойдя фланг противника, спустился в долину реки Сухая-Буйвола и завязал перестрелку с красными. С четырех часов утра мы ничего не ели и почти не слезали с лошадей. Отвыкшие от походной жизни, не втянутые в езду, главнокомандующий, чины штаба и иностранцы окончательно заморились. Выбрав удобный наблюдательный пункт, я предложил генералу Деникину оставаться здесь, сам же просил разрешения проехать вперед, чтобы руководить боем.

При генерале Деникине я оставил начальника штаба корпуса полковника Соколовского с моим конвоем, приказав ему, выждав подход 2-х отставших орудий и пластунов и объ-

единив под своим командованием эти части, наступать на деревню Сухая-Буйвола, где наш боковой отряд завязал перестрелку. Медленно тянулась мимо нас колонна, спускаясь крутым берегом в долину речки. Главнокомандующий здоровался с полками.

Вдвоем с офицером ординарцем я, обгоняя колонну, проехал вперед. Наша лава медленно карабкалась на правый берег реки. Со стороны деревни Шишкино слышались выстрелы. Далеко вправо в районе деревни Сухая-Буйвола наш боковой отряд вел перестрелку. Левее видна была подходившая к деревне Александрия 2-ая бригада. У самой переправы мелькал значок генерала Топоркова и виднелась группа чинов его штаба. То там, то здесь над колонной вспыхивали дымки шрапнелей. Наша лава поднялась на холмистый гребень. Там, за гребнем, часто стучали выстрелы. Мы с генералом Топорковым рысью выехали вперед. Лава лабинцев маячила перед деревней, не решаясь атаковать.

Поднимаясь в гору, подходил Екатеринодарский полк. Полком командовал молодой офицер, полковник Лебедев. Приказ о его производстве в штаб-офицеры в корпусе получен был лишь накануне и Лебедев, только сегодня об этом узнавший, не успел еще надеть полковничьих погон. Я подскакал к полку, поздоровался с казаками и обратился к командиру полка: «Полковник Лебедев, поддержите штаб-офицерские погоны, в атаку». Полковник Лебедев выскочил вперед, раздалась команда: «шашки к бою, строй фронт, марш, марш», екатеринодарцы понеслись. Огонь усилился, скользили и падали кони, но казаки неслись неудержимо. Вскоре рубка шла на улицах села, оттуда врассыпную бежали люди, скакали повозки, лазаретные линейки, походные кухни. Из соседней деревни Медведское на восток быстро отходила длинная колонна обозов, ей на перерез из Александрии спешили полки 2-ой бригады. В бинокль был виден втягивающийся в деревню Сухая-Буйвола отряд полковника Соколовского. Темнело; одно за другим стали поступать донесения. Полковник Соколовский занял Сухую-Буйволу, захватив пленных, пулеметы и батарею. Почти одновременно с ним в деревню вошла и конница 1-ой кубанской дивизии генерала Покровского, действовавшая на левом фланге 1-го армейского корпуса (сам генерал Покровский отсутствовал и дивизией временно командовал бригадный командир, генерал Крыжановский), екатеринодарцы, линейцы, лабинцы, овладев Шишкиным и Медведским, также захватили много пленных, пулеметы и орудия. Противник на всем фронте отходил в направлениях на Благодарное, Елизаветинское и Новосельцы.

Отдав необходимые распоряжения, я поехал назад. Стало совсем темно. Генерал Деникин уже проехал на Петровское, и я поспешил возвратиться, дабы застать главнокомандующего до его отъезда. Дорога казалась бесконечной. Заморенные кони двигались с трудом. Наконец мы добрались до Петровского. Дом, занятый штабом, был ярко освещен. Я застал генерала Деникина с иностранными гостями за ужином. Только что главнокомандующему было доставлено посланное мною донесение с места боя. Генерал Деникин его громко прочел и меня встретили криками «ура». Несмотря на то, что все сильно проголодались, гости ели неохотно. Все очень заморились и спешили лечь.

В 11 часов гости уехали, я оставался еще в штабе, чтобы отдать несколько необходимых распоряжений; а затем проехал на вокзал проводить главнокомандующего. Весь поезд уже спал и я, приказав дежурному офицеру передать главнокомандующему пожелание счастливого пути, вернулся домой и заснул как убитый. Я не спал полтора суток и за последние сутки сделал верхом не менее ста верст.

Победа 21-го декабря стоила противнику 1000 пленных, 65 пулеметов и 12 орудий. Огромные обозы красных попали в наши руки, 1-ый армейский корпус генерала Казановича вновь выдвинулся на линию Медведское – Грушовка – Калиновка. Приказом главнокомандующего части 1-го армейского корпуса генерала Казановича, 1-го конного корпуса и отряд генерала Станкевича объединялись в отдельную армейскую группу под моим начальством.

Мне ставилась задача, удерживая фронт Маныч – Петровское и развивая достигнутый 21-го декабря успех, овладеть главной базой Таманской армии – Святым Крестом и в дальнейшем, закрепившись здесь, действовать в тылу Минераловодской группы красных, скованной с фронта наступающими вдоль Владикавказской железной дороги частями генерала Ляхова.

Оставив в районе Камбулат – Малые Айгуры отряд полковника Бабиева в составе двух конных и стрелкового полков для прикрытия села Петровское и железной дороги на Ставрополь, я направил генерала Улагая с его 2-ой кубанской и одной бригадой 1-ой конной дивизии для преследования противника, отходившего на Благодатное и далее на Святой Крест.

Генералу Топоркову и генералу Казановичу я приказал перейти в общее наступление на фронте Александровское-Новоселица и далее на юго-восток. Противник, желая выйти из тяжелого положения, предпринял отчаянную попытку приостановить наше наступление, 26-го декабря, сосредоточив свои силы в районе Казгулак – Овоши, он обрушился на отряд полковника Бабиева и после тяжелого двенадцатичасового боя оттеснил его к самому Петровскому. Не имея свободных резервов, я просил главнокомандующего мне помочь и в мое распоряжение были переданы расположенные в Ставрополе Корниловский ударный и 3-й Сводно-кубанский казачий полки.

Приказав казакам спешно двигаться из Ставрополя к Петровскому походным порядком, я, в ночь на 27-ое, перебросил по железной дороге корниловцев и, выдвинув их на фронт, к вечеру 27-го остановил красных в 7-ми верстах от Петровского. К вечеру 28-го декабря полковник Бабиев, усиленный корниловцами и своднокубанцами, занял Малые Айгуры и Камбулат. Произведя перегруппировку, он через сутки ночным переходом, имея пехоту на повозках, выдвинулся к Казгулаку, наголову разбил здесь противника и захватил более тысячи пленных. Последние, в значительном числе недавно насильно мобилизованные большевиками, сами выразили желание стать в наши ряды и в тот же день в числе пяти-сот человек сражались в рядах Корниловского ударного полка. Не задерживаясь в Казгулаке, полковник Бабиев в тот же день выдвинулся к селению Овоши и к вечеру, после короткого и горячего боя, овладел последним, вновь захватив пятьсот пленных. На следующий день, 31-го декабря, доблестный полковник Бабиев увенчал свое славное дело занятием села Маштак-Кулак, где и довершил разгром противника. Остатки красных рассеялись в степи.

Наступающий Новый Год застал части корпуса на подходе в Ногайских степях.

Прошлое темно, будущее неясно, но рассвет как будто уже брезжит, прорезывая кровавую тьму, покрывшую русскую землю...

За два дня до Нового Года я получил неожиданно телеграмму главнокомандующего о назначении меня командующим Добровольческой армией; впредь до выполнения поставленной вверенной мне группе войск задачи, временно командовать армией приказывалось начальнику штаба главнокомандующего, генералу Романовскому. Переговоры между главнокомандующим и Донским атаманом наконец привели к соглашению 26-го декабря во время свидания в Торговой главнокомандующего и Донского атамана. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Я совершенно не ожидал нового назначения. Оно обрадовало меня, дав возможность приложить силы и знания свои в широком масштабе и показав, что главнокомандующий доверяет мне и ценит мою работу. В то же время мне грустно было расстаться с моим славным корпусом и, неизбежно оторвавшись от войск, отдалиться от столь близкой мне боевой жизни.

Командиром 1-го конного корпуса назначался начальник 1-ой кубанской дивизии, генерал Покровский, причем его дивизия включалась в состав корпуса, взамен 2-ой кубанской дивизии генерала Улагая. Был назначен и новый начальник 1-ой конной дивизии. По принятии мною 1-го конного корпуса начальником последней был назначен генерал Науменко.

Он, однако, так и не успел вступить в командование, приняв должность походного атамана Кубанского войска, и дивизией долго временно командовал командир 1-ой бригады полковник Топорков.

Заместителем генерала Науменко оказался старый мой приятель, соратник по японской кампании и однокашник по академии генерального штаба, которую он окончил за два года до меня, генерал Шатилов.

Я приказал генералу Шатилову объединить командование 1-ой кубанской дивизией и частей 1-ой конной, действующих под начальством генерала Топоркова.

Безостановочно гоня красных, генерал Улагай 24-го овладел Благодарным и 4-го января захватил базу Таманской армии – Святой Крест, овладев здесь огромными запасами. В то же время генерал Шатилов, преследуя противника, овладел Новоселицами и селом Александровское, захватив вновь пленных, пулеметы и орудия. На следующий день в село Александровское вступили части генерала Казановича. Из Новоселиц конница генерала Топоркова усиленным маршем выдвинулась к станции Преображенское, перерезала железнодорожную ветку Святой Крест – Георгиевская, отрезав путь бегущим на юг красным эшелонам.

Сюда же, к станции Преображенское, спешили, преследуя по пятам бежавшего из Святого Креста на юг противника, прочие полки 1-ой конной дивизии (2-ая кубанская дивизия генерала Улагая оставалась в Святом Кресте).

Развернувшись на линии Александровское – Новосельцы – Преображенское, армейская группа продолжала наступление на юг: 1-ый армейский корпус генерала Казановича от Александровского на Саблинское и далее на станицу Александровскую; 1-ая кубанская дивизия под командованием генерала Крыжановского от Новосельцы на Обильное; части генерала Топоркова от Преображенской вдоль линии железной дороги на Георгиевск. Одновременно с запада генерал Ляхов продолжал теснить противника к Минеральным водам. Овладев на своем пути селами Солдатско-Александровское и Обильное, части генерала Шатилова стремительно атаковали Георгиевск и после двухдневного боя 8-го января овладели городом, перехватив пути отступления Минеральноводской группе красных. Прорвавшиеся из района Минеральных Вод остатки XI-ой Красной Армии бежали на восток, бросая по пути оружие, пулеметы и обозы.

Освобождение Терека

С занятием нами Святого Креста и дальнейшим продвижением к югу связь с корпусом из Петровского становилась затруднительной и я решил перенести штаб на железнодорожную станцию Старомарьевка, откуда мне удобно было поддерживать проволочную связь с войсками. По моей просьбе отряд генерала Станкевича, связь с которым в этом случае была бы затруднительна, переходил в непосредственное подчинение ставки. На станции Старомарьевка помещение найти было трудно и я со штабом жил в поезде. В Старомарьевку прибыл назначенный начальником штаба Добровольческой армии генерал Юзефович, о согласии на назначение коего я был запрошен несколько дней до этого и тогда же ответил утвердительно.

Лично с генералом Юзефовичем я едва был знаком, но по репутации знал его как блестящего, большой эрудиции, способного и дельного офицера. Я из Петровского несколько раз говорил с генералом Юзефовичем по прямому проводу. Ему поручил я формировать штаб и он вел переговоры с намеченными в сотрудники лицами. Краткие, сжатые и определенные изложения и ответы, даваемые генералом Юзефовичем на поставленные ему вопросы, меня чрезвычайно удовлетворили. Составленное мною о генерале Юзефовиче благоприятное представление вполне подтвердилось при личном свидании. В дальнейшей продолжительной совместной работе я имел в его лице драгоценного сотрудника. Обладая боль-

шим военным опытом, широкой и разнообразной военной эрудицией, острым и живым умом и огромной трудоспособностью, генерал Юзефович был прекрасным начальником штаба. Впоследствии, во время перенесенной мною тяжелой болезни, ему пришлось продолжить время командовать армией. Его все время тянуло в строй, летом 19-го года он принял должность командира 5-го кавалерийского корпуса.

На должность генерал-квартирмейстера назначался исполнявший обязанности генерала для поручений при главнокомандующем полковник Кусонский. Должность дежурного генерала была предложена генералом Юзефовичем старому его сослуживцу генералу Петрову. Оба эти офицеры оказались вполне на высоте положения и впоследствии были для меня отличными помощниками.

8-го января я был уведомлен, что на следующий день главнокомандующий прибывает на станцию Минеральные Воды, куда я наметил перенести мой штаб. Мой поезд прибыл несколькими часами позже поезда генерала Деникина. Последний немедленно по приезде выехал на автомобиле в Кисловодск и ожидался обратно лишь вечером. Последние дни я был нездоров, сильно простудившись, и не оставлял вагона. Генерал Юзефович, встретивший генерала Деникина по возвращении, сообщил мне, что главнокомандующий утром сам зайдет ко мне. При этом он передал мне последние новости: войска, действующие в Каменноугольном районе и в Крыму, предложено было объединить в армию, поставив во главе ее генерала Боровского, с присвоением этой армии названия Добровольческой, вверенная же мне армия получила название Кавказской; гражданское управление на Кавказе предполагалось сосредоточить в руках генерала Ляхова. Известие о предстоящем переименовании моей армии меня очень огорчило. Вся героическая борьба на Юге России, неразрывно связанная со священными для каждого русского патриота именами генералов Корнилова и Алексеева, велась под знаменем «Добровольческой Армии». Каждый из нас, сознательно шедший на борьбу, предпочел именно это знамя знаменам Украинской, Астраханской и других армий. Пойдя под это знамя, я решил идти под ним до конца борьбы. Я готов был отказаться от должности Командующего Кавказской армией и продолжать командовать корпусом или даже дивизией в составе Добровольческой армии. Я написал генералу Деникину письмо, с полной искренностью высказав ему эти мысли, и просил генерала Юзефовича вручить это письмо главнокомандующему до нашего с ним свидания.

Утром генерал Деникин зашел ко мне. По его словам, он ценил работу моей армии и понимал то значение, которое могло иметь для частей сохранение того наименования, которое неразрывно связано было с их подвигами. Но, в то же время учитывая, что большая часть «не казачьих» добровольческих полков должна была войти в состав армии генерала Боровского, полагал, что этой армии принадлежит преимущественное право именоваться Добровольческой. Генерал Романовский, со своей стороны, поддерживал точку зрения главнокомандующего. Я предложил генералу Деникину сохранить за обеими армиями дорожное войскам название добровольческих, добавив к нему наименование по району действий армий.

В конце концов моя армия получила название Кавказской Добровольческой, а армия генерала Боровского Крымско-Азовской Добровольческой.

10-го января я вступил в командование армией и отдал следующий приказ:

ПРИКАЗ

Кавказской Добровольческой армии № 2.
10-го января 1919 г. Минеральные Воды.

Славные войска Кавказской Добровольческой армии!

Волею главнокомандующего, генерала Деникина, я с сегодняшнего дня поставлен во главе Вас.

Горжусь командовать Вами, храбрецы.

Полгода кровавых битв я провел среди Вас, почти все Вы сражались под моим начальством, – и с нами всюду была победа.

Орлы 1-ой конной дивизии, где только не били мы врага. Под станицами Петропавловской, Михайловской, Курганной, Чамлыкской, Урупской и Безскорбной, под Армавиром и Ставрополем, – Вы неизменно громили противника, захватывая пленных, орудия, пулеметы.

Доблестные соратники 1-го конного корпуса, Ваше победоносное «ура» гремело под Михайловской, Дубовкой, Тугулуком, Константиновской, Благодарным, Петровским, под Спицевкой и Винодельным, под Медведовским, Елизаветинским, Святым Крестом и Георгиевском, – тысячи пленных, десятки орудий и пулеметов, огромные обозы попали в Ваши руки.

Славные войска 1-го армейского, 1-го конного корпусов, 3-ей кубанской дивизии и Пластуны 3-ей бригады, рядом с доблестными войсками генерала Ляхова, Вы в последних боях разбили наголову врага, – 35 орудий, 53 пулемета, броневики, аэропланы, огромные обозы и тысячи пленных стали Вашей добычей.

Доблестью Кубанских орлов освобождена родная Кубань; враг, пытавшийся укрыться в богатой Ставропольской губернии, постигнут, разбит и бежал в голодную Астраханскую степь.

Очередь за Тереком; уже поднимаются на защиту родных станиц славные Терцы и каждый день стекаются в наши ряды.

Услыхав клич Кубанских и Терских орлов, уже встают храбрые Кабардинцы и Осетины; встал как один горный Дагестан, джигиты седлают коней, берут оружие и спешат вместе с нами в бой...

Вперед же, кавказские орлы.

Расправьте могучие крылья, грудью прикройте свои гнезда и, как трусливого шакала, гоните от родных станиц и аулов презренного врага.

Генерал Врангель.

На следующий день генерал Деникин вернулся в Екатеринодар, а я горячо принялся за работу. Еще в первые дни смуты на минеральные группы бежало из главных городов России большое число зажиточных и принадлежавших к верхам армии и бюрократии лиц. Все они, особенно за последнее время владычества красных, подвергались жестокому преследованию. По мере приближения наших войск, красный террор усиливался, свирепствовали обыски и расстрелы. В числе расстрелянных оказались и бывший главнокомандующий северным фронтом, генерал Рузский, и герой Галиции, генерал Радко-Дмитриев. Кто лишился мужа, кто сына или брата. Большинство потеряли последнее свое достояние. Теперь эти несчастные, не смея верить еще в свое избавление и ежечасно ожидая возвращения врага, спешили пробраться в тыл, забивая вокзалы и вагоны. В Кисловодске, Пятигорске, Железноводске и Минеральных Водах осталось значительное число большевиков, не успевших бежать с красными войсками и ныне стремившихся пробраться поглубже в тыл, надеясь там, не будучи известными, надежно укрыться. Установить надежный контроль было чрезвычайно трудно. С наступлением зимы в рядах Красной Армии стал свирепствовать сыпной тиф. При отсутствии порядка и правильно организованной медицинской помощи эпидемия приняла неслыханные размеры. За переполнением больниц тифозные заполняли дома, вокзалы, стоявшие на запасных путях вагоны. Умершие в течение нескольких дней оставались

среди больных. Лишенные ухода, предоставленные самим себе, больные в поисках за питанием бродили до последней возможности по улицам города, многие, потеряв сознание, падали тут же на тротуары. Я привлек к работе все местные и имевшиеся ранее в моем распоряжении медицинские силы. Приказал очистить от больных и продезинфицировать вокзалы и вагоны, открыл ряд новых лазаретов и госпиталей, используя пакгаузы, кинематографы и т. п.

Между тем 1-ый конный корпус, неотступно идя на плечах противника, непрерывно продвигался вперед, захватывая пленных, орудия, пулеметы и обозы. Спеша нагнать свой корпус, проехал через Минеральные Воды генерал Покровский. Я беседовал с ним. Беседа эта подтвердила сложившееся у меня о нем мнение. Это был безусловно человек незаурядного ума и большой выдержки. Я знал, что он предупрежден о моем недоброжелательном к нему отношении и тем более оценил спокойную, независимую и полную достоинства его манеру себя держать. Пробыв несколько дней в Екаторинодаре, вернулся в Минеральные Воды генерал Деникин. С ним приехал помощник его по гражданской части генерал Драгомиров; одновременно прибыл и генерал Ляхов.

Генерал Деникин пригласил меня и генерала Юзефовича на имеющее у него быть под его председательством военное совещание. Кроме меня и генерала Юзефовича присутствовали генералы Романовский, Драгомиров и Ляхов. Главнокомандующий ознакомил нас с общим положением на фронте наших армий и своими дальнейшими предположениями. Освобождающиеся за очищением Северного Кавказа от красных части Кавказской армии предполагалось перебросить в Каменноугольный район, занятый ныне частями генерала Май-Маевского, с тем, чтобы в дальнейшем, заслонившись по линии Маныча слабым заслоном, главными силами развивать действия в общем направлении на Харьков. Я горячо возражал, со своей стороны предлагая освобождающиеся части моей армии перебрасывать в район станции Торговой с тем, чтобы в дальнейшем, по сосредоточении здесь армии действовать вдоль линии Царицынской железной дороги, на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака, победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу. Генерал Романовский мне возражал, доказывая необходимость прежде всего обеспечить за нами жизненно необходимый нам Каменноугольный бассейн и указывая на то, что харьковское направление, как кратчайшее к главному объекту действий Москве, должно почитаться главнейшим. Генерал Юзефович поддерживал меня.

Мои и генерала Юзефовича доводы успеха не имели и главнокомандующий оставил в силе свое решение перебросить освободившиеся части моей армии на Донецкий фронт.

По мере того, как я присматривался к генералу Деникину, облик его все более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей «железной дивизии» он имел ряд блестящих дел. Впоследствии в роли начальника штаба верховного главнокомандующего, в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг верховного главнокомандующего все русское офицерство. Всем памятна была блестящая прощальная речь его, обращенная к офицерскому союзу в Могилеве. Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладевать сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу, исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится вне этих непререкаемых для него истин. Сын армейского офицера, сам большую часть своей

службы проведенный в армии, он, оказавшись на ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды, – провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды оставалось у него бессознательное предубежденное отношение к «аристократии», «двору», «гвардии», болезненно развитая щепетильность, невольное стремление оградить свое достоинство от призрачных посягательств. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он видимо терялся, боясь ошибиться, не доверял никому и в то же время не находил в самом себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вести по бурному политическому морю государственный корабль.

Генерал Покровский, став во главе корпуса, продолжал гнать противника. Последний делал отчаянные усилия задержать наше победное движение и тем спасти себя от окончательного разгрома. В боях под Моздоком, станицами Мекенской и Калиновской, последние остатки, некогда грозной своим числом и средствами 150 000-ой армии были окончательно разгромлены. Немногие конные части, ища спасения, рассеялись по Астраханской степи. Вся же пехота, артиллерия, пулеметы и обозы попали в наши руки. Брошенные противником составы тянулись непрерывной лентой от станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст. Весь путь отступления красных был усеян брошенными орудиями, повозками, оружием, трупами убитых и умерших от болезней. В руки нашей конницы попало 8 бронепоездов, более 200 орудий, более 300 пулеметов и свыше 31 000 пленных. Наша конница подходила к Кизляру, разъезды ее достигли берегов Каспийского моря. За двенадцать дней преследования конница генерала Покровского прошла свыше 350 верст.

Получив известие о занятии нашими передовыми частями Кизляра, я решил проехать к генералу Покровскому, чтобы благодарить его части. Я проехал поездом до станции Узловой, далее путь оказался неисправным и я продолжал путешествие на автомобиле. На всем пути из окна вагона видели мы следы беспорядочного стихийного отступления Красной Армии. Тянувшийся вдоль железнодорожного пути тракт был усеян брошенными орудиями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На остановках железнодорожные станции и дома были набиты больными и ранеными. По мере продвижения вперед картина разгрома противника выявлялась все ярче.

Начиная от Моздока до станиц Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяжении 65 верст, весь путь вдоль железной дороги был сплошь забит брошенной артиллерией и обозами, вперемешку с конскими и людскими трупами. Огромные толпы пленных тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Партии пленных, в значительном числе состоявших из больных, оставляли за собой большое количество отсталых. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другие пытались еще искать спасения, подымались и шли далее, шатаясь и падая, пока, окончательно выбившись из сил, не теряли сознание. Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда.

На одной из маленьких станций, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, я зашел в железнодорожную будку. В маленькой в пять-шесть квадратных аршин комнате лежали на полу плотно прижавшись друг к другу восемь человек. Я обратился с вопросом к ближайшему, ответа не последовало. Наклонившись к нему, я увидел, что он мертв. Рядом лежал такой же мертвец, далее то же.

Из восьми человек было семь трупов. Восьмой был еще жив, но без сознания. К груди своей, ища тепла, он плотно прижимал облезшую, худую собаку.

На станциях и железнодорожных разъездах стояли брошенные противником эшелоны с потухшими паровозами. Сбежавшееся из соседних деревень население растаскивало

грузы. Среди всевозможных товаров, мануфактуры, посуды, снарядов, сельскохозяйственных машин, оружия, медикаментов, лежали забившиеся в вагоны больные, вперемешку с трупами. В одном из вагонов я видел умирающего, под головой которого подушку заменял труп его товарища. На одном из разъездов нам показали поезд мертвецов. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежали несколько мертвых врачей и сестер. По приказанию генерала Покровского особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложенными, подобно дровам, окоченевшими, в разнообразных позах, мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу.

От станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, огнеприпасы, громадное количество медикаментов, медицинских инструментов, обувь, одежда, вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем. Охранять все это было некому и бесценные запасы расхищались населением окрестных деревень. Один из составов, вероятно от неосторожности, загорелся. Находившиеся в некоторых вагонах артиллерийские грузы взорвались. Чернел длинный ряд обгорелых вагонов и на значительном пространстве кругом разбросаны были обезображенные трупы, среди них много женщин и детей.

Освобожденный от красного ига Терек подымался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали спешившие на сбор к станичному правлению казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

– «Куда идете, хлопцы?»

– «Большевиков идем бить, тут много их по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчерась семерых убил», в сознании совершенного подвига заявил один из хлопцев, казаченок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...

Нагнав генерала Покровского на походе к Кизляру, куда он в этот день переносил свой штаб, я отдал ему распоряжение оставаться с частью сил в Кизлярском отделе, а прочие силы направить под командой генерала Шатилова на юг к устью реки Суджи, с целью перехватить бегущую от Владикавказа ХП-ую армию красных. Поблагодарив полки, я в тот же день выехал обратно в Минеральные Воды.

Одновременно с занятием генералом Покровским Кизляра, часть его конницы заняла город Грозный. В то же время Кавказская казачья дивизия недавно произведенного в генералы Шкуро и пластуны генерала Геймана после упорного боя овладели Владикавказом и начали очищение плоскостных ингушских аулов, где держались еще части XI 1-ой Красной Армии, действовавшей в Суджинском отделе. Прижатые к Кавказскому хребту красные пытались прорваться к морю долиной реки Суджи. Подоспевшие части генерала Шатилова успели их перехватить; в жестоких боях под станицами Самашинской, Михайловской и Слепцовой окончательно разгромили врага, захватили 7 бронепоездов, всю его артиллерию и более 10 000 пленных.

Северный Кавказ был освобожден. Армии генерала Деникина отныне имели обширную базу, бесконечно богатую местными средствами, огромным запасом людей и всем необходимым для обеспечения широких операций его войск.

29-го января я отдал армии приказ:

«ПРИКАЗ

Кавказской Добровольческой армии № 3. Минеральные Воды 20 января 1919 г.

Славные войска Кавказской Добровольческой армии.

Доблестью Вашей Северный Кавказ очищен от большевиков.

Большевицкая армия разбита, остатки ее взяты в плен. В одних только последних боях Вами захвачено 8 броневых поездов, 200 орудий, 300 пулеметов, 21 тысяча пленных и иная несметная военная добыча. Еще недавно, в октябре месяце, большевицкая армия насчитывала 100 000 тысяч штыков с огромным числом орудий и пулеметов, – теперь от этой армии не осталось и следа...

Полчища врага разбились о доблесть Вашу – Вас было мало, у Вас подчас не хватало снарядов и патронов, но Вы шли за правое дело, спасение родины, шли смело, зная что „не в силе Бог, а в правде...“

Кубанские орлы; – Вам обязана родная Кубань за избавление от ужаса крови, насилия и разорения. Изгнав врага из родных станиц, Вы отбросили его в безлюдные Астраханские степи, Вы протянули руку помощи родному Тереку, гибнувшему в неравной борьбе.

Славные Терцы, храбрые Кабардинцы, Черкесы и Осетины – Вы долго боролись с неравным врагом, ожидая помощи. Она пришла в лице нашей армии и Вы, как один, стали в ее ряды.

Герои стрелки, доблестная пехота, славные артиллеристы – Вы, кучка верных сынов России, свершили свой крестный путь в палящий зной, ненастье и стужу, на равнинах Кубани, в Ставропольских степях, в горах Ингушетии и Чечни... От Черного и до Каспийского моря прошла наша армия, победоносно гоня врага, возвращая несчастному населению мир и благоденствие.

Как Ваш Командующий и как один из сынов несчастной, истерзанной и опозоренной России, земно кланяюсь Вам, герои Кавказской Добровольческой армии, – и твердо верю, что доблестью Вашей гибнущая Родина будет спасена.

Генерал-Лейтенант Врангель».

Через несколько дней, по возвращении из поездки моей к Кизляру, я вновь занемог. Поднялась температура, сильная головная боль не оставляла меня целые дни. Несколько дней я перемогал себя, оставался на ногах и продолжал заниматься делами. Однако, вскоре должен был слечь. По прошествии нескольких дней выяснилось, что я заболел сыпным тифом, который свирепствовал кругом. Совсем больной переехал я в Кисловодск, где подготовлены были помещения для меня и штаба, нашел в себе еще силы проехать в автомобиле с вокзала на отведенную мне дачу и подняться во второй этаж. В тот же вечер я стал временно терять сознание Жар поднимался, меня душили страшные кошмары. Ко всему этому прибавились повторившиеся сердечные спазмы, бесконечно мучительные. Генерал Юзефович и его жена в эти дни проявили ко мне трогательную заботливость. Я был прекрасно обставлен, для лечения были приглашены профессор Ушинский и в помощь ему несколько врачей, поочередно дежуривших. Через несколько дней прибыл вызванный из Екатеринодара известный бактериолог профессор Юрьевич.

Генерал Юзефович вызвал телеграммой из Крыма мою жену. Она нашла меня в положении очень тяжелом. Я с трудом узнал ее и через несколько часов после ее приезда впал в полное беспамятство. Положение мое все ухудшалось. На пятнадцатый день болезни оно стало почти безнадежным. Врачи отчаялись спасти меня. Профессор Юрьевич предупредил жену, что она должна быть готова к худшему. Генералу Юзефовичу доктора объявили, что едва ли я доживу до утра. Жена решила пригласить священника исповедывать и причастить меня. В дом доставлена была пользовавшаяся большим почетом жителей Чудотворная икона Божьей Матери. Я был без сознания и исповедь могла быть только глухая. Однако во время исповеди я неожиданно пришел в себя, в полном сознании исповедывался и причастился, но после причастия вновь впал в беспамятство. Отслужив молебен, батюшка ушел, а жена осталась у моего изголовья, ежечасно ожидая моей смерти.

Я беспрерывно бредил, вдруг начинал командовать, отдавать боевые распоряжения. Иногда бред становился совершенно бессвязным и я бесконечно повторял одно какое-нибудь слово. К утру я окончательно изнемог.

Неожиданно к вечеру шестнадцатого дня болезни температура стала падать, на семнадцатый день наступил кризис и я был спасен. Спасению своему я, конечно, обязан тому исключительному уходу, которым был окружен и, главным образом, беззаветному самоотвержению жены, не отходившей от меня за все время моей болезни.

Выздоровление было длительно и мучительно. Я был страшно слаб, сильно болели ноги. Лишь в середине марта смог я перейти из постели в кресло. В первые дни начала выздоровления я получил чрезвычайно сердечное письмо от генерала Деникина. Он поздравлял меня с избавлением от смертельной опасности и посылал пожелание скорейшего полного выздоровления. Письмо было чрезвычайно теплое и искренне меня растрогало. Зная, что я стеснен в средствах и что лечение мое стоило больших денег, генерал Деникин отдал генералу Юзефовичу распоряжение покрыть расходы по лечению моему из казенных средств. С большим трудом смог я написать генералу Деникину ответ. Я несколько раз должен был прерывать письмо, не находя в себе силы его окончить.

Как в дни моей болезни, так и в период выздоровления, я был предметом самого трогательного внимания, как со стороны всех меня окружавших, так и со стороны моих старых соратников и даже совсем чужих людей. Лечившие меня врачи, значительная часть разного рода поставщиков, решительно отказывались от всякого вознаграждения за свои услуги. Многие совсем неизвестные мне лица присылали мне вино, фрукты и т. д., справлялись о моем здоровье и выражали готовность помочь, чем могут. Целый ряд освобожденных мною станиц Кубанского и Терского войска, постановлением своих станичных сборов, избрали меня своим почетным казаком. Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада в заседании своем 13-го февраля наградила меня вновь учрежденным крестом Спасения Кубани 1-ой степени.

Переброска моей армии в Донецкий каменноугольный район заканчивалась. В районе Святого Креста оставался генерал Улагай с частью полков своей дивизии, а в Дагестане части генерала Шатилова довершали очищение аулов от красных. Штаб армии переносился в Ростов-на-Дону. Туда же отбыл командовавший за моею болезнью армией генерал Юзефович, оставив при мне чинов моего личного штаба и часть конвоя. Врачи настаивали на необходимости для меня отдыха где-либо на берегу моря. В двадцатых числах марта я с женою выехал из Кисловодска в Сочи.

За два дня до отъезда из Кисловодска я получил телеграмму о ранении генерала Шатилова. Шатилов эвакуировался в Екатеринодар, а в командование его отрядом вступил генерал Драценко.

На одной из станций я нагнал санитарный поезд. В отдельном вагоне находились раненые генерал Шатилов и доблестный командир 1-го Запорожского полка полковник Павличенко. Я прошел навестить их. Генерал Шатилов был ранен в ногу, рана была не опасна, но

весьма мучительна. Полковник Павличенко был жестоко изранен в рукопашной схватке с чеченцами. Он получил семь пулевых и шашечных ран. Голова, руки и ноги его были забинтованы. К счастью ни одна из ран не была серьезна. Павличенко, выслужившийся из простых казаков, был офицер совершенно исключительной доблести и громадного порыва. Он был ранен несчетное число раз и левый рукав его черкески был покрыт выше локтя нашивками за ранения.

В Сочи для меня отведена была прелестная дача на самом берегу моря. Несмотря на раннее время года, весна на побережье была в полном ходу. Теплый весенний воздух был наполнен ароматом цветов и трав; я целые дни пролеживал на солнце, отъедался и отсыпался, быстро восстанавливая утерянные силы. Газеты приходили редко, но я имел возможность быть сравнительно хорошо осведомленным, так как был связан прямым проводом со штабом генерала Юзефовича, последний, кроме того, часто писал мне. Он препроводил мне, между прочим, копию рапорта своего генералу Деникину, в коем он вновь настаивал на необходимости развития операции наши на Царицынском направлении, стремясь выйти на соединение с войсками адмирала Колчака, победоносно подходившего к Волге. Соображения генерала Юзефовича я разделял полностью и решил при личном свидании с генералом Деникиным вновь поднять этот вопрос.

Пребывание мое в Сочи оказалось непродолжительным. Дела на нашем фронте начинали портиться. Красные, оттеснив войска генерала Боровского в Крым, овладели перешейками и ворвались на полуостров. Одновременно окончательно испортившиеся между нашим главным командованием и грузинами отношения грозили открытым разрывом, со дня на день можно было ожидать столкновения в районе наших передовых частей у Адлера. В горах к северу от Сочи, по донесению местной стражи, накапливались руководимые грузинами шайки дезертиров и уклоняющегося от мобилизации сброда, именовавших себя «зелеными».

Регулярные грузинские части еще сохраняли нейтралитет, но руководимые грузинами «зеленые» уже явно действовали агрессивно. Ряд стражников наших был обезоружен и несколько горных поселков в 10–15 верстах к северу от Сочи были захвачены «зелеными». Начальник Сочинского гарнизона (последний состоял из одной батареи и нескольких сборных рот) просил меня выслать разъезд от моего конвоя для разведки. Я охотно исполнил его просьбу, выслав офицера с десятью казаками. Последние в двенадцати верстах к северу от города имели перестрелку, причем мы потеряли одного казака и двух лошадей убитыми.

Для оттеснения «зеленых» был выдвинут начальником гарнизона сборный отряд под начальством причисленного к генеральному штабу штабс-ротмистра Чайковского. Экспедиция эта оказалась неудачной. Штабс-ротмистр Чайковский был убит, и отряд, потеряв много убитых и раненых, был оттеснен к самому городу. По получении донесения о положении у Сочи, ставка распорядилась высылкой Сочинскому гарнизону подкреплений. Я получил уведомление, что за мною, распоряжением Главнокомандующего, высылается миноносец. Железная дорога находилась уже под угрозой. Однако, имея с собой несколько чинов моего штаба, большей частью с семьями, людей и лошадей своего конвоя, я не мог оставить их. Я решил, отказавшись от возможности выехать морем, попытаться проехать поездом. Срочно собрав всех, я с наступлением темноты проехал в город. В течение ночи мы погрузились и в полной темноте, с потушенными огнями, имея на паровозе два пулемета, тронулись в путь. В семи-восьми верстах от города поезд наш был обстрелян постом «зеленых», однако путь был еще в исправности и мы успели благополучно проехать в Туапсе, по прибытии куда узнали, что железнодорожная линия к северу от Сочи уже захвачена противником.

Я решил ехать в Екатеринодар и по дороге побывать в ряде станиц Лабинского отдела: Петропавловской, Михайловской, Константиновской, Чамлыкской, почетным казаком коих я был недавно избран. Отцепив свой вагон на станции Курганная и отправив в Ростов боль-

шую часть чинов штаба и конвой, я в течение трех дней объехал верхом в сопровождении адъютанта окрестные станицы, столь памятные нам по прошлогодним тяжелым боям. Тепло и сердечно встречали меня казаки, подолгу беседовал я со станичными сборами, обедал со стариками в станичном правлении, осматривал школы, училища и лечебные заведения. Пронесшаяся над краем гроза, казалось, не оставила никакого следа. Жизнь вошла в обычный уклад и огромные богатые станицы успели оправиться. Все дышало довольством и благодушием. Казаки очень интересовались общим нашим положением, подробно меня обо всем расспрашивали. Я лишний раз убедился, насколько общий умственный уровень кубанских казаков сравнительно высок. Многие из стариков жаловались мне на то, что в Екатеринодаре «наше правительство и Рада зря болтают».

На шестой неделе Великого поста я прибыл в Екатеринодар. Мне было отведено помещение в атаманском дворце. Поездки по станицам меня сильно утомили, ноги опухли и профессор Юрьевич, которому я по приезду показался, уложил меня в постель; я съездил лишь к генералу Деникину и побывал в штабе.

Главкомандующий сердечно встретил меня, расцеловал, подробно расспрашивал меня о здоровье, о моей семье, просил не торопиться принимать армию, убеждая закончить лечение. При нашем свидании присутствовали несколько лиц и о делах нам говорить не пришлось.

Несмотря на падение Крыма, в котором общественное мнение единодушно обвиняло генерала Боровского, на осложнение с Грузией и на тяжелые и малоуспешные для нас бои в каменноугольном бассейне, в ставке настроение было чрезвычайно оптимистическое. Начальник штаба, генерал-квартирмейстер и прочие лица, с которыми пришлось мне беседовать, казалось, уделяли военным операциям второстепенное значение. Все интересы и разговоры вертелись вокруг политики.

Обещанная иностранцами широкая помощь уже начинала сказываться. В Новороссийск непрерывно прибывали груженные артиллерийским и инженерным имуществом, обмундированием и медикаментами пароходы. В ближайшее время ожидалось прибытие большого числа аэропланов и танков. На всем освобожденном Кавказе прочно устанавливалась власть главного командования. Ингушетия и Дагестан были окончательно замирены. Не прекращавшаяся глухая внутренняя борьба между главным командованием и Доном закончилась победой генерала Деникина. Непокорный генерал Краснов только что передал атаманскую булаву генералу Богаевскому; последний, мягкий человек, явился послушным орудием ставки. На Кубани и Тереке власть главного командования была почти неограниченной. Правда, в Екатеринодаре между ставкой и местной властью в лице атамана и правительства не обошлось без трений.

Атаман генерал Филимонов горько жаловался мне на чинимые генералом Деникиным кубанцам незаслуженные обиды, на постоянно подчеркиваемое ставкой пренебрежительное отношение к нему и местным властям. На то же горько сетовал и походный генерал Науменко, указывая, что, признав наравне с Доном автономию и прочих казачьих новообразований, главное командование, в то же время, сплошь и рядом по отношению к Кубани нарушает свои обязательства. В то время, как Дон имел свою Донскую армию, подчиненную генералу Деникину лишь в оперативном отношении, Кубань, пославшая на защиту родины большую часть своих сынов, этого права была фактически лишена. В то время, как в Донской армии назначения, производства исходили непосредственно от атамана, в кубанских частях это право оставлял за собой генерал Деникин. Эти жалобы имели несомненно некоторое основание. Для единства действий и успешности нашей борьбы главное командование в отношении подведомственных ему войск должно было располагать полной мощью. Двойственное подчинение казачьих частей несомненно создавало немало затруднений. Однако, принцип полного и единоличного подчинения казаков необходимо было бы провести в жизнь в рав-

ной степени, как в отношении Кубани и Терека, так и Дона. Нахождение же в рядах Вооруженных Сил Юга России казачьих частей, хотя бы и разных войск, на различных основаниях представлялось несомненно несправедливым и должно было быть чревато последствиями.

Однажды, в то время, как у меня сидел генерал Эрдели, ожидавший назначения Главнокомандующим Северного Кавказа, взамен генерала Ляхова, меня зашел навестить генерал Романовский. Во время разговора он затронул вопрос о казаках и стал с видимым раздражением жаловаться на «происки и интриги кубанцев». Я с полной откровенностью высказал ему мой взгляд на необходимость в интересах общего дела уравнивать права отдельных казачьих войск. Существование отдельных казачьих армий в оперативном, да и в других отношениях несомненно крайне усложняет дело, «однако, если тем не менее вы находите необходимым оставить за Доном право иметь свою армию, то и Кубань и Терек должны иметь это право. В противном случае, вы не оберетесь упреков в пристрастии и несправедливости и дадите повод несправедливому неудовольствию». Генерал Эрдели горячо меня поддерживал. Наши доводы видимо несколько поколебали генерала Романовского. Внимательно выслушав нас, он не возражал и вскоре перевел разговор на другую тему.

Не только в отношении казаков, но и всех тех, кто непререкаемо и безоговорочно не принимал политику главного командования, ставка проявляла какую-то нетерпимость. Провозгласив лозунг «Единая, Великая и Неделимая Россия», по существу туманный и неопределенный, Главнокомандующий с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что, казалось ему, идет вразрез с исповедуемой им истиной. К казакам огульно пристегивалась кличка «самостийников». Самостийниками объявлены были и все те, кто еще недавно боролся с большевиками на Украине, все, кто служил у гетмана. С падением Украины огромное число офицеров бежало на юг. Между ними было большое число весьма доблестных горячих патриотов, готовых продолжать борьбу за освобождение отечества, на каком бы клочке русской земли эта борьба не велась. Высшие политические соображения им, конечно, были чужды. Между тем в ставке на них смотрели едва ли не как на предателей, они брались под подозрение и дальнейшая служба их допускалась лишь по прохождении ими особой реабилитационной комиссии. Это было жестоко, несправедливо и обидно.

Войска адмирала Колчака подходили к Волге, противник, сосредоточив силы на восточном фронте, делал тщетные попытки удержать продвижение сибирских корпусов. Весенняя распутица должна была неминуемо временно приостановить операции на восточном фронте. На юге наши части за последние четыре месяца не достигли существенных успехов. На Маныче всю зиму шли бои с переменным успехом. Наши части по-прежнему занимали южный берег Маныча. Донецкий каменноугольный район продолжал удерживаться нами, однако значительных успехов нам здесь также достигнуть не удалось. С оставлением Крыма наши левофланговые части отошли к востоку от Мариуполя. В ставке были недовольны действиями генерала Юзефовича. Об этом говорил мне и генерал Деникин и генерал Романовский. Оба они высказали уверенность, что, со вступлением моим в командование армией, операции наши разовьются успешнее.

Я по-прежнему не сочувствовал принятому ставкой операционному плану. Необходимость скорейшего соединения наших сил с сибирскими армиями казалась мне непреложной. Необходимость эта представлялась столь ясной, что на нее указывалось целым рядом лиц, в том числе и не военных. Умный и проницательный А. В. Кривошей, часто навещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера. Я отстранял от себя эти подозрения, но объяснения образу действий ставки найти не мог. Все попытки мои говорить на эту тему с генералом Романовским оказались бесплодны, он явно уклонялся от обсуждения этого вопроса.

Я подал Главнокомандующему рапорт:

Секретно.
«Командующий Кавказской Добровольческой Армией
Главкомандующему Вооруженными Силами 4-го апреля 1919 года.
на Юге России.
№ 82. Г. Екатеринодар.

РАПОРТ.

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю доложить мои соображения:

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением полагаю должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника, действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении, мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица и, вопреки провокационному заявлению Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений, полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса – Ст. Гундоровская, чем прикрывается жел. дор. Новочеркасск – Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0, 4 фронта занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, использовав их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конной массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского узла и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него, столь часто выпускаемую нами из рук, инициативу.

Генерал-лейтенант Врангель».

На первый день праздника атаман давал в мою честь музыкальный вечер, участвовали несколько артистов и прекрасно пел кубанский войсковой хор. На вечере в числе прочих присутствовал прибывший с фронта генерал Шкуро. Накануне он был у меня и сообщил мне,

что в ближайшие дни ожидает обещанный ему Главнокомандующим корпус. Ставка усиленно выдвигала генерала Шкуро, рассчитывая, по-видимому, использовать его для борьбы с самостийными казачьими течениями. Правда, в известной части казачества генерал Шкуро был популярным. Популярность эта приобреталась им главным образом игрой на низменных инстинктах казаков. В широкой массе казачества имя генерала Шкуро уважением не пользовалось и мне непонятно было, как главное командование могло надеяться найти в нем крепкого и верного союзника.

В военном отношении, как крупный начальник, он проявлял полную неподготовленность и отсутствие широких дарований, являясь лишь способным партизаном.

В Екатеринодаре явился ко мне прибывший из Сибири посланцем от атамана Семенова есаул Миллер. Миллер, бывший офицер Нерчинского казачьего полка, при мне служил в полку одновременно с Семеновым. Ныне он прибыл с письмами от последнего к Главнокомандующему. Между адмиралом Колчаком и Семеновым были значительные несогласия и Семенов, командуя Миллера, надеялся найти поддержку в генерале Деникине. От Миллера узнал я все подробности возглавляемой Семеновым борьбы казаков на Дальнем Востоке.

За несколько месяцев до революции Семенов, в числе других офицеров, знающих монгольский язык, был командирован в Забайкалье для формирования инородческих частей. Там застал его и большевистский переворот. Отказавшись подчиняться местным представителям советской власти, Семенов начал партизанскую войну против большевиков, поддержанный местными промышленными кругами, главным образом, владельцами приисков, щедро снабжавшими его средствами. К Семенову стали стекаться, избегая беспощадной расправы красных, многочисленные добровольцы. В конце семнадцатого года стали прибывать в Забайкалье отправленные туда после неудачного наступления частей генерала Краснова на Петроград полки Уссурийской дивизии. Большая часть офицеров и значительная часть казаков и солдат присоединилась к Семенову. Начальник Уссурийской дивизии генерал Хрещатицкий первый подал пример добровольного подчинения младшему, согласившись принять должность начальника штаба Семенова, выбранного поднявшимися Забайкальцами атаманом. Примеру Хрещатицкого последовали остальные офицеры дивизии. Семенову удалось войти в связь с японцами, оказавшими ему значительную поддержку. За Забайкальцами поднялись Уссурийцы и Амурцы. Силы Семенова росли и крепили и вскоре он, стоя во главе трех войск, стал фактическим хозяином Восточной Сибири. Появление адмирала Колчака неожиданно ставило предел честолюбивым планам атамана. Последний, усмотрев в действиях адмирала Колчака посягательство на свои права, отказался подчиниться Верховному Правителю, за что последним был отрешен от должности и предан суду. Решив продолжать с Верховным Правителем борьбу, Семенов стал перехватывать следующие в сибирские армии грузы, грозя совсем отрезать армии от Приамурья. Ища поддержки, Семенов обратился к атаману Оренбургского войска Дутову. Однако последний решительно отказался его поддерживать. Теперь Семенов думал найти опору в генерале Деникине. Я самым резким образом высказал Миллеру мое негодование на действия его начальника, о чем просил его довести до сведения Семенова.

Через несколько дней генерал Романовский сообщил мне, что генерал Деникин решительно отказался поддержать домогания Семенова. Я предложил генералу Романовскому со своей стороны, как бывший начальник Семенова, послать ему телеграмму, побуждая его выполнить свой долг в интересах общего дела. К моему предложению генерал Романовский отнесся весьма сочувственно. Тут же составил я и вручил ему телеграмму, копию с коей послал есаулу Миллеру. Телеграмма была написана в весьма резких выражениях — зная Семенова, я знал, что это окажется наиболее действенным: «до сих пор я гордился тем, что некогда командовал славными Нерчинцами, теперь стыжусь, узнав, что среди них оказался

изменник общему делу...» Далее я убеждал Семенова отказаться от личных интересов для пользы общего дела и подчиниться Верховному Правителю. Мне неизвестно, была ли когда-либо получена моя телеграмма атаманом Семеновым, последний вскоре изъявил готовность подчиниться адмиралу Колчаку и в дальнейшем продолжать бороться под его начальством. За несколько дней до смерти адмирал Колчак передал Семенову полноту военной и гражданской власти в Сибири.

В двадцатом году, во время борьбы моих войск в Крыму, Семенов известил меня о готовности подчиниться мне.

Кажется, 12-го апреля я, зайдя утром в штаб в отделение генерал-квартирмейстера, узнал, что противник крупными массами перешел на Манычском фронте в наступление, форсировал Маныч и продолжал наступление на Торговую. Занимавшие этот участок нашего фронта донцы, под начальством генерала Мамонтова, понесли жестокие потери и, оставив большую часть своей артиллерии в руках противника, отходили на запад. Мои предсказания пророчески сбылись. Я зашел к генерал-квартирмейстеру, где застал генерала Романовского. Для обоих, видимо, это событие было совершенно неожиданным и они были весьма смущены. На следующий день события продолжали грозно развиваться. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге. Наши части отходили, почти не оказывая сопротивления. Сам генерал Мамонтов, видимо, потерял дух и доносил, что казаки «разложились» и что он бессилен что-либо сделать.

13-го вечером я уже лег спать, когда меня разбудили, сообщив, что генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик желают меня видеть. Полученные с фронта известия были грозны. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге, угрожая отрезать Кавказскую Добровольческую армию от ее базы. В резерве у генерала Юзефовича свободных часов не было. Необходимо было принять срочные меры, дабы остановить дальнейшее продвижение врага. Генерал Романовский спросил меня, соглашусь ли я принять командование над войсками Манычского фронта; через несколько дней он надеялся иметь возможность усилить эти части кубанцами генерала Покровского (1-ая конная дивизия генерала Шатилова была изъята из состава 1-го конного корпуса и оставалась в Дагестане. Генерал Покровский объединял действия 1-ой кубанской дивизии и одной из донских), снятыми с фронта Кавказской Добровольческой армии. Во главе последней, по предложению генерала Романовского, должен был оставаться генерал Юзефович, мне же надлежало сформировать новый полевой штаб.

С предложенным мне решением я согласиться не мог. Я считал, что намеченных генералом Романовским сил (сборный, слабой численности и состава, отряд из трех родов войск генерала Кутепова, оперировавший в районе станции Торговой, небоеспособные части генерала Мамонтова и, имеющаяся прибыть, слабая численностью 1-ая кубанская дивизия) для предстоящей операции недостаточно. Нецелесообразным считал я и создание нового полевого штаба. С таким случайным, наспех созданным штабом и сборными незнакомыми мне войсками, я не мог рассчитывать на успех. Со своей стороны, я предложил генералу Романовскому спешно сосредоточить на участке Владикавказской дороги Ростов – Тихорецкая весь 1-ый конный корпус, сняв с фронта Кавказской Добровольческой армии кубанцев генерала Покровского и, сверх того, спешно перебросить туда же из Дагестана 1-ую конную дивизию генерала Шатилова, весьма сильную численно и качественно. Для объединения действий Манычской группы я предлагал использовать штаб моей Кавказской Добровольческой армии, оставшиеся же, за выделением 1-ой кубанской дивизии генерала Покровского, на фронте армии добровольческий корпус, сводный (терцы и кубанцы) генерала Шкуро и оперировавший в районе Мариуполя отряд генерала Виноградова объединить в руках командира Добровольческого корпуса генерала Май-Маевского. Генерал Романовский со мной не согласился, считая, что намеченных им сил вполне достаточно для восстановления

нашего положения, а что отъезд генерала Юзефовича со штабом армии из Ростова «вызовет в Ростове панику», что может быть чревато последствиями. При этих условиях я категорически отказался от принятия командования над войсками Манычского фронта, в то же время, в виду серьезности положения на фронте, я решил немедленно ехать в Ростов и вступать в командование моей армией.

Начальник штаба и генерал-квартирмейстер продолжали настаивать. Генерал Романовский заметил, что мой отказ поставит Главнокомандующего в необходимость самому принять на себя непосредственно руководство Манычской операцией. Я заметил, что решения своего не изменю, что, по совести, не могу взяться за дело, которое считаю для себя при настоящих условиях непосильным. «Главнокомандующий, имеющий полную мощь», – добавил я, – «в случае если он лично станет во главе операции, будет иметь возможность принять все меры для того, чтобы обеспечить успех операции и я не сомневаясь, что он убедится в необходимости тех мер, которые я предлагаю». Генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик, видимо недовольные, ушли, причем генерал Романовский просил меня на следующий день утром быть у Главнокомандующего.

В десять часов утра я был у генерала Деникина, где застал начальника штаба. Генерал Деникин был видимо уже в курсе дела и спросил меня «не надумал ли я что-нибудь». Я вновь подтвердил, что не считаю себя в силах справиться с поставленной генералом Романовским задачей и просил разрешения немедленно вернуться к моей армии. Генерал Деникин не настаивал. В тот же вечер я выехал в Ростов.

24 октября 1921 г. Константинополь

Глава III

На Москву На Дону

В Ростове на вокзале я встречен был генералом Юзефовичем с чинами штаба. Почетный караул был выставлен от сводного полка 12-ой кавалерийской дивизии. Полк формировался в Ростове. Караул был отлично одет, люди выглядели молодцами.

Оккупированная французскими войсками, после падения гетманской власти на Украине, Одесса неожиданно в конце марта была французами оставлена. Одновременно с французами бежал из Одессы и штаб, формируемой с благословения французского генерала Franchet d'Espaire, «Народной Русской армии» во главе с ее инициатором генералом Шварцем. В числе его ближайших помощников оказался и генерал Бискупский, долженствовавший занять пост инспектора кавалерии и обратившийся из украинского «генерального хорунжего» в генерала «демократической русской армии».

С оставлением Крыма штаб генерала Боровского был расформирован; сам же генерал Боровский получил назначение начальником Закаспийской области. Он так и не успел туда попасть, ограничив поле дальнейшей своей деятельности рестораном гостиницы «Палас». Объединенные под начальством генерала Шиллинга наши крымские части, при поддержке мощной артиллерии союзного флота, продолжали удерживать Керченский перешеек. В каменноугольном бассейне, в районе Андреевка – Ясиноватая – Криничная героически сражались обескровленные многомесячной борьбой добровольцы генерала Май-Маевского. Полки его корпуса после ряда тяжелых потерь насчитывали каждый 400–500 человек. Противник продолжал настойчиво пытаться овладеть важным для него каменноугольным районом. Однако, несмотря на огромное превосходство, все же не мог оттеснить геройские полки Добровольческого корпуса. На левом фланге последнего в районе Волноваха-Мариуполь действовал слабый численно сборный отряд из трех родов оружия под начальством генерала Виноградова, имея против себя незначительные силы красных. На правом фланге генерала Май-Маевского только что сосредоточился после удачного рейда в тыл противника Сводный конный корпус в составе Кавказской (кубанской) и 1-ой терской казачьих дивизий. Корпусом временно командовал начальник Кавказской дивизии генерал Шкуро.

Во главе дивизий стояли: Кавказской – временно замещающий генерала Шкуро командир одной из бригад, генерал Губин, бывший мой сослуживец по Уссурийской дивизии; Терской – доблестный генерал Топорков. Последний, недавно на эту должность назначенный, имел уже в дивизии ряд блестящих дел, был тяжело ранен и ко времени моего приезда в Ростов отсутствовал. Правофланговые части генерала Шкуро держали связь с Донской армией, действовавшей на правом берегу реки Донца, к югу от Луганска, 1-ая Кубанская дивизия была оттянута в тыл для переброски на фронт Маныча. Генерал Покровский со штабом ожидался в Ростов на следующий день. Он должен был объединить действия 1-ой кубанской и спешно направлявшейся на Манычский фронт с Кавказа, только что окончившей формирование, 2-ой терской казачьей дивизии. Сосредоточение корпуса намечалось в районе станции Батайск.

Впредь до прибытия в район сосредоточения частей генерала Покровского, важнейший ростовский узел с юга ничем не прикрывался. Кроме незакончившего формирование сводного полка 12-ой кавалерийской дивизии, необходимого для поддержания порядка в самом городе, свободных резервов в распоряжении штаба армии не было. Донские части генерала Мамонтова окончательно потеряли всякую боеспособность, «совершенно разложились», как доносил сам генерал Мамонтов. Перед наступающей конницей красных казаки, бросая артиллерию и оружие, бежали за Дон. Высланный для наблюдения переправы

у станции Ольгинская разъезд ординарческого эскадрона под начальством хорунжего Гриневича доносил о движении разъездов красных в направлении на Батайск.

Забитый многочисленными армейскими и правительственными учреждениями громадный торговый и промышленный центр Ростов был объят паникой. В самом городе было неспокойно и по сведениям штабной и местной, донской, контрразведок можно было со дня на день ожидать выступления местных большевиков. Я принял меры к ускорению переброски эшелонов Кубанской дивизии. Выслал для прикрытия Батайска бронепоезд. Назначил на утро совещание для принятия мер по охране города, пригласив на него командующего войсками округа, донского генерала Семенова, заведующего донской контрразведкой полковника Сорохтина, начальника контрразведки штаба армии ротмистра Маньковского, коменданта города и коменданта главной квартиры. Доклады всех этих лиц только подтвердили доложенное мне накануне генералом Юзифовичем. На окраинах города, в рабочих кварталах и особенно в Затермицком поселке, издавна пользовавшемся дурной славой, было неспокойно. Имелись сведения о прибытии в город целого ряда большевистских агентов и намерении последних, при содействии местных большевиков, вызвать ряд выступлений в городе. В распоряжении обеих контрразведок имелся ряд сведений об отдельных агентах большевиков. Я приказал в ту же ночь арестовать всех намеченных контрразведкой лиц. Несмотря на возражения некоторых из присутствовавших, что эти аресты могут вызвать волнения и что сил, имеющихся в распоряжении штаба, для поддержания в этом случае порядка в городе недостаточно, я настоял на своем, считая, что только решительные действия власти могут еще заставить считаться с ней. В ту же ночь было арестовано до семидесяти человек. Среди них занимавший довольно видное положение в городе присяжный поверенный Ломатидзе. Последнего в числе шести наиболее видных большевистских деятелей я немедленно предал военно-полевому суду, приговорившему их к смертной казни. Несмотря на ряд обращенных ко мне ходатайств отдельных лиц и общественных групп о смягчении участи осужденных (главным образом ходатайствовали об имеющем значительные связи в городе Ломатидзе), я остался непреклонен. Через день после ареста приговор был приведен в исполнение. Решительность, проявленная властью, несомненно возымела действие. Ни в эти дни, ни после никаких выступлений в городе не было.

На следующий день по прибытии моем в Ростов я выезжал в Батайск для свидания с генералом Мамонтовым. Последний, высокий, статный, бравого вида генерал в эту минуту казался совершенно подавленным. По его словам, казаки совсем «вышли из рук» и у него не оставалось даже нескольких человек для посылки в разъезд. Он с несколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядок среди скопившихся в Батайске беглецов. К счастью, противник преследовал весьма вяло и, видимо, не отдавал себе отчета в нашей беспомощности. В Ростов явился ко мне прибывший со своим штабом генерал Покровский, коему я подчинил части генерала Мамонтова, приказав, не стесняясь мерами, привести их порядок. Следом за головным эшелоном стали прибывать эшелоны кубанцев. Через два дня положение стало уже менее грозным. Кубанцы прикрыли Батайскую и Ольгинскую переправы и, выбросив на широком фронте разведку, дали возможность осветить обстановку. Расстреляв несколько дезертиров, генерал Покровский кое-как остановил и стал приводить в порядок деморализованные донские полки. С Кавказа подходили эшелоны с терцами.

Генерал Деникин, прибыв из Екатеринодара, лично принял на себя руководство войсками Маньчской группы. Генерал Покровский, объединив командование 1-ой Кубанской, 2-ой Терской дивизиями и несколькими полками донцов, перешел в наступление и стал теснить противника к Маньчу. Не ожидавшие отпора красные стали поспешно отходить, но вскоре оправились и сами перешли в наступление, обрушившись на терцев. Терская дивизия, только что сформированная и плохо обученная, была жестоко потрепана и потеряла всю свою артиллерию. Генерал Деникин лично мог убедиться в серьезности создавшегося поло-

жения. 1-ой Конной дивизии генерала Шатилова было отдано приказание спешно грузиться и следовать на Манычский фронт. Предсказания мои генералу Романовскому осуществлялись, и Главнокомандующий, приняв на себя руководство манычской операцией, вынужден был сосредоточить те самые части, каковые предлагал генералу Романовскому использовать для намеченной операции и я.

Между тем, на фронте моей армии положение продолжало оставаться тяжелым. Генерал Май-Маевский доносил о тяжелых боях своих частей. Под давлением подавляющей численности врага, поддержанного убийственным огнем большого числа бронепоездов, наши слабые части на некоторых участках вынуждены были несколько отойти. Добровольческие полки дрались чрезвычайно упорно, отстаивая каждую пядь земли. Тяжелые потери заставляли опасаться, что последние кадры нашей пехоты будут уничтожены. В то же время в тылу армии свежих пополнений не имелось. Вопрос о создании запасных частей для пополнения войсковых кадров до сего времени не был должным образом разрешен. Из всей занятой армиями генерала Деникина территории Юго-Востока России лишь в Черноморской и Ставропольской губерниях гражданская власть полностью сосредотачивалась в руках главного командования. В прочих областях действовала автономная казачья власть. В значительной части казачьих областей население было смешанное – казаки и иногородние. И если относительно первых ставка, хотя и неохотно, все же готова была признать государственные права атаманов и казачьих правительств, то в отношении иногороднего населения это право главное командование хотело оставить за собой. При этих условиях разработка мобилизационного плана была чрезвычайно затруднительна. Дело не пошло далее бесконечной переписки между штабом главнокомандующего и войсковыми штабами. В ростовском округе, распоряжением командующего округом донского генерала Семенова, также производилась «мобилизация». Мобилизация эта сводилась к тому, что на улицах хватали прохожих, регистрировали и брали на учет. Кроме естественного неудовольствия в населении и полного дискредитирования в его глазах власти, эти мероприятия ничего дать не могли. Я тщетно телеграфировал в ставку, доказывая необходимость точно установить взаимоотношения командующего армией с представителями местной власти, но ничего добиться не мог, – штаб главнокомандующего, видимо, оказывался бессильным разрешить эту задачу и всячески уклонялся от определенного ответа.

В то время, как насущнейшие жизненные вопросы оставались неразрешенными, главное командование стремилось разрешить ряд вопросов общероссийского масштаба, долженствовавших охватить все области государственного устройства России. Разработкой этих вопросов было занято образованное Главнокомандующим Особое Совещание из лиц по личному выбору генерала Деникина. Работы Особого Совещания по этим вопросам вылились в форму двух программных писем генерала Деникина на имя председателя Особого Совещания. Несколько позже была издана «особая декларация» о «целях, которые преследует командование Вооруженными Силами на Юге России в вооруженной борьбе с советской властью и в государственном строительстве». Все эти документы ничего реального не давали, ограничиваясь общими местами вроде «уничтожения в стране большевистской анархии и водворения в стране правового порядка», «восстановления могущественной Единой и неделимой России», «широкого местного самоуправления», «гарантии свобод», «немедленного приступа к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения», «немедленного проведения рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом...». Все это было столь же бесспорно, сколь и неопределенно. Намеченная этими документами программа главного командования должна была служить руководящими данными для деятельности «Освага» – отдела пропаганды, долженствующего противопоставить свою деятельность пропаганде большевиков. Громоздкое с огромными штатами учреждение «Освага» пребывало в Ростове. Оно стоило

правительству бешеных денег и давало надежное убежище многочисленным уклоняющимся от выполнения своего воинского долга. Непомерно разросшийся «Осваг» стремился охватить все отрасли жизни армии и страны. Он не только «внедрял в сознание масс идеологию, исповедуемую Главным Командованием», «популяризировал вождей», но и ставил себе целью «облагораживание литературного вкуса обывателя». Так объяснил мне один из деятелей этого учреждения в Ростове издание отделом пропаганды художественно-литературных повременников.

Была у «Освага» и другая, более темная сторона деятельности – так называемая «информация вверх», составление секретных сводок, касающихся деятельности политических партий, организаций и отдельных лиц. Наиболее секретные из этих сводок в числе двух экземпляров представлялись лишь председателю Особого Совещания и самому Главнокомандующему. В них давались сведения о деятельности самых ближайших к генералу Деникину лиц.

В обществе и в армии отношение к «Освагу» было весьма недружелюбное. В армии этому много способствовало назначение помощником начальника отдела пропаганды профессора К. Н. Соколова небезызвестного полковника Энгельгардта, бывшего в первые дни смуты комендантом Петрограда.

Не получая удовлетворительного ответа из ставки, я решил лично проехать в Новочеркасск повидать Донского атамана генерала Богаевского и путем личных переговоров разрешить совместно с ним ряд вопросов. Генерал Богаевский только что перенес сыпной тиф и принял меня, лежа в кровати. Мягкий и весьма доброжелательный человек, генерал Богаевский, с которым я был знаком еще по службе в гвардии, охотно пошел мне навстречу и обещал дать представителям донской власти на местах необходимые указания для согласования нашей работы. В Новочеркасске я виделся также с выехавшим меня встретить на вокзал начальником штаба Донской армии генералом Келчевским. Генерала Кельчевского я знал еще по академии Генерального штаба, где он состоял во время прохождения мной курса курсовым штаб-офицером; впоследствии встречался я с ним в Каменце и в Черновицах в бытность его генерал-квартирмейстером IX-ой армии генерала Лечицкого. Талантливый офицер Генерального штаба, он заслуженно выдвинулся в период Великой войны; нравственный облик его был незavidный. Я выехал из Новочеркаска вечером и на вокзале в Ростове узнал, что через семь минут по приходе моего поезда был взорван ближайший к Новочеркасску мост. Господь хранил меня и злоумышленникам не удался их замысел.

С целью облегчения положения частей генерала Май-Маевского, я приказал генералу Шкуро ударить в тыл действующих против добровольцев частям красных. Генерал Шкуро удачно выполнил задачу, оттянув против себя часть неприятельских сил и временно облегчив положение добровольцев. Одновременно перешли в наступление своим левым флангом и донцы. Левофланговая донская дивизия генерала Калинина нанесла красным ряд жестоких поражений и овладела городом Луганском, угрожая противнику дальнейшим продвижением на запад. Для парирования успеха донцов красные вынуждены были оттянуть с фронта моей армии часть резервов и истекавшие кровью добровольцы получили возможность передохнуть.

С целью ознакомления на местах с нуждами войск и возможностью помочь нам военным снабжением прибыл из Англии генерал Бригго. Генерал произвел на меня самое лучшее впечатление умного и дельного человека. С большим вниманием и знанием дела выслушал он доклады начальника снабжения и начальника артиллерии и обещал всемерное содействие к облегчению наших нужд. Я чествовал его обедом в штабе, после чего мы присутствовали на скачках местного скакового общества. После скачек донской коннозаводчик Пишванов подвел мне коня своего завода, в этот же день выигравшего скачку, – чистокровного гнедого трехлетнего жеребца «Гарема», сына дербиста «Гамураби». Вечером я устроил у себя в честь

английской миссии кавказский вечер с лезгинкой и песнями. На другой день мы ездили в Таганрог с генералом Бриггсом осматривать недавно пущенный в ход Русско-Балтийский завод, где производилась выделка оружейных снарядов и ружейных патронов.

Я все еще не оправился после перенесенной болезни, чувствовал себя слабым, ноги отекали. Доктора настаивали на необходимости покоя, однако об этом нечего было и думать. Дел было столько, что я едва успевал найти время пообедать. Ежедневно осаждало меня бесконечное количество всякого рода просителей, надеющихся у меня добиться разрешения вопросов, которые оказывались бессильными разрешить представители местной администрации.

Упорные бои на Маныче продолжались. Противник продолжал удерживать главные переправы у станицы Великокняжеской. Дважды переправляющаяся восточнее Великокняжеской на правый берег реки ударная группа генерала Шатилова оба раза, после первоначальных успехов, вынуждена была с большими потерями вновь отходить за реку. Вязкое русло Маныча не позволяло переправить вброд артиллерию, чем главным образом и объяснялся наш неуспех. Донцы, заняв Луганск, далее не продвигались. На фронте Добровольческого корпуса противник вновь стал насаждать.

Я получил телеграмму о прибытии генерала Деникина в Ростов, где на вокзале должно было состояться совещание с командующими армиями. Из Новочеркасска был вызван командующий Донской армией генерал Сидорин. Последний несколько запоздал. Поезд Главнокомандующего прибыл раньше. Генерал Деникин был озабочен общим положением на фронте. Он настаивал на энергичных действиях донцов, долженствующих, приковав к себе противника, облегчить тяжелое положение моей армии. С заметным раздражением говорил Главнокомандующий о нежелании донского командования сообразовать свои действия с общим положением, об «интригах в Новочеркасске»; виновником последних он называл генерала Келчевского. Упомянув о том, что вследствие создавшейся обстановки он вынужден был сосредоточить на Манычском фронте значительное число сил, генерал Деникин высказал предположение, что «по завершении манычской операции» явится, вероятно, необходимость группу генерала Улагая, оперирующего в районе Св. Креста, и войска манычской группы объединить в отдельную армию. При этом Главнокомандующий спросил меня, согласился ли бы я стать во главе этой армии. Я ответил согласием, добавив, что по-прежнему придаю Царицынскому направлению первенствующее значение. К тому же новая армия будет состоять главным образом из родных мне частей, коими командовал я во время кавказской операции. Вскоре прибыл поезд командующего Донской армией генерала Сидорина. Последнего я знал еще по академии Генерального штаба, курс которой мы проходили одновременно. Сидорин был весьма неглупый, способный и знающий офицер. Как командующий армией он был вполне на высоте своего положения.

25-го апреля я получил письмо от генерала Романовского:

Многоуважаемый Петр Николаевич!
«Начальник Штаба
Главнокомандующего
Вооруженными Силами
на Юге России.
24-го апреля 1919 г.
Ст. Тихорецкая.

У Вас, вероятно, был уже Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создала, что почти все кубанские части собрались на царицынском направлении и мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это Главнокомандующий и наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался. С созданием Кубанской армии становится

сложный вопрос о командовании ею. Все соображения приводят к выводу, что единственным лицом, приемлемым для Кубани и таким, которого будут слушаться все наши кубанские полководцы – Покровский, Улагай, Шкуро – является Вы.

Главкомандующий и интересуется, как Вы к этому вопросу отнесетесь.

В Кубанскую армию Главкомандующий предполагает включить те кубанские части, которые в настоящее время на Манычском фронте и при первой же возможности произвести рокировку 1-ой Кавказской казачьей дивизии и 2-ой Кубанской пластунской бригады, перекинув их сюда в Кубанскую армию, а терцев отправить в Кавказскую армию, где из них составить Терский корпус. Горцы ввиду недостатка конницы в Кавказской армии тоже, вероятно, будут перекинуты в Кавказскую армию. Таким образом в Кубанской армии соберутся кубанские части и останутся 6-ая дивизия, состоящая из Сводного Астраханского п. п., Сводного Саратовского п. п... Сводного гренадерского п. п. и Саратовского к. дивизиона с артиллерией и Астраханская кон. отд. бригада (генерал Зыков). В связи с этими предположениями Главкомандующий желает, чтобы 2-ая Кубанская бригада была подготовлена в смысле сбора и расположения к быстрой смене.

Что касается вопроса о штабе, то Главкомандующий намечает штаб Кавказской армии оставить в Ростове, а для Кубанской вновь сформировать. Конечно, Вы можете, если бы пожелали, персонально, одного или другого из чинов штаба или даже начальника штаба взять с собой.

Заместителем Вашим в Кавказской армии, которую предполагается при этом переименовать просто в Добровольческую, Главкомандующий намечает генерала Май-Маевского.

Если бы Вы согласились на предложенное назначение, то я бы просил Вас переговорить или списаться с генералом Май-Маевским относительно штаба и главного начальника штаба к нему (генерал Яков Давидович Юзефович может не пожелает остаться или уйти с Вами).

По всем этим вопросам Главкомандующий желает знать Ваши соображения.

От души желаю Вам успехов.

Искренне Ваш И. Романовский».

После последнего разговора моего с Главкомандующим вопрос о создании на Царицынском направлении новой армии, во главе коей должен был стать я, не был для меня неожиданностью. Однако решение Главкомандующего о создании отдельной Кубанской армии было для меня ново. Учитывая в полной мере все неудобства, проистекавшие из-за существования отдельных армий новых казачьих образований, я в то же время учитывал, что раз Дон пользуется этим правом, и Кубань и Терек имеют право справедливо этого домогаться. Намеченное Главкомандующим решение, не устраняя неудобства, проистекающего от существования отдельных армий казачьих новообразований, в то же время справедливо уравнивало их права и преимущества, устраняя тем самым главный повод существовавших между главным командованием и кавказскими казачьими правительствами недоразумений. В то же время мысль, что мне придется командовать Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, с политикой, в значительной мере идущей вразрез с политикой главного командования, справедливо меня пугала.

Хотя и атаман и Рада выражали мне всяческим образом свое внимание и Краевая Рада только что известила меня о принятии меня с семьей в коренное сословие кубанских казаков,

хотя большинство кубанских частей были мне родны и в широких массах казачества имя мое пользовалось большим уважением, я все же, как командующий Кубанской армией, оказался бы в некотором подчинении кубанской власти и был бы неизбежно причастен к политике Кубани, которую я разделять не мог.

Мои ближайшие помощники, начальник штаба генерал Юзефович и генерал-квартирмейстер полковник Кусонский соображения мои полностью разделяли. Переговорив с ними, я решил подождать ответом до приезда Кубанского атамана генерала Филимонова и походного атамана Кубанского войска генерала Науменко, о приезде которых я был предупрежден. С ними одновременно приехал возвращающийся в строй после ранения генерал Топорков. За несколько часов до обеда, устроенного мною в честь приехавших, я получил телеграмму начальника штаба главнокомандующего, разъясняющую, что объединение кубанских частей в армию с наименованием «Кубанской» не должно быть понимаемо, как признание какой-либо зависимости этой армии от кубанского правительства и расширения прав последнего в отношении кубанских войск. При этих условиях Кубанский атаман сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию «Кубанской», признав, что раз по существу вопрос не разрешен, то лучше уж вновь формируемой армии дать название Кавказской Добровольческой, под каковым большинство войск Манычского фронта сражались за освобождение родного им Кавказа. Тут же за обедом составили телеграмму генералу Деникину, каковую подписал Кубанский атаман и я.

На другой день я выехал на станцию Харцызск, дабы повидать генерала Май-Маевского и переговорить с ним по содержанию полученного мною от генерала Романовского письма. Я впервые увидел генерала Май-Маевского. Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и громадным носом-сливой, маленькими мышинными глазками на гладко выбритом без усов и бороды лице, он, не будь на нем мундира, был бы несомненно принят каждым за комика какой-либо провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и несомненно не глупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление. Долгие месяцы ведя тяжелую борьбу в каменноугольном бассейне, он не потерял бодрости духа. Он, видимо, близко стоял к своим войскам, знал своих подчиненных. Генерал Май-Маевский был очень польщен доверием Главнокомандующего, о чем и просил меня довести до сведения генерала Деникина. Вместе с тем он просил о назначении начальником штаба армии взамен генерала Юзефовича, решившего оставаться при мне, начальника штаба Добровольческого корпуса генерала Агапьева. Своим заместителем на должность Добровольческого корпуса генерал Май-Маевский представлял генерала Кутепова, командовавшего действующим в районе станции Торговая отрядом из трех родов войск. Осмотрев расположенных в резерве близ станции Харцызск пластунов и два батальона марковцев, я проехал на позицию. Мы селись в автомобиль, когда получено было донесение о переходе противника против 1-ой бригады в наступление. Я выехал к участку, где шел бой.

Укрытая за грядой небольших холмов, стреляла наша тяжелая батарея. В полутора-двух верстах впереди растянулась по холмистой степи жидкая цепь наших стрелков. Со стороны противника гремели артиллерийские выстрелы и дымки шрапнели то и дело вспыхивали над нашими цепями. Мы вышли из автомобилей и я пошел вдоль фронта, здороваясь со стрелками. Увидев группу сопровождавших меня лиц, неприятель открыл ружейный огонь. Пули посвистывали, шелкали в сухую землю, взбивая пыль. Я шел вдоль цепи, приветствуя стрелков, изредка останавливаясь и задавая вопросы. Огонь противника усиливался, один из следовавших за мной ординарцев был убит, другой ранен. Я приказал сопровождавшим меня вернуться назад, сам же с генералом Май-Маевским, генералом Юзефовичем и лицами моего штаба продолжал обходить полки. Наступавшие цепи противника медленно накапливались против занимавших левый фланг марковцев. С целью помочь сосе-

дям корниловцы перешли в контратаку. Я подходил к занятому корниловцами участку, когда их цепи, поднявшись, быстро двинулись, охватывая фланг врага. Несмотря на огонь люди шли, не ложась. Впереди на гнедом коне ехал молодой командир полка полковник Скоблин. Под угрозой своему флангу, красные, не приняв удара, начали отход. Поблагодарив корниловцев, я поехал на вокзал. Давно не испытанная близость к войскам, близость боя, создавали бодрое, приподнятое настроение.

Через несколько дней в Ростов вновь приезжал Главнокомандующий. Генерал Юзефович, долгое время командовавший за моей болезнью армией, был видимо несколько задет выбором на эту должность генерала Май-Маевского, полагая, что право на эту должность по справедливости принадлежит ему. При свидании с генералом Деникиным я просил его найти случай поговорить с генералом Юзефовичем и постараться смягчить горечь казавшегося ему недоверия Главнокомандующего.

– «Ну что же я ему скажу. Ведь по совести я считаю, что он командовать армией не может», – развел руками Деникин.

– «Все-таки, Ваше превосходительство, вы быть может нашли бы возможным его огладить, объяснив, что он необходим, как начальник штаба моей армии. Я лично никогда в крупных штабах не служил, штабная работа мне мало известна и действительно мне без Якова Давидовича было бы трудно».

– «Нет, увольте, я не умею разводить дипломатии. Поговорите уж вы с ним, Иван Павлович пусть не кобенится...»

Так чувство незаслуженной обиды и осталось в сердце Юзефовича.

На следующий день по отъезде Главнокомандующего стали вновь поступать тревожные сведения с фронта. Красные возобновили атаки; и без того бедные ряды полков таяли окончательно. Генерал Май-Маевский засыпал меня телеграммами, донося о невозможности более держаться и ходатайствуя о разрешении отойти на позиции к северу от станции Иловая. Я приказал ему продолжать держаться, одновременно дав указания генералу Шкуро вновь перейти в наступление, с целью облегчения положения добровольцев. Конница перешла в наступление, имела ряд тяжелых боев, однако, особенно продвинуться не могла. Давление на части генерала Май-Маевского не ослабевало.

Генерал Май-Маевский, с которым я говорил по аппарату Юза, доложил мне, что он держаться далее не может, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров. Я ответил, что имею категорическое приказание Главнокомандующего держаться во что бы то ни стало. Вместе с тем, учитывая, что в ближайшие дни ответственным за армию явится он, генерал Май-Маевский, я обещал ему немедленно довести до сведения Главнокомандующего наш разговор и испросить разрешения оттянуть Добровольческий корпус на намеченные им позиции.

30-го вечером я выехал в Торговую, где находился поезд Главнокомандующего, лично руководившего Манычской операцией.

В Задонских степях

Явившись утром к Главнокомандующему, я доложил ему о положении Добровольческого корпуса. Ознакомившись с лентой разговора моего с генералом Май-Маевским по аппарату Юза, Главнокомандующий принял решение, – части Добровольческого корпуса оттянуть на намеченные генералом Май-Маевским позиции. Я тут же написал и отправил последнему телеграмму. Затем я сделал генералу Деникину подробный доклад о намеченных мною формированиях регулярной конницы.

Еще в декабре 1918 года я представил Главнокомандующему доклад о желательности создания особой инспекции конницы и настоятельной необходимости срочно присту-

пить к воссозданию старых кавалерийских полков. Однако вопрос этот так и не получил разрешения. В армии имелось большое количество кавалерийских офицеров, были некоторые полки, весь офицерский состав коих почти полностью находился в армии. Некоторые из кавалерийских частей сумели сохранить и родные штандарты. Офицеры мечтали, конечно, о возрождении родных частей, однако штаб главнокомандующего эти стремления не поощрял. С большим трудом удалось получить разрешение на формирование полка 12-ой кавалерийской дивизии; где-то на Кавказе формировались изюмцы; наконец, при моей помощи удалось развернуться собравшимся у меня на Кубани ингерманландцам. Некоторые части отдельными взводами или эскадронами действовали при пехотных дивизиях. Большое число кавалерийских офицеров находилось в тылу, служило в казачьих частях или в пехоте. По приезде моем в Ростов я поручил начальнику штаба подробно разработать вопрос об укомплектовании и развертывании отдельных кавалерийских эскадронов и сведении кавалерийских полков в высшее соединение. Собрав комиссию из имеющихся в армии старших представителей старых полков конницы, выяснив наличное число офицеров старых частей, я наметил формирование двух-четырех полковых кавалерийских дивизий. Подробно разработал вопрос о снабжении их лошадьми, седлами и оружием. Составил для представления Главнокомандующему кандидатский список начальников. В один из приездов Главнокомандующего в Ростов я докладывал ему о моих предположениях и генерал Деникин дал мне тогда принципиальное согласие. Теперь, выслушав мой доклад, он полностью его одобрил и тут же утвердил представленный мною проект приказа, утвердил также и намеченных мною кандидатов на командные должности, однако в создании «инспекции конницы» отказал.

Закончив доклад, я спросил у Главнокомандующего о положении на Манычском фронте. Мы все еще не могли достигнуть здесь решительного успеха; вторичная переправа нашей кавалерии на северный берег Маныча вновь окончилась неудачей. Наши части захватили было много пленных и значительно продвинулись в тыл противника, но вынуждены были вновь отойти на южный берег реки. 1-ая конная дивизия генерала Шатилова понесла большие потери, а терский пластунский батальон был почти полностью уничтожен. Генерал Деникин с горечью говорил о том, что хотя мы «нагнали уйму конницы», но «сделать пока ничего не удастся».

Для обороны Маныча в районе Великокняжеской противник сосредоточил всю свою Х-ую армию – около 30 000 штыков и шашек, с нашей стороны против нее действовали, кроме отряда генерала Кутепова – 6-ой пехотной дивизии (Сводню Астраханский пехотный полк, Сводно-Саратовский пехотный полк, Сводно-гренадерский пехотный полк и Саратовский конный дивизион с артиллерией) и отдельной Астраханской конной бригады под начальством генерала Зыкова, 1-ый конный корпус генерала Покровского (1-ая Кубанская и 2-ая Терская казачьи дивизии), 1-ая конная дивизия генерала Шатилова, Горская дивизия полковника Гревса, Сводный Донской корпус генерала Савельева и Атаманская дивизия, – всего одна дивизия пехоты и семь с половиной дивизий конницы.

6-ая пехотная дивизия, малочисленная и сборного состава, была мало боеспособна. Сравнительно слабыми качественно и количественно были астраханцы и горцы. Зато донские, кубанские и терские полки были вполне достаточной численности и в большинстве отличных боевых качеств. Главная масса нашей конницы – кубанцы и терцы генерала Покровского, кубанцы генерала Шатилова, Атаманская дивизия, астраханцы и горцы были сосредоточены на правом фланге нашего расположения к востоку от линии железной дороги, в районе сел Бараниковское-Новоманычское. Вдоль линии железной дороги располагались части генерала Кутепова. Сводно-Донской корпус генерала Савельева растянулся по южному берегу реки Маныч, к западу от железной дороги, имея главные силы у переправы Казенный мост.

Я спросил Главнокомандующего, кто из начальников объединяет главную массу нашей конницы, и с удивлением узнал, что конная масса не объединена в одних руках и что отдельные кавалерийские начальники подчиняются непосредственно Главнокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать единства действий. Я высказал это генералу Деникину:

– «Все это так, но как вы заставите генерала Покровского или генерала Шатилова подчиниться одного другому».

Возражение Главнокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако, на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то, что общая польза дела этого явно требовала, подчинить одного генерала другому. Я высказал генералу Деникину мое мнение, что для успеха дела конница должна быть объединена в одних руках, что хотя генерал Шатилов как крупный начальник имеет несравненно больше данных нежели генерал Покровский, однако, с другой стороны, он еще недавно был подчинен последнему, входя своей дивизией в состав его корпуса и, что близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы он отказался подчиниться тому или другому начальнику, раз последует приказание Главнокомандующего. Присутствующий при разговоре генерал Романовский обратился ко мне:

– «А вы, Петр Николаевич, не согласились бы помочь нам, объединив конницу – вам все наши полководцы охотно подчинятся».

Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконец, бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой.

Из Ростова я выехал в сопровождении лишь генерал-квартирмейстера полковника Кусонского и личного моего адъютанта. Я просил генерала Романовского предоставить на время операции в мое распоряжение нескольких офицеров штаба главнокомандующего. Генерал Романовский охотно согласился, предоставив мне выбрать таковых по моему усмотрению. Я поручил сделать это полковнику Кусонскому, который наметил одного из офицеров оперативного отделения полковника Подчерткова и одного – разведывательного отделения полковника Ряснянского. В распоряжение полковника Кусонского был откомандирован и начальник связи штаба Главнокомандующего полковник Апрелев. Генерал Романовский предоставил в мое распоряжение несколько автомобилей. Послав генералу Юзефовичу телеграмму о спешной высылке моих лошадей и необходимых вещей, я известил старших кавалерийских начальников телефонограммой о моем приезде, предложив им собраться в станице Новоманычская для военного совещания. После обеда я выехал туда на автомобиле. Переговорив с генералами Покровским, Шатиловым, Зыковым, полковником Гревсом и другими старшими начальниками и пройдя на наблюдательный пункт (колокольню), откуда отлично было видно расположение наших и неприятельских войск, я ясно мог отдать себе отчет в общей обстановке. Главная масса неприятельских сил сосредоточена была в районе Великокняжеской и Бараниковской переправ и в самой станице Великокняжеской.

Как северный берег у обеих переправ, так и станица Великокняжеская с юга были усилены окопами. Противник располагал весьма мощной артиллерией и об овладении переправами в лоб нечего было и думать. К востоку от Бараниковской переправы линия Маныча противником только наблюдалась. Здесь переправа наших, даже сравнительно небольших

сил, со стороны противника препятствий встретить не могла, однако мелководный, едва пол аршина глубиной, но болотистый и чрезвычайно топкий Маныч совершенно исключал возможность переправить вброд артиллерию. Без поддержки же артиллерии, как показал опыт, мы не могли рассчитывать на успех. В то же время предварительная наводка мостов обнаружила бы противнику заблаговременно наше намерение и внезапность – неперенное условие возможности успеха – тем самым была бы исключена.

Я предложил применить переносные щиты, каковые можно было быстро соорудить из подручного материала, разобрав многочисленные в станицах дощатые заборы. Эти щиты можно было подвести к переправе непосредственно за войсками, погрузив в воду, быстро навести настил. Пластуны, войдя в воду, должны были, придерживая щиты, не давать им всплывать; в дальнейшем проходящие тяжести вдавили бы в вязкое дно дощатый настил, плотно закрепив его на месте. Хотя в возможности оборудования переправы предложенным мной способом большинство присутствовавших сомневалось, я, вызвав командира саперной роты, приказал ему на другой день с рассветом подготовить опытную переправу на одном из многочисленных окрестных бачагов, а начальнику артиллерии 1-го корпуса генералу Фоку сделать опыт переправы легкой и тяжелой артиллерии. С наступлением темноты приказал генералам Покровскому и Шатилову выслать от своих частей офицерские разъезды для исследования течения Маныча на двадцать верст к востоку от Бараниковской переправы; поздно вечером вернулся я в Торговую.

2-ого мая Главнокомандующий подписал приказ о подчинении мне армейской группы в составе: 1-ого Кубанского корпуса, 1-ой конной дивизии, Горской дивизии и Астраханской отдельной бригады. Группе ставилась задача форсировать Маныч, овладеть станцией Великокняжеская. В мое распоряжение поступил и авиационный отряд (восемь аппаратов) под начальством полковника Ткачева. С фронта вдоль линии железной дороги должна была действовать, содействуя операции, 6-ая пехотная дивизия. В общем резерве Главнокомандующего оставались атаманы.

В вагоне Главнокомандующего познакомился я с генералом Кутеповым. Последний уезжал для принятия Добровольческого корпуса. Небольшого роста, плотный, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека.

В два часа я выехал в Новоманычскую. Опыт использования деревянных щитов для переправы вполне удался. В станице кипела работа; казаки разбирали заборы, сколачивали щиты. К моему приезду в станице Новоманычской, поселке Полтавском и селе Бараниковском были построены полки. Я объехал части, говорил с казаками. Прием был мне оказан самый восторженный.

После объезда мы заехали в штаб 1-ого конного корпуса, где собрались начальники разъездов, исследовавших переправы. Ознакомившись с их докладами, я окончательно наметил пункт переправы в 18-ти верстах восточнее села Бараниковское. Тут же я отдал директиву.

Переправа намечалась в ночь на 4-ое мая. Ударная группа состояла из 1-ого конного корпуса, 1-ой конной дивизии и Астраханской отдельной бригады. Для прикрытия Бараниковской переправы и связи с ударной группой оставалась Горская дивизия. На генерала Фоку было возложено объединение артиллерийской группы, долженствовавшей в случае необходимости содействовать переправе. Весь день 3-го мая должен был быть посвящен на подготовку материалов для переправы. Поздно ночью вернулся я в Торговую, 3-го прибыли из Ростова мои лошади, я выслал их немедленно в штаб 1-ой конной дивизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.